

ПИОНЕР

НОЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1952 г.

11

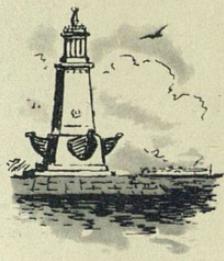

ПАРТИЯ

Дмитрий Гулиа,
народный поэт Абхазии

Пусть природа силою своею
сдвигает грозно кручи гор седых...
Но Партия во много раз сильнее:
она и рушит, и возводит их.

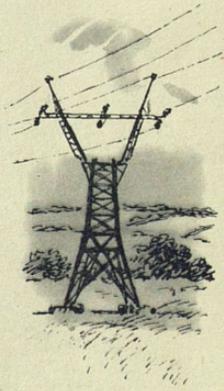
Пусть природа собственною властью
моря в тысячелетья создаёт...
Но Партия — гораздо лучший мастер:
проходит год — и море в берег бьёт.

Вот над землёй сияет солнце, грея
просторы мира в ясный день весны...
А Партия во много раз светлее —
её огнём сердца озарены.

Вселенная огромна... Даль сквозная,
дороги неизведанных миров;
она такая, что границ не знает,
она — как наша к Партии любовь.

Есть у природы точные законы:
за мглой ночной — рассвета синева...
Так сталинская правда непреклонна,
так Партии сбываются слова.

Земля без солнца — мёртвая планета,
дыханье жизни — в солнечном тепле;
нет без него ни воздуха, ни света —
без Партии нет жизни на земле.

Перевёл с абхазского
Марк Соболев

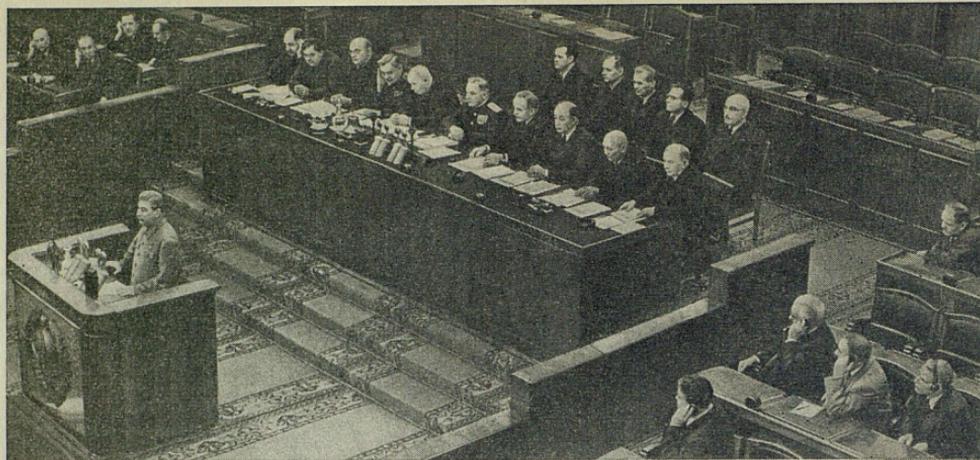
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 11 ноябрь 1952 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Заключительное заседание XIX съезда партии. На трибуне Иосиф Виссарионович Сталин.

ПАРТИЯ ВЕДЕТ НАШ НАРОД К КОММУНИЗМУ

«Готовься в дорогу на долгие годы, бери с коммунистов пример!» — поётся в пионерской песне.

Коммунисты — смелые, беззаветные борцы за счастье народа. Партия коммунистов — передовой отряд трудящихся нашей Родины.

«Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии», — сказал великий продолжатель ленинского дела, вождь партии и советского народа Иосиф Виссарионович Сталин.

Лучших из лучших своих товарищей послали коммунисты в Москву на XIX партийный съезд. Заседания съезда проходили в Большом зале Кремлёвского дворца с 5 по 14 октября. Под руководством товарища Сталина, следуя его указаниям, съезд наметил великую программу построения коммунизма в нашей стране.

К работе съезда были обращены взоры миллионов трудящихся и прогрессивных людей всех стран. С деятельностью партии Ленина — Сталина, её борьбой за мир и счастье человечества связывают они свои надежды и чаяния.

Перед самым съездом был опубликован новый гениальный труд товарища Сталина — «Экономические проблемы социализма в СССР». Эта

книга озарила ярким светом путь в будущее советским людям и всему человечеству. В своей работе товарищ Сталин раскрыл основные экономические законы современного капитализма и социализма.

Главная цель капиталистического производства — получить как можно больше прибыли. Ради этой прибыли капиталисты эксплуатируют, разоряют и доводят до нищеты трудящихся в своей стране, ради этой прибыли они разжигают войны, закабалют и грабят народы других стран.

Цель нашего социалистического производства — как можно полнее удовлетворять растущие материальные и культурные потребности всего общества. «Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями», — пишет товарищ Сталин.

В новой работе товарища Сталина показано, как будет развиваться наше общество, какие условия необходимы для постепенного перехода нашей страны от социализма к коммунизму.

Все планы партии на будущее опираются на знание экономических законов, на разработанную товарищем Сталиным науку о строительстве коммунистического общества.

С отчётным докладом Центрального Комитета партии выступил на съезде секретарь Центрального Комитета товарищ Маленков. Перед делега-

тами раскрылась величественная картина замечательных побед, одержанных нашей партией под мудрым водительством товарища Сталина.

Советский народ добился исторической победы в Великой Отечественной войне, досрочно выполнив план четвёртой пятилетки, быстро развивается народное хозяйство нашей страны, всё лучше, богаче, культурнее становится жизнь советских людей, крепнет единство советского общества и дружба народов, вокруг Советского Союза сплотились все силы лагеря мира и демократии. Эти радостные итоги подтверждают правильность политики нашей партии.

«Одобрить политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б)»,— единодушно решил съезд.

Съезд обсудил и утвердил директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.

Широкие, светлые горизонты открывает перед советским народом новая сталинская пятилетка. Наша Родина делает ещё один крупный шаг по пути к коммунизму, станет ещё сильнее и богаче. В каждой строчке, в каждом пункте этого плана видна сталинская забота о советских людях. Для блага советского человека строятся гигантские электростанции, прокладываются судорожные каналы в степях и пустынях, создаются новые моря, закладываются лесные полосы, строятся десятки тысяч прудов и водоёмов в степи, осушаются болота. Для блага советского человека механизмируются тяжёлые и трудоёмкие работы; увеличивается производство одежды, обуви; строятся новые дома, больницы, санатории, театры, клубы, библиотеки, детские сады.

Горячую заботу проявил съезд о нашей школе, о советской детворе. В столицах республик и крупнейших городах к концу пятилетки будет завершён переход от семилетнего к обязательному десятилетнему обучению. Вырастет количество школ, число учителей, и в следующем пятилетии всеобщее среднее образование осуществится во всём Советском Союзе. По инициативе товарища Сталина в директиве партии по пятому пятилетнему плану внесён специальный пункт о том, что в школах должно быть осуществлено политехническое обучение.

XIX съезд принял решение об изменении наименования партии. Отныне наша партия называется «Коммунистическая партия Советского Союза» (КПСС).

Сила нашей партии в том, что она состоит из активных борцов, что она держит высоко и берёт в чистоте великое звание члена партии. На XIX съезде секретарь Центрального Комитета товарищ Хрущёв сделал доклад об изменениях в Уставе партии. Утверждённый съездом Устав

кратко, просто и ясно определяет основные законы внутренней жизни партии, формы и методы её работы.

В Уставе указана главная задача нашей партии — построить коммунистическое общество путём постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Делегаты съезда единодушно избрали новый состав Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

На заключительном заседании съезда выступил наш мудрый вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин.

Это были незабываемые минуты. Делегаты съезда, посланцы братских партий — все поднялись со своих мест, приветствуя любимого вождя. В зале разразилась буря аплодисментов... Но вот овация утихла, воцарилась абсолютная тишина.

Товарищ Сталин поблагодарил братские партии и группы, представители которых почтили съезд своим присутствием или прислали съезду приветственные обращения, за дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие. «Для нас особенно ценно это доверие, — говорит товарищ Сталин, — которое означает готовность поддержать нашу партию в её борьбе за светлое будущее народов, в её борьбе против войны, в её борьбе за сохранение мира».

На исторических примерах товарищ Сталин показал, как велико значение братской поддержки народов в их борьбе за мир. Он подчеркнул, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов, что интересы Советского Союза неотделимы от дела мира во всём мире.

Товарищ Сталин раскрыл передовую роль нашей партии, «Ударной бригады» мирового и революционного движения, в общей борьбе народов за мир и социализм. Он показал рост сил демократического лагеря. «Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран, — сказал товарищ Сталин, — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее».

«Да здравствует мир между народами!»

Долой поджигателей войны!» — так закончил свою речь товарищ Сталин.

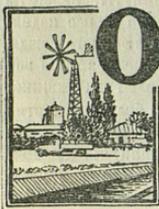
Решения XIX съезда партии, историческая речь товарища Сталина осветили советским людям путь в будущее. Они воодушевили народы всего земного шара на борьбу за мир и свободу, против поджигателей войны.

Под знаменем бессмертного Ленина, под мудрым руководством великого Сталина идёт наш народ всё вперёд и вперёд за Коммунистической партией, к торжеству коммунизма!

ЧЕРТЫ ВЕЛИКОГО НОВОГО

И. Котенко

В краю «чёрных» бурь

Однажды, лет пятнадцать тому назад, в колхоз имени Сталина приехала делегация иностранных рабочих. Они продали немалый путь по засушливой Сальской степи, где во все стороны, куда ни глянь, мчались похуже на тени пыльные смерчи.

Когда-то, ещё до революции, вся эта земля принадлежала князьям Трубеским. Управлять поместьями князя выписали учёного немца. Он приказал княжеским батракам распахать целинную, нетронутую веками землю, посеять на ней пшеницу, насадить сады. Но в первый же год налетевший из астраханских песков ветер выжег все посевы. Управляющий приказал снова засеять землю. И снова засуха и проносившие по степи «чёрные» бури убили всё живое. Так продолжалось несколько лет. Наконец управляющий прогляял эти места, назвал их «поместьем дьявола» и сбежал.

Вряд ли иностранные гости знали эту историю, но о страшных степных сушевых они кое-что слышали и теперь с любопытством оглядывали всё вокруг.

Между тем по обеим сторонам дороги стали появляться молодые деревца, потянулись квадраты вспаханных полей. Наконец, словно оазис в пустыне, открылась перед глазами изумлённых гостей зелёная усадьба колхоза.

Здесь всё казалось необычным: и шумящие на ветру тополя, за которыми белели домики колхозников, и прямые ряды яблонь в большом саду, и сотни машин, стоящих под навесами, и, главное, поля высокой пшеницы, расчерченные зелёными линиями лесных посадок. Бывшее «поместье дьявола» оказалось богатым, весёлым, плодородным местом.

— Как же вы это сумели? — удивлялись гости.

— Колхозом мы ещё не то можем сделать, — отвечали хозяева.

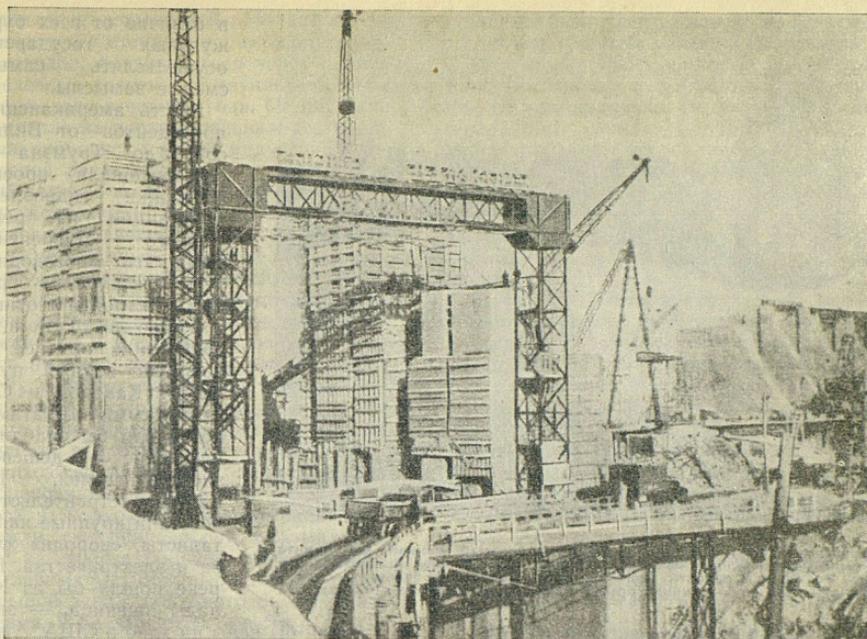
— А что за сила в колхозе? По какому образцу вы его строили?

— Образцу? — усмехнулся председатель. — Образца-то у нас, граждане, не было. Партия, советская власть для народа колхоз задумала, вместе его и строили... Да мы и государство наше без модели строили. Тоже новое дело, если говорить в международном масштабе!

Простая и мудрая мысль в этих словах! Уже тридцать пять лет существует Советское государство. Наш народ идёт путём, которым до него ещё никто не шёл. И всё, что делается в нашей стране, ново. Никогда до этого в истории человечества рабочий не трудился на заводе, где хозяин не капиталист, а он сам и миллионы таких, как он. Никогда крестьяне не работали вместе, на общей земле, в общих интересах, без страха перед помещиком, перед кулаком, перед всеильным владыкой — голодом.

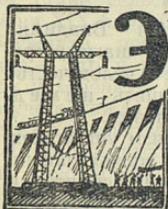
Никогда ещё не было ничего похожего на наши грандиозные планы и на их удивительно воплощение в жизнь!

Если бы те же иностранные гости заглянули сейчас в эти места, они увидели бы, как неузнаваемо преобразился не только колхоз имени Сталина, но и вся Сальская степь. Лесные полосы преградили путь суховеям, мощные плуги глубоко перепахали целинные земли, появились пруды, сады, виноградники, изменился даже самый климат, и если раньше даже птицы торопились быстрее пролетать эти степи, то теперь на колхозные пруды стали опускаться невиданные здесь лебеди. И всё же — это только начало: новые каналы протягиваются по степи, новые урожайные сорта растений засеваются на полях, а по соседству с Сальской степью уже поднялись гигантские сооружения Цимлянского моря.

На одной из крупнейших рек Сибири, Иртыше, сооружается мощная гидроэлектростанция — Усть-Каменогорская. Вы видите на снимке один из участков строительства.

План нашей жизни

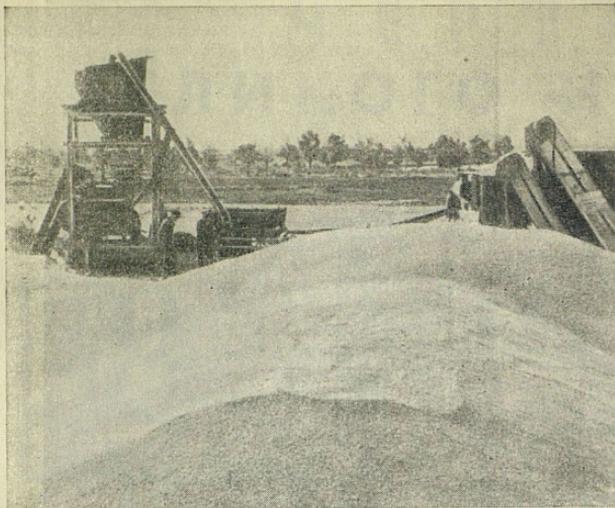
Этой осенью мне пришлось побывать у Цимлянского моря. С детских лет знакомы мне эти сизые от полыньки, прогретые солнцем придонские бугры, тихие и глубокие омуты под крутоярами, быстрая, вспененная ветром стремнина Дона, а за ним желтеющие, кое-

где вздыбленные древними сторожевыми курганами степи, простирающиеся до самого горизонта.

Видел я, как пришли сюда первые партии геодезистов, наметившие колышками трассу гигантской, тринадцатикилометровой плотины. Видел, как росла эта плотина, сооружаемая сотнями могучих, невиданных ещё в мире машин. Никогда не забудется тихая, звёздная ночь прошлого года, когда при ярком свете мощных про-

жекторов строители навсегда перекрыли старое русло реки и Дон стал раздвигаться вширь, образуя море. Словом, приходилось бывать здесь и в будни и в праздники, но ничто не могло сравниться с тем, что пришлось увидеть этой осенью.

Раньше, когда на плотине ещё шли работы, можно было только угадывать будущие контуры сооружений. Теперь они были готовы. Ушли на новые стройки шагающие гиганты, разобраны арматурные заводы, размеренной и уже другой жизнью веет вокруг. С грохотом ударяют в плотину крутые волны степного моря. Подняв высоко к небу шпиль башни, беллет здание гидроэлектростанции. У шлюзовых причалов покачиваются на волне корабли, пришедшие сюда из пяти морей. Далеко в степь протянулась голубая лента новой, проложенной человеком реки, дробясь на десятки и сотни оросительных каналов, по которым впервые в этом году на засушливые земли пришла вода, и колхозницы уже собирают белые

Машины помогают колхозникам собирать богатый урожай. Вы видите на снимке механизированный ток в колхозе «Большевик», Криворожского района, Ростовской области. Здесь работает теперь не больше десяти — пятнадцать человек, а раньше, при ручном труде, работало сто двадцать.

хлопья никогда раньше невиданного здесь хлопка.

Море, электростанция, каналы прочно вошли в жизнь, их нельзя уже отделить от привычного пейзажа. И невольно появляется мысль: сколько же времени потребовалось нашему народу, чтобы сделать явью то, что ещё недавно казалось сказкой, далёкой мечтой? Ответ кажется невероятным и тоже по-своему сказочным.

Три года! Всего три года строился первенец великих сталинских строек коммунизма — Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина. Юноша, поступивший в институт в начале стройки, ещё не успел его окончить, как перед всем миром предстало это грандиозное творение советских людей.

Откуда эти темпы, эти успехи? Почему, например, в Италии, где тысячи людей страдают от наводнения, не строятся на реках гидротехнические сооружения, почему тысячи американских фермеров, живущих в долине реки Миссури, не могут получить ни дешёвой электроэнергии, ни воды для орошения своих полей?

И здесь открывается одна из самых, пожалуй, примечательных особенностей нашего советского строя, нашего социалистического государства, способного

в отличие от всех буржуазных государств осуществлять самые смелые замыслы.

Шесть американских президентов — от Вильсона до Трумэна — рассматривали проект постройки гидроэлектростанции на реке Святого Лаврентия. Река эта многоводна, течёт в скалистых берегах. Постройка плотины и гидроэлектростанции превратила бы её в хороший водный путь между Канадой и Соединёнными Штатами, позволила бы снабдить население дешёвой электроэнергией. Но против строительства восстали крупные капиталисты, «короли» хлеба и электричества. По реке пошла бы из Канады пшеница, — зна-

чит, упали бы цены на хлеб в США. А это невыгодно для хлебных «королей», заботящихся только о своей прибыли. Новая гидроэлектростанция понизила бы цены на электроэнергию, а это невыгодно электрическим «королям». Тридцать лет обсуждается в Америке этот проект и до сих пор остаётся только проектом!

«Куда ни кинь,— писал Владимир Ильич Ленин,— на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить не медленно. Мешает капитализм».

В нашей стране капитализм уничтожен, над нами не властны его волчьи законы угнетения, наживы, грабежа. Всё, что мы строим, мы строим по единому государственному плану, в интересах всего народа. У нас не может быть, чтобы кто-нибудь вдруг запротестовал против постройки Волго-Дона или помешал этому. Наоборот, строить канал ехали люди со всех краёв нашей Родины. И даже те, кто продолжал работать далеко, на своих заводах и фабриках, делали всё, чтобы помочь стройке.

Вспоминаются далёкие дни, когда в жизнь нашей страны входил первый сталинский пятилетний план. Этот план поражал своей смелостью даже самых

безудержных мечтателей. Но вот стали подниматься в степях и горах корпуса новых заводов, протягиваться через пустыни железные дороги — и пятилетний план был выполнен в четыре года. От пятилетки к пятилетке росла и развивалась наша страна, становясь мощной индустриально-колхозной державой.

Ещё задолго до Великой Отечественной войны колхозники Веселовского района, Ростовской области, начали строить плотину на реке Маныч. Это была небольшая, местного значения стройка. Но вот началось строительство Цимлянской ГЭС, начали прокладывать в степи оросительные каналы, и Веселовская плотина оказалась на пути стройки, вошла в общую систему всех ирригационных сооружений. Веселовские колхозники, когда начинали строить свою плотину, не думали, что так получится, а партия и государство видели колхозную плотину в едином плане преобразования нашей земли.

Посадят колхозники деревья около своей земли, смотришь, а они, оказывается, стоят на трассе больших государственных лесных полос; вырастет в горах небольшой завод, как будто бы местного значения, а оказывается, вместе с другими заводами он вырабатывает крайне нужную для страны продукцию. И так во всём и везде!

— Всемирное это изобретение советской власти! — сказал старый колхозник Георгий Иванович Яхов, когда на полеводном стане сельскохозяйственной артели имени XIX партийного съезда колхозники обсуждали новый, пятый пятилетний план. — Это я про наши планы говорю. Как у хорошего хозяина, каждый гвоздь на учёте, каждая работа продумана и своё место в хозяйстве имеет...

Я слушал старого казака и думал о том, как хорошо он сказал о наших единых государственных планах: «всемирное изобретение». Как бережно изучают основы нашего государственного планирования и наши пятилетки в тех странах, где народ тоже взял власть в свои руки, уничтожил капитализм, приступил по нашему примеру к немедленному преобразованию своей страны!

В тысяча девятьсот сорок пятом году мне пришлось в рядах Советской Армии участвовать в разгроме японских захватчиков, засевших в Маньчжурии. Как ни труден был поход через пустыни, через хребты Большого Хингана, как ни оже-

сточённые были бои с японскими самураями, наши солдаты успевали потолковать с китайскими крестьянами о земле, урожаях и вообще о житье-бытье. Помню, как-то раз, недалеко от только что освобождённого города Салунь, на берегу небольшой, но быстрой речушки, группа солдат, расположившись на привал, беседовала с окружившими их крестьянами.

— Хороша речка? — спросил ефрейтор, молодой колхозник с Волги.

— Шико плохо! — неожиданно ответили крестьяне.

Выяснилось, что речка весной разливается, затопляет поля и огороды, сносит верхний, плодородный слой земли. Мы знали, что на протяжении многих столетий наводнения были величайшим бедствием Китая. В 1931 году, например, ринувшиеся в долины полые воды рек Янзыцзян и Хуайхэ затопили около десяти миллионов гектаров. От наводнения пострадало пятьдесят три миллиона человек.

— А вы бы плотинку соорудили на речке, — сказал ефрейтор. — Электростанцию бы поставили, мельницы. А воду бы в степь направили, на поля...

— Какую плотину, какую станцию?! — замахали руками крестьяне. — Нельзя этого сделать!

— Почему?

— Земля не наша, речка не наша.

— А чья же?

— Помещика, хозяина. Он не позволит...

Опять помещик, опять капитализм, мешающий трудовому народу жить, строить, развиваться. Не стало теперь в Китае таких «хозяев» — и тотчас по всей стране по единому плану начались гигантские ирригационные работы.

Более десяти миллионов человек работало на берегах рек, водохранилищ и каналов. За два года воздвигнуто одиннадцать тысяч двести больших и малых сооружений, построено и заново перестроено сорок две тысячи километров дамб и плотин. Поднято и уложено девятьсот шестьдесят миллионов кубометров земли. Если бы всю эту землю уложить в насыпь высотой и шириной в один метр, то она двадцать четыре раза опоясала бы земной шар по экватору.

Быть может, теперь уже построена и плотина на маленькой речке, на берегах которой семь лет тому назад советские солдаты вели задумешный разговор с китайскими крестьянами. У свободного на-

рода в его едином плане жизни и труда встают на своё место грандиозные сооружения и крохотные плотины, работа огромных коллективов и труд каждого человека.

Горный комбайн и Александр Семинихин

Сколько раз за последние годы приходилось встречать в разных местах нашей страны новые, чудесные машины! На току кубанского колхоза имени Калинина рядом с заводскими машинами работала новая сортировка, сконструированная и построенная молодым колхозником Михаилом Дудко. Она освободила от ручного труда сто пятьдесят колхозников, помогла быстрее очистить зерно, сохранить его, а значит, увеличить доход колхоза и колхозников. На строительстве Цимлянской плотины и оросительных каналов в задонской степи приезжим людям казалось, что они попали в музей новой, невиданной техники. Но этот «музей» был особенный: в нём машины жили, работали, полностью заменив ручной труд.

В нашей стране сконструированы и построены шагающие экскаваторы; никто до нас не создавал заводов-автоматов, где весь процесс производства деталей, вплоть до упаковки, проходит без участия человеческих рук; у нас создан первый в мире угольный комбайн, который несказанно облегчил труд шахтёра. А ведь нигде раньше труд не был так тяжёл, как на угольных шахтах. И, может быть, поэтому здесь особенно заметно, как новая, социалистическая техника изменяет жизнь и культуру людей.

Три года назад в нашей стране гостила делегация шотландских горняков. Они побывали в Подмосковном бассейне, в Донбассе и с первых же шагов были поражены всем, что увидели.

Гости осматривали электропоезда и горные комбайны, любовались глубоко под землёй дневным светом, расспрашивали наших советских шахтёров об их жизни и труде.

— За несколько дней до нашего отъезда в Советский Союз,— сказал мне один из шотландцев, Александр Моффат,— в нашем районе произошло несчастье. Молодой парень стоял у конвейера с той стороны, где ремень огибает барабан, и ему оторвало левую руку. Конвейер не был ограждён. Такой несчастный случай не мог бы произойти у вас, в советской шахте: все машины здесь обязательно снабжаются предохранительными приспособлениями...

Перед отъездом на родину шотландцы сказали:

— Осмотрев советские шахты, мы убедились, что это самые механизированные шахты, какие нам когда-либо приходилось видеть, и что при подобной механизации тяжёлый труд в шахтах устранён. Даже в забоях с пластами крутого падения уже не применяется ни кайло, ни ручная откатка вагонеток. Все забойщики работают пневматическими отбойными молотками, а уголь грузится в двухтонные вагонетки, которые двигаются с помощью электро-возов.

Это было три года тому назад. А сколько нового и ещё более чудесного появилось на наших шахтах с тех пор!

Мне хорошо знаком один небольшой шахтёрский городок. Он вырос всего лишь накануне Великой Отечественной войны. Гитлеровцы, пройдя через Ново-Шахтинск, уничтожили его дома, шахты, оборудование. Но после войны городок вновь поднялся, отстроился, и сейчас нельзя без волнения смотреть на его так быстро воскресшие улицы, на восстановленные шахты. Одна из них, «Западная-Капитальная», вступила в строй ещё в 1939 году. Она была в то время одной из самых механизированных шахт Советского Союза. Но если бы она осталась и теперь такой, какой была, она бы оказалась самой отсталой шахтой в стране.

Непрерывной чередой подходят к городу эшелоны с новым, всё более совершенным оборудованием, новыми машинами. Горняки не успевают переучиваться. Курсы по переподготовке работают непрерывно, только меняется программа. Шахтёры в шутку говорят, что они стали «вечными студентами». Но без учёбы, без знаний у нас нельзя. Один из знатных навалотбойщиков этого города, Селверст Сирота, который сейчас учится работать на горном комбайне, говорит:

— Я давал двадцать семь тонн угля

при норме шестнадцать, а на комбайне я буду давать сто шестьдесят тонн!

Как же влияет расцвет высокой социалистической техники на жизнь и культуру шахтёров? Можно без конца рассказывать о высоких, в несколько тысяч рублей, заработках шахтёров, об автомобилях, которые они покупают в своё личное пользование, о новых клубах, театрах, о талантливых певцах и музыкантах - шахтёрах и о многом другом. Но, пожалуй, лучше всего свидетельствует об этом одно небольшое письмо.

Писал его совсем ещё молодой житель Ново-Шахтинска, переносчик транспортёра Саша Семинихин. Родители его погибли во время войны, остался только дедушка, живущий в Старополюском крае и работающий в колхозе ночным сторожем. Ему-то Саша и писал это письмо:

«Дорогой дедушка Зосим Гаврилович! К шахтёрскому празднику я справил себе новый костюм и шахтёрский мундир. Когда приеду в отпуск, то наши ребята меня и не признают. Работаю я хорошо, и все меня хвалят. В общежитии чисто, всякого продовольствия тут у нас много, и деньги у меня всегда есть.

А ещё я поступил в школу учиться. Тут есть такая школа, можно работать и учиться. Хочу, чтоб у меня было среднее образование.

Посылаю тебе, Зосим Гаврилович, триста рублей. Купи себе новые валенки, потому как у тебя большие ноги, и зимой тебе будет хорошо».

Совсем недавно я снова вспомнил о завидной судьбе Саши Семинихина, и вот по какому случаю. Мне попалась на глаза фотография. На шумной улице итальянского города стоит пожилая женщина и что-то выкликает. Рядом с ней юноша, почти мальчик, растерянно оглядывающийся вокруг. Оказывается, это мать

Эту чудесную машину — угольный комбайн «КПП-1» — создали советские инженеры. Новый комбайн значительно облегчил труд шахтёра и вдвое увеличил добычу угля.

продаёт своего сына. Продаёт кому угодно, куда угодно, на любую работу, в полное рабство, чтобы только спасти от голода других своих маленьких детей.

Нельзя оторвать глаз от лица юноши. Какую же страшную судьбу уготовили ему капиталисты, до чего довели его мать, его семью! Что с ним будет, в какие жестокие руки он попадёт? А ведь ему почти столько же лет, сколько нашему Саше Семинихину, который, может быть, в ту минуту, когда в Италии продавался его сверстник, подходил в своём новом шахтёрском мундире к ярко освещённому городскому клубу.

Так в судьбах этих двух юношей отразились законы, по которым живут два мира: мир капитализма и мир социализма. Там — закон наживы, закон прибыли, ради которой закабляют, грабят и доводят до нищеты народ в своих и чужих странах.

Здесь, у нас, — забота о человеке и его счастье, о его материальных и культурных потребностях. И для этого все грандиозные стройки, весь рост и совершенствование нашей техники, всё движение и развитие социалистического производства.

На «Трассе юности»

Довелось мне недавно познакомиться с одним очень интересным человеком. Это был молодой рабочий красноводского завода — живой, любознательный и, как выяснилось после, обладающий упорным характером. Познакомились мы в Москве,

куда Юра Гаспарянц приехал, как он сказал, по личным делам.

«Личные дела» выглядели не совсем обычно. Дело в том, что на заводе, где Юрий работал электромонтёром, случались простои новых машин. Юрий, которого недавно избрали секретарём комсомольской организации цеха, вместе со своими товарищами написал об этом в министерство. Но и после этого простои на заводе всё же не прекратились.

Тогда Юра взял свой очередной отпуск. Он мог бы отправиться в туристский поход по горам Кавказа, поехать в санаторий на берег Чёрного моря, но вместо этого Юрий купил билет и выехал в Москву, в министерство. Оттуда он пришёл сияющий.

— Всё в порядке! Вместе со мной выезжает на завод специальная бригада.

А ещё через несколько дней Юрий уже

из своего города написал, что бригада начала работать и дела на заводе налаживаются.

Когда я читал его письмо, невольно подумалось: а мог бы так же поступить молодой рабочий в Америке, Англии, Бельгии? Нет, это невозможно. Ведь так заботится о заводе только тот человек, который считает завод своим родным, который понимает, что чем больше даст завод продукции, чем выше будет производительность труда, тем лучше будет и его жизнь и жизнь всего народа.

В странах капитализма завод, фабрика — это каторга для рабочего, там его грабят, отбирают плоды его труда. Рабочему там и в голову не придёт добиваться, чтобы фабрика капиталиста лучше работала. Зачем это ему?

Как это непохоже на нашу жизнь, на отношение советского человека к своему заводу, к своему делу! Каждый день газеты приносят известия о рекордных выплавках стали, о невиданных в мире темпах укладки бетона, о новых изобретениях, повышающих выработку продукции, о великом, всенародном социалистическом соревновании. Так могут трудиться только свободные люди, подлинные хозяева своей страны и её богатств.

Этому большому творческому беспокойству, хозяйской заботе трудовых людей, кажется, нет пределов. Простые, рядовые люди думают не только о хорошей работе своего станка, своего цеха, завода, — их волнуют дела, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к их профессии, к их работе.

Алексей Маликов работает мастером в экспериментальном цехе Сталинградского тракторного завода. Через его руки проходят все новые марки тракторов. Алексей хорошо зарабатывал, жил в уютном домике неподалёку от завода. В 23 года он уже был известным, уважаемым на заводе человеком. Казалось бы, чего ещё мог желать юноша? Но советская молодёжь — молодёжь особенная.

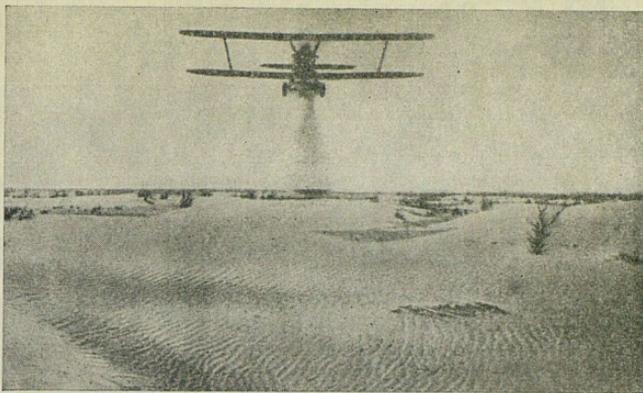
Десять лет назад здесь была пустыня. Пески неумолимо наступали на Бухарский и Каракульский оазисы. Они засыпали 80 тысяч гектаров плодородной земли. Советские люди посадили леса и остановили пески.

Как только был опубликован великий сталинский план преобразования природы и заводские ребята узнали, что будет строиться лесная полоса Сталинград — Камышин, они решили взять над ней шефство. Алексей стал звеньевым лесопосадочного звена. В это звено входили молодые рабочие: токарь Анатолий Федотов, сталевар Владимир Григорьев, техник Владислав Горбачёв и многие другие юноши и девушки завода. Весной 1950 года они впервые выехали на трассу государственной лесной полосы, впервые посадили свои первые деревца. У них ещё не было опыта, не было умения. Но старание и любовь к делу скоро сделали их настоящими мастерами лесных посадок.

Три года подряд они в свободное время, даже в праздники, выезжали в степь. Километр за километром вытягивалась по степи широкая лесная полоса. Ни дожди, ни ветры не были помехой. Когда по раскисшим дорогам не могли пройти машины, Алексей и его товарищи брали на плечи мешки с железяками и несли их за несколько километров к месту посадок. И вот весной этого года они сдержали своё слово: полностью закончили строительство лесной полосы, которую народ называет теперь «Трассой юности».

Я встретился с мастером Маликовым на его участке. Трепетали на ветру листья крохотных ещё деревцев; раздвигая землю, пробивались вверх дубки. Любовно оглядывая свой участок, Алексей сказал:

— Так вот и получилось, что наши токари, сталевары, слесари стали ещё и «лесниками». Конечно, все наши ребята останутся в своих цехах, при своём деле, но с лесной полосы они глаз не спустят. Теперь все дубки нам родные, всё нас интересует: какие породы деревьев высаживают вдоль Волго-Донского канала, как приживаются молодые леса на полосе Чкалов — Илек... Ведь всё это — наше дело, государственное.

Бухарские лесники проводят сев саксаула с самолёта. Такой сев в пятьдесят раз производительнее ручного.

Новые горизонты

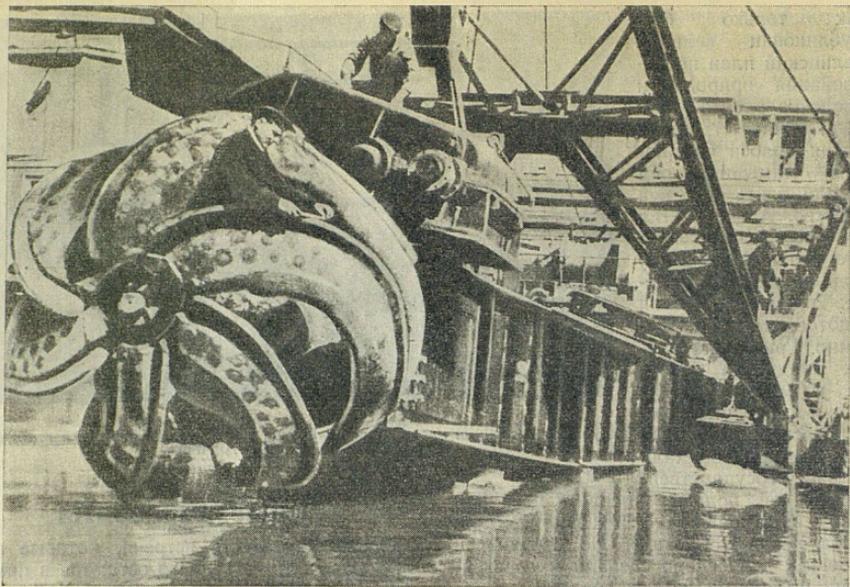
Есть встречи, которые надолго остаются в памяти. Накануне XIX съезда партии в Москве гостила большая группа волгодонцев. Экскаваторщики, прорабы, гидромеханизаторы приезжали в столицу получать ордена, которыми их наградили за трудовые успехи.

В гостиницу, где они жили, я зашёл поздно вечером. Ребята были в самой большой комнате. В широком окне на фоне озарённого заревом неба виднелся силуэт кремлёвской башни, ещё дальше, на огромном просторе, мирно теплились огоньки высотных зданий. Снизу поднимался размеренный шум московских улиц, напоминавший чем-то морное дыхание Цимлянского моря.

Ребята сидели и стояли перед окном и, как думал я, вглядывались в эти всегда волнующие просторы Москвы. Но, как оказалось вскоре, они смотрели значительно дальше — огромный мир, вся страна лежала перед их взором.

Знаменитый экскаваторщик, известный всей стране, весёлый, шумный, острый на слово, держа на коленях газету, неожиданно тихо и мечтательно сказал:

— А я бы на Ангару поехал... Новое дело, простор, есть где разойтись...

Догадался ли кто-нибудь из вас, что изображено на этом снимке? Это мощный землесос «1000-80». На переднем плане вы видите гигантскую фрезу — разрыхлитель. Когда землесос работает, фреза, вращаясь, взрыхляет в грунт и рыллит его. А затем разрыхлённый грунт, смешавшись с водой (эта смесь называется пульпой), стремительным потоком врывается в трубы землесоса.

— Ну, братцы,— так же вполголоса отозвался другой,— я волгарь и пока не построю на Волге всех станций, ни в какое другое место не поеду...

— Домосед ты, Владимир,— добродушно улыбнулся третий, высокий и грузный экскаваторщик с золотой звездой Героя на сером пиджаке.— Я готов в любой город ехать... Только вот когда начнём сибирские реки в Среднюю Азию поворачивать, этого я не упущу... Посмотри-ка, написано там об этом? — и он указал глазами на газету.

Тогда я понял, что здесь происходило: простые советские люди, закончив строительство первой сталинской стройки коммунизма, выбирали себе новые места работы, выбирали, окидывая взглядом всю страну, сверяя свои желания с директивами XIX съезда партии, напечатанными в газете.

И невольно подумалось: как же крепко связаны мысли и планы советских людей с великими замыслами нашей коммунисти-

ческой партии, какие чудесные дороги открывает она из года в год перед каждым советским человеком!

XIX съезд партии, съезд строителей коммунизма, утвердил новый пятилетний план. Экскаваторщики и гидромеханизаторы, которые месяц назад в тихий сентябрьский вечер выбирали себе новые пути-дороги, наверное, уже в разных местах нашей Родины: на Волге и в Сибири, в песках Средней Азии и далеко на Севере. Они вынули уже первые ковши грунта из русла будущих каналов, заложили основания будущих плотин. На большой трудовой вахте стоит весь наш народ, ибо такова мудрость и сила нашей партии, что в великом деле строительства коммунизма находит своё место каждый советский человек, где бы он ни жил и ни работал.

Новую, чудесную жизнь создаёт наш советский народ, и ведёт его к заветной цели гениальный зодчий коммунизма, наш великий вождь и учитель товарищ Сталин.

ПЕРВОЕ ИМЯ

(Продолжение)

И. Ликстанов

Рисунки Ф. Лемкуля

ХРУСТАЛЬНОЕ ЯБЛОКО

Ещё недавно краеведческий кабинет — большая комната на втором этаже — был пустым, неудобным, а теперь в нём появились полированный овальный стол, витрины, отделанные под красное дерево, с золочёными замками, ручки и наугольниками, шкаф со стеклянными полками. Всё было на совесть сделано краснодеревцами деревообделочного комбината. Оставалось разложить экспонаты, собрать стенды и повесить портреты.

Забот было много, и Паня отдался им, стараясь не думать о последних неприятных событиях. Часа три он отбирал образцы для коллекций — подарков украинским школам, — написал своим несравненным почерком типовой каталог этих коллекций и вдруг поймал себя на том, что без дела сидит за столом, выводя на листочке бумаги тщательно, красиво, как на выставке: «Самозванец, самозванец, самозванец».

«Врут они, нет самозванца!» — подумал он, сердито разорвал бумажку и привёл в порядок стол.

— Пань, Панька, падай в обморок! Стой, стой на месте! — ворвался в кабинет Вадик, наклонился и что-то бросил на пол.

К ногам Пани подкатилось нечто непонятное, как бы наполненное солнечными лучами. Не веря своим глазам, Паня наклонился, поднял этот сгусток солнечных лучей и остолбенел. На его ладони лежал тяжёлый шар величиной с теннисный мяч. Слегка матовый, он казался золотым, и самая яркая золотинка переливалась, дрожала в середине шара. Яблоко! Хрустальное яблоко из Потеряйки, мастерски отшлифованное её песками!.. Давно Паня мечтал об этом диве, целыми днями копался на речных перекатах — и всё бесплодно. На его памяти количество хрустальных яблок в Железногорске не увеличилось: их было два — оба хранились в городском музее. Он держал в руках третье яблоко, крупное, безусловно правильной формы.

— Где... где ты взял?

— Федька нашёл, Федька Полукрюков! Он с ребятами только что копал песок на реке для школьного сада. Ему сразу два яблока на лопату попало... Другое яблоко даже лучше: синее, аметистовое, — для задаваки Женьки... А это тебе... и мне, Пань, да? Ему Генка Фелистеев за яблоко давал три камня на выбор из своей коллекции. И я тоже три, из нашей. А Федька даёт мне яблоко и говорит: «Скажи Пестову, чтобы на меня не дулся...» Ну, это дудки, правда, Пань? А яблоко наше. Ой, как здорово!

Вслед за Вадиком прибежали ещё ребята. Каждому хотелось поддержать яблоко, посмотреть его на свет, прокатить по столу.

Егорша отвёл Паню в дальний угол кабинета.

— Есть дело, — сказал он, придерживая его за локоть. — Сегодня мы с Полукрюковым песок копали... Федя будет в нашем звене. Только ему не нравится, что мы живём недружно. Вы с Вадиком всегда против Фелистеева...

— А Полукрюков с Фелистеевым против меня и Вадика, — подхватил Паня, начиная закипать. — Он тебе это сказал?

— Да, знаю, как ты вчера в карьере своим батькой занёсся. Но Полукрюков — парень дружный. Он согласился с тобой помириться и с Геной тебя помирить. Идёт?

— Идёт, да не подходит... Не буду я с ним мириться! — выпалил Паня, и его щекам стало горячо. — Не буду! Ишь, какой хороший: кличку прилепил, а теперь лезет, яблоко дарит! Передай ему, что подарков мне не нужно. Если он возьмёт за яблоко три камня на выбор из моей коллекции, ладно, а не возьмёт, не надо!

— Самозванца он тебе влил правильно, — в свою очередь, вскипел Егорша. — Будешь знать, как других обижать. Зачем ты его в карьере обидел? Ну, скажи, за чем? Ты бы спасибо сказал, что после этого Федя согласился пойти на мировую. Идём мириться! — И Егорша взял Паню за локоть.

— Ты свою знаменитую справедливость мне не показывай! — оттолкнул его Пани.— А самозванца, если хочешь знать, я на свой счёт не принимаю. Увидите, какой я самозванец! Откроете рты и закрыть забудете, вот что! И разговаривать больше нечего! Запираю кабинет...

Пани запер кабинет и ушёл, оставив яблоко в нижнем ящике шкафа, предназначенного для самоцветов, яблоко, такое желанное и вдруг ставшее постылым. Он даже не обернулся, когда Егорша в последний раз попытался его удержать. Нет, не бывать этому, никогда он не протянет руку Полукрюкову, а тем более Фелистееву, не простит обиды!

ТВЕРДОЕ СЛОВО

На Центральной площади Железнодорожского было шумно и весело. Универмаг, как это повелось из года в год, устроил школьный базар, отгородив для этого угол площади забором из красных, жёлтых и зелёных очинённых карандашей в рост человека. У входа стояли громадные круглые пеналы, разрисованные пёстрыми цветами, и над ними белтели буквы вывески: «Школьный базар».

— Хвалю за точность,— сказал Григорий Васильевич, увидев сына.— Пойдём, времени у нас мало.

Они очутились в густой толпе весело озабоченных покупателей. Особенно суетнились и волновались малыши, пришедшие со своими родителями, чтобы впервые в жизни стать обладателями таких привлекательных предметов, как учебная сумка, ручка с пером «86» и «чернильница-непроливайка, кого хочешь, замарайка». Давно ли Пани был одним из самых шумливых посетителей школьных базаров? Теперь он покровительственно уступает дорогу мелюзге и не очень удивляется выдумкам универмага. Вот киоск, сделанный в виде раскрытого букваря, вот киоск-парта. Ничего себе! Вот вращается ромашка, у которой вместо лепестков учебнические перья величиной с лыжу. Тоже неплохо... Пронзительно пищит Петрушка Железнодорожского кукольного театра, самоотверженно сражаясь с двойками. Пестровы посмотрели и Петрушку.

— Обсудим, что нужно купить,— приступил к делу отец.— Как ты думаешь, в шестом классе ребята сумками дерутся?

— Случается, наверно...— улыбнулся Пани.

— Дикость это — хлопать друг друга сумками. Свою ты так отделал, что в руки страшно взять!

В собственность Пани перешёл портфель из жёлтой кожи с двумя звонкими замочками. В портфель улёгся пенал из прозрачной пластмассы с разной мелочью: ручкой, карандашами «Пионер», резинкой со слоником, машинкой для чинки карандашей. Затем Пани положил в портфель тетради, и замочки щёлкнули в последний раз.

— Шум, пискотня, даже голова закружилась...— пожаловался отец.— Пойдём в сад, отдохнём немного.

По тенистой аллее городского сада они дошли до фонтана, шумевшего высокими пенными струями, выбрали скамейку в тени и сели. Продавщица мороженого прокатила мимо них свою тележку. Отец взглядом предложил: «Хочешь?»,— но Пани отрицательно качнул головой.

— Как будто ничего не забыли купить? — спросил отец.

— Всё купили, спасибо, батя...

— Учись, не ленись, двоек домой не носи.

— И троек не будет...

— Каждый год мы вроде этого слышали...— остановил сына Григорий Васильевич.— Ну, я тебе так отвечу: ты не сули, а вынь да положи. Так? Лишнего не обещаешь, а что пообещал,— выполни.— Он потрепал Пани по спине.— Значит, не будет двоек?

— Я же тебе говорю, батя,— медленно и твёрдо проговорил Пани,— не будет у меня даже троек.. Буду теперь учиться на пятёрки и четвёрки!

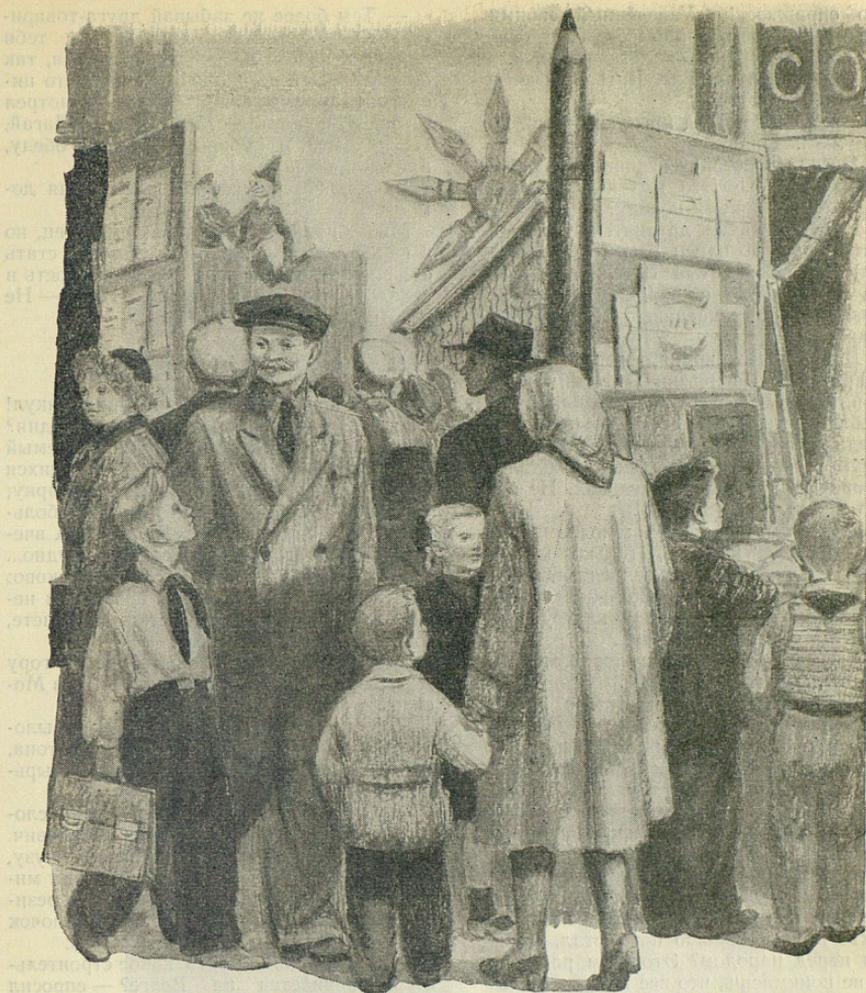
Григорий Васильевич наклонился к Пани, взгляделся в его лицо и стал серьёзным: глаза Пани, упрямые и хмурые, не мигая, смотрели вверх.

— Похоже, что ты всерьёз обязательно берёшь,— сказал Григорий Васильевич.— Ты это подумавши или так: посулил да забыл? Пока ты маленький был, это прощалось, а теперь... Скоро в комсомол вступишь, должен за свои слова отвечать.

— Я знаю,— тихо и всё так же твёрдо произнёс Пани.— Сказано слово — не ломается, не гнётся и назад не берётся.

Отец обнял его за плечи:

— Что ж... Я рад, что ты так настроен... Только учитываешь ли ты, что нелегко будет? Не думай, что я в тебе сомневаюсь... Если человек чего-нибудь крепко захочет, у него силы сразу прибавятся. Однако че-

Они очутились в густой толпе весело озабоченных покупателей.

люлек должен знать, что нужно сделать, чтобы своего добиться. А ты... ты в пятом классе хоть и подтянулся, а всё-таки в средних учениках был. И вдруг хочешь сразу в отличники выйти... А как? Вот вопрос!

— А как Роман Нилич, наш старший вожатый, отличником стал? — подхватил

Паня.— Все ребята говорят, что он в средних классах неважно учился, даже в четверть двоечки проскакивали. А потом так взялся, что школу с серебряной медалью окончил. И Генка Фелистеев в четвертом классе еле успевал, а теперь он отличник. Подумаешь, будто я хуже его!.. У меня только память слабоватая, а я всё

равно справлюсь! — Увлечённый своими словами, Паня заодно кончил: — Ты, батя, проходи траншею по-геройски, а я буду учиться на пятёрки. Вот! И вовсе я не самозванец!..

На этом слове Паня прикусил язык, но было уже поздно.

— Постой, постой! — удивился Григорий Васильевич. — Это кто же самозванец? Ты?.. По какому поводу?

— Чудаки всякие дразнятся, будто я не Пестов, а самозванец какой-то... Потому что ты знаменитый стахановец, а я учусь так себе... — с крайней неохотой проговорил помрачневший Паня. — Вот дураки!

— Добрались до корня, — сердито отметил Григорий Васильевич. — Понимаю я теперь, почему ты пятёрку захотел. Крепко тебя угостили полешком по орешку... Да ведь ты сам на это напросился! О твоей глупой гордости мне Николай Павлович говорил, я с тобой беседовал. Не помогло, значит.

— Положим, я теперь меньше заносусь. Бывает, конечно, только редко. А другие, думаешь, не заносятся? Ещё как! Получил горновой Самохин орден, так Колька и Толька по всему классу друг за другом на руках ходили...

— А ты всё время вниз головой стоишь да ногами дрыгаешь!

— Другим можно, а мне нельзя? — пожал плечами Паня.

— Нельзя! У тебя что плохо? Ты отцом похвалишься да тут же и скажешь ребятам: «Куда вашим родителям до моего батьки!» Так? — Паня не ответил, отвёл взгляд в сторону. — Не имеешь ты права так говорить: неправильно это и для ребят обидно. У нас каждый хороший работник на виду, все им гордятся, а ты... Небось, ты ни разу не порадовался, что Фелистеев или кто другой хорошо поработал, отличился перед народом? Это всем радость, а ты не понимаешь, что все мы для общего дела трудимся: для себя, для тебя, для всех, одним словом... — Он помолчал и проговорил серьёзно и мягко: — Вижу я, что сильно обиделся ты за эту кличку. Ну, авось, обида перегорит, а доброе зёрнышко останется: возьмёшься за учение как следует, умнее станешь... А Вадик как насчёт учения настроен?

— Ты же его, батя, знаешь. Он совсем недисциплинированный, только с котятками да щенками возится, спорит со всеми и вообще...

— Тем более не забывай друга-товарища! Как баловаться, так он для тебя хорош, а как за доброе дело ввязаться, так он уже тебе и не подходит! Разве это пионерское рассуждение? — Отец посмотрел на часы и встал. — Мне пора... Шагай, Паня, домой. Я на бюро горкома. К обеду, наверно, не поспею.

Размахивая портфелем, шёл Паня домой.

Много неприятного сказал ему отец, но в то же время одобрил его решение стать отличником, поддержал его уверенность в себе. «Справлюсь! — думал Паня. — Не осрамлюсь!»

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

Какие короткие последние дни каникул! Они так и мелькают. Что было сегодня? Запомнились заводской пруд, оглашаемый криками, визгом, хохотом купающихся ребят; велосипедная гонка по лесопарку; томление у репродуктора в час футбольного матча на стадионе «Динамо». А вчера что было? Уж и припомнить трудно... Но начинался каждый день одинаково: Паня и другие кружковцы проводили несколько часов в краеведческом кабинете, готовили его к открытию.

Так начался и тот день, когда на гору Железную прилетели важные вести из Москвы.

Первым в кабинет пришёл Паня, выложил на стол квадратика тонкого картона, перья, кисточки и поставил в ряд пузырьки с тушью разных цветов.

— Староста на месте? — с этими словами в кабинет вошёл Николай Павлович.

Он переоделся в серую рабочую блузу, подпоясался шнуром с кистями, взял минералогический образец, к которому резиновым колечком был прихвачен клочок бумаги — «паспорт», — и задумался.

— Ты слышал, Пестов, какое строительство начинается на Волге? — спросил Николай Павлович.

— Батя сегодня за чаем всем газету читал. Батя говорит, что мы это для мира строим... Американцы за войну, они на Корею напали... А у нас мирное строительство идёт, мы за мир.

— Конечно, за мир!.. Вчера я получил письмо от моего фронтového товарища из Сталинграда. Он пишет, что на Волге открывается великий фронт сталинских строек... Появятся новые города, новые моря, каналы... — Николай Павлович при-

ОКТАБРЬ В СМОЛЬНОМ.

Картина Н. Осенева

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ — МИР НАРОДАМ.

Картина Д. Налбандяна, В. Басова, Н. Мещанинова,
В. Прибыловского, М. Суздальцева

знался: — Мне стало не на шутку завидно. На Волге начинается переделка географии, а я, географ, не увижу этого своими глазами. Обидно...

Ероша свою бородку, Николай Павлович пробегал взглядом по образцам минералов в витрине «Полезные ископаемые Горнозаводского района».

— Тридцать четыре... И это далеко не всё, что у нас есть,— сказал он, постукая пальцем по стеклу витрины. — Металлы, камень, технические материалы... И всё это нужно, всё это добывается и пускается в дело. Ну-с, посмотрим, что ещё даёт Урал для мирного строительства. Ты готов?

— Давно готов!

— Пиши: «Кислотоупорный асбест. Смородинское месторождение». Это надо чёрной тушью. Теперь красной тушью: «Дар машиниста паровоза В. А. Галанина»,— продиктовал Николай Павлович, взял из рук Пани этикетку, на которой ещё не высохли тщательно выведенные буквы, помахал ею в воздухе, положил шелковистый, отсвечивающий зеленью асбест на золочёную колодочку в витрине и прислонил к образцу этикетку.

С особой охотой работал в этот день Пяня. Он писал на этикетках названия полезных ископаемых и вспоминал, где видел «в деле» тот или иной камень и металл. «Белый мрамор» — ну, из белого мрамора гранильная фабрика вырежет доски для распределительных щитов электростанций. «Медная руда» — чего только не делают из меди! Пяня вспомнил начищенные до солнечного блеска «медяшки» в будке чусовитинского паровоза, вспомнил, как много медных частей на токарных станках машиностроительного завода, где он побывал с экскурсией. Наверно, немало меди потребовал и тот огромный экскаватор, о котором говорил Егорша.

Пришли другие активисты кружка и тоже взялись за дело.

Егорша, Вадик и Вася заканчивали «карьер», нарезаая рудничные уступы в гипсе, заполнившем ящик. Они торопились, так как им не терпелось поставить на уступы модельки экскаваторов, паровозов и вагонов, сделанные Васей Марковым. На такое «рукоделье» он был мастер. Вскоре лица строителей «карьера» стали белыми от гипсовой пыли. Председатель школьного кружка «Умелые руки» Ваня Еремеев, рыжий, вихрастый, стоя на ко-

леньях возле хрустальной «щётки», привезённой из Малой Мурзинки, возился с осветительными шнурами и лампочками. Он взялся электрифицировать «щётку», чтобы кристаллы горели, сверкали...

В этот день Пяне пришлось несколько раз отрываться от своей работы, так как он был дежурным по приёму даров для краеведческого кабинета. А даров поступало всё больше: жители горы Железной пересмотрели «каменные складцы», те собрания минералогических образцов, которые есть на Урале почти в каждом доме, и отобрали образцы получше, не пожалев и каменных поделочек, хранившихся в горняцких семьях из поколения в поколение.

Мать бурильщика Сказина притащила в хозяйственной сумке замечательный кусок малахита, которого хватило бы для выклейки половины Доски почёта. Кто же мог предположить, что такая прелесть завалылась в скромном домике на окраине посёлка?! На минуту забежала гранильщица Миля Макарова и подарила старинное яшмовое яичко. Ученик Тарханеев, сын монитрощика, приёс хрустальную печатку с затейливым узором, а две дочурки управляющего рудником Новинова сдали настоящую драгоценность: вишнёвую веточку на мраморной плитке. Красные спелые вишни были выточены из густого альмандина, стебель — из чёрного турмалина, а листочки малахитовые.

Пяня очередной дар и заполнив «паспорт», Пяня вставал, отдавая салют, и торжественно благодарил от имени краеведческого кружка. Затем снова возвращался к своему «хозяйству» — пузырькам с тушью, кисточкам и плакатным перьям.

ПРОГУЛКА

— Наверно, ты уже устал, староста... Заканчиваем работу. Пиши: «Образцы ценной руды из второго карьера Железногорского рудника»,— продиктовал Николай Павлович.

В последнее время было столько разговоров в посёлке об этой руде, о транше, о домне Мирной, что стэнд вызвал особый интерес кружковцев. По общему мнению, он получился неплохо. Посредине деревянного щита, покрытого «серебрянкой», то есть краской из алюминиевого порошка, красовался образец руды величиной в два сложенных вместе кулака, вокруг него располагались образцы поменьше. На

Егорша, Вадик и Вася заканчивали макет карьера, нарезая рудничные уступы в гипсе, заполнившем ящик.

этом же стенде Николай Павлович прикрепил вырезанный из «Огонька» проект высотного дома в Москве и снимок громадной гидротурбины для электростанции — вот для чего должна была дать металл домна Мирная.

— Остаётся сделать снимок Крутого холма до начала проходки траншеи, — сказал Николай Павлович. — Марков, ты принес «фэд»? Кто хочет прогуляться перед обедом во второй карьер?

Ребята торопливо навели порядок в кабинете и выбежали на улицу Горняков. Скоро они очутились на площади Труда, а потом на большом пустыре, который надо было пересечь, чтобы добраться до подножья Крутого холма. Они шли, окружив Николая Павловича, и, само собой разумеется, разговор вертелся вокруг главного, чем жила сейчас гора Железная: участники прогулки наперебой выкладывали всё, что слышали от родителей

о домне Мирной и о новом строителе, которое должно было развернуться на руднике.

Как только кончилось внеочередное расширенное заседание бюро горкома партии, с аэродрома поднялся самолёт Ново-Железнодорожного металлургического завода. Он увёз в Москву профессора Шелонцева, нескольких видных доменщиков и горняков. Теперь Железнодорожник с нетерпением ждал вестей из Москвы.

— Папа говорит, что правительство, конечно, позволит пустить домну Мирную на ценной руде,— заявил Вадик.— Папа уже собирает технику для новой стройки... Траншею пройдут сразу с двух концов. Из карьера, на холм будут наступать трёхкубовые «Уральцы», а с другой стороны поработают малые экскаваторы. Папа называет их лёгкой кавалерией, а «Уральцев» — тяжёлой артиллерией.

— Паня, наверное, твой отец за траншею возьмётся! — сказал один из братьев Самохиных.

Ещё несколько дней назад Паня не удержался бы от задорной похвальбы: «А кто же ещё? Без моего батьки такое дело не обойдётся!» — но теперь он ответил:

— Будет приказ по руднику, тогда узнаем.

— Этого не долго ждать... — Николай Павлович улыбнулся Пане, будто одобрил: «Правильно, так и надо себя вести в этом деле».

Вадик догнал Паню.

— Пань, помнишь, в карьере ты сказал Федьке Полукрюкову, что ты ему коллекцию отдашь, если Степан хоть раз сроборует вровень с твоим батькой? Помнишь, да?

— А тебе что? — поморщился Паня.

— Очень просто! Я через ребят вызываю Федьку на спор: если до Октябрьского праздника Степан Полукрюков ни разу не нагонит твоего батьку, так Федька, понимаешь, отдаст нам половину своих книжек. А у него книг много... Только Федька не соглашается, даже говорить об этом не желает, глинопок половчанский. Давай его вместе с тобой при всех ребятах прижмём, чтобы ему некуда было податься!

— Ты это забудь! — осадил своего спокойного друга Паня.— Ясно, что и до праздника и после праздника Степан с моим батькой не сравняется.

— Так это же хорошо, Пань! Мы Федь-

ку вот как обспорим, ещё лучше, чем Генку Фелистеева! Если ты не хочешь, так передай спор мне, потому что половина коллекции моя.

— Коллекция не делится, и ты о спорах забудь. Хватит! Наспорился уже так, что я из-за тебя тоже в жулики попал. Не смей спорить, и всё! Слышишь?

— Прошу меня не воспитывать! — взъерепенился Вадик.

Паня досадливо отвернулся от него.

ЖЕЛАННЫЙ ВЕСТНИК

Второй карьер упирается в округлую, довольно высокую горوشку, на вершине которой стоит единственная сосна, толстая, корявая, с пышной шапкой хвоя. Это и есть Крутой холм.

— Ура! — закричали ребята и пошли приступом на бугристые склоны холма, изрытые дождевыми промоинами. Штурм получился шумный, с криками и смехом, а наградой за него послужила широкая панорама, открывшаяся с вершины.

— Хорошо здесь, привольно! — сказал Николай Павлович, наслаждаясь прохладным ветром, шевелившим сосновую хвою.

У подножья холма во втором карьере грохотали экскаваторы, гудели паровозы. Дальше виднелись здания на площади Труда, а ещё дальше лежал голубой заводской пруд. Привольный вид открывался и в другую сторону. Там раскинулась долина реки Потеряйки, изрезанная серебристыми протоками и сверкающая прибрежной зеленью. Долину окаймляла тёмнозелёная тайга без конца и края. Она уходила далеко-далеко, чуть-чуть туманная, волнистая, потому что под вековыми лесами скрывались всё те же округлые Уральские горы.

— Никакого карьера тут не было, а был просто пустырь. И на нём наша коза паслась,— вспомнили братья Самохины.

— Это разве карьер? Это ещё не карьер! Года через три он таким будет, что первому карьеру не уступит,— сказал Егорша.— Брат говорит, что возле пруда и за прудом столько ценной руды, что на сто лет всем железнорогским домам хватит!

— И там, где площадь Труда, тоже рудная горка была,— взглянув с хитрой улыбкой на Паню, дополнил Вася Марков.

Долину реки окаймляла тёмнозелёная тайга без конца и края.

Впервые Паня не воспользовался удобным случаем напомнить всем, что это его батька, и никто другой, срыл горку.

— Пестов убрал горку и получил орден за прекрасную работу,— сказал Николай Павлович.— А что ещё сделали здесь люди?

— За рудоуправлением стояла скала, тонкая, как карандаш, я на неё лазил,— продолжал воспоминания Марков.

— Это шофёры попросили, чтобы её не было...— вставил Вадик.— Её рванули на кусочки. А на горе Сторожевой, за прудом, раньше был лес, а теперь новый рудник. Красные крыши видно.

Издали донёсся мягкий рокот и стал быстро приближаться; в синей глубине неба появилась белая точка.

— Заводской самолёт! — уверенно определил Егорша.

Серебристая птица, снижаясь, проплыла над Крутым холмом, и все убедились, что это действительно самолёт Ново-Железнодорожного металлургического завода, возвращавшийся из Москвы.

Он пошёл на посадку и скрылся из глаз.

— Наверно, принёс важные новости,— сказал Николай Павлович.— Скоро нач-

нутся новые перемены на горе Железной... Гора Железная двинется к Волге, на встречу стройкам.

Вадик топнул ногой о землю.

— Крутой холм пополам треснет!

— А вон там пройдёт железная дорога.— Егорша широким жестом показал на Крутой холм, на долину Потеряйки, на далёкие корпуса промывочных фабрик.

— Однако может случиться так, что перемены на горе Железной начнутся раньше, чем мы сфотографируем Крутой холм,— пошутил Николай Павлович.

Тотчас же Вася Марков стал шёлкать своим «фэдом» сначала в сторону Потеряйки, потом, сопровождаемый шумливыми советчиками, снял Крутой холм со всех сторон и кончил тем, что «скомпановал», как он выразился, под сосной живописную группу из всех участников прогулки и шёлкнул «фэдом» пять раз подряд.

Собрались домой.

На пустыре началась бегодня, затеялась чехарда. Особенно ловко прыгал лёгкий, как пёрышко, Егорша, а Вадик «не дотягивал» и с хохотом садился на спину «подставщика».

— Что тебя так заинтересовало, Пестов? — спросил Николай Павлович у

Пани, стоявшего на борту второго карьера.

— «Четырнадцатый» хорошо разворачивается.

Несомненно, на экскаваторе № 14 работал отличный мастер. Он брал и грузил мой башка может или Трофимов, Красулин... Красиво вагон грузит».

«Кто работает на «Четырнадцатом»?..— мысленно недоумевал он.— Так только мой батяка может или Трофимов, Красулин... Красиво вагон грузит».

Погрузка кончилась. Пания расцвёл, когда из корпуса экскаватора следом за Полукрюковым вышел Григорий Васильевич и стал что-то объяснять Степану, показывая на стрелу машины.

— Батя, батя-а-а! — крикнул Пания.

Отец подал знак рукой: «Подожди!» — простившись со Степаном, по круглой лестнице поднялся на борт уступа и поздоровался с Николаем Павловичем.

— Батя, заводской самолёт из Москвы прилетел, — сообщил Пания. — Ты видел?

— Как же, видел... — Григорий Васильевич обратился к Николаю Павловичу: — Хорошая весточка уже все заботи обожала! Получилось так, как мы вчера с вами предполагали: Совет Министров разрешил пустить домену Мирную на ценной руде. На Волге новая стройка открывается; в Москве говорят, что таких строев много будет. Значит, давай самый лучший металл, не скупись. Что же, отказа с нашей стороны не будет. Большие дела начнутся, Николай Павлович!

Сняв кепку, Григорий Васильевич огляделся. Радостно, будто впервые увидел то, что видел тысячи раз: зубцы горы Железной, террасы и уступы карьера... Поработал он здесь, завидно поработал. Много сил отдал руднику, но вот стала перед рудником новая задача, и хозяин горы Железной ещё шире расправил плечи, ещё глубже вдохнул всей грудью родной воздух.

— Ты, Пания, скажи матери, чтобы к обеду меня не ждала. В буфете рудоуправления закушу. В такой день с рудника не уйдёшь... — и Григорий Васильевич стал спускаться по лестнице в карьер.

Некоторое время Николай Павлович и Пания шли молча позади ребят, которые бегали по пустырю, помогая Вадике ловить ящериц.

— Вчера мы долго разговаривали с твоим отцом, — сказал Николай Павлович. — Поговорили и о тебе. Григорий Васильевич рад, что ты хочешь крепко взяться за учение.

— По-настоящему возьмусь! — ответил Пания. — Я батю слово дал!

— И сдержишь его... — кивнул головой Николай Павлович. — Раньше тебе не хватало упорства, а теперь должно хватить. Я слышал, что ты не поладил с новичком Полукрюковым, плохо, с насмешкой отозвался о работе его брата, одним словом, обидел, а Полукрюков в отместку придумал для тебя злую кличку... Григорий Васильевич говорит, что ты собираешься ответить ему и другим ребятам пятачками. Так?

— Я уже давно хочу хорошо учиться, — сказал Пания. — А теперь и вовсе не отступлюсь...

— Да, злая кличка, — повторил Николай Павлович.

В его голосе Пания услышал сочувствие. На сердце стало горячо, горько.

— Проходу мне не дают, — сдавленным голосом проговорил Пания. — На заборе пишут, по телефону звонят. А сегодня карикатуру в почтовый ящик подбросили... Батя её вынул с газетой, расстроился.

Николай Павлович озабоченно нахмурился:

— Конечно, это тяжело для Григория Васильевича. Кличка больно ударила по тебе, но и твоего отца задела, может быть, ещё больнее. Он любит тебя, и ему тяжело, что, по мнению товарищей, ты не похож на отца ни в труде, ни в своём отношении к людям. Понимаешь?

У Пани задрожала нижняя губа.

— Скверная история, в общем, — сказал Николай Павлович, не отрывая взгляда от панниного лица. — Остаётся утешать себя тем, что нет худа без добра... А добра здесь немало, Пестов. Вспомни, как часто ты сам обижал ребят... Да, обижал, оскорблял их, когда неуважительно говорил о труде их родителей. И не мог ты понять, как тяжело ребятам, ни разу не догадался поставить себя на их место. Ведь так? А надо уметь это делать. И делать почаще, если хочешь жить с людьми по-человечески. Теперь, надеюсь, ты научишься этому.

— Я... я теперь заноситься совсем не стану, — чуть слышно сказал Пания.

— Так! — улыбнулся Николай Павло-

вич.— Берёшься за учение по-пестовски? В добрый час! Знаешь, что сказал мне твой отец: «Обида перегорит, а доброе останется». И я на это рассчитываю, Пестов! Ты понимаешь, каким стало бы ваше зveno, если бы ты с нынешним своим жаром дал хороший пример всем ребятам-«середнякам»: Колмогорову, Самохияну, Маркову. Попробуй стать в один ряд с Фелистеевым и Полукрюковым и повести за собой других.

При упоминании о Фелистееве и Полукрюкове сердце Пани тяжело всколыхнулось. Он промолчал.

— Обида перегорит, а доброе останется,— спокойно закончил Николай Павлович.— Как-нибудь мы ещё поговорим об этом, Пестов.

Они уже вышли на площадь Труда, где Николая Павловича поджидали ребята.

Площадь была более оживлённой, чем обычно. У дверей рудоуправления стояло несколько машин, подходили горняки, перекликались при встрече: «Слышал?» «Как не слышать, вся гора загудела!».

Конечно, речь шла о радостной вести, прилетевшей из Москвы в уральское горное гнездо.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

— Придётся нам с тобой вдвоём за стол садиться,— сказала мать, когда Пани пришёл домой.— Наталья на фабрику побежала. У всех только и разговоров, что о Волге да о доме Мирной... Радуетсья народ... Да и как же не радоваться! Боялись мы, что заглохнет наш рудник, когда первый карьер весь вырабатается. Нет, не будет конца горе Железной! — Она вспомнила: — Звонил Рома Островерхов. Просил сказать, чтобы ты сегодня к нему в шесть часов зашёл.

Точно к назначенному часу Пани явился на Односторонку.

Из открытого окна комнаты Романа Нилыча лилась музыка: работал «Громобой», как Роман Нилыч называл свой приёмник-самodelку. Старый пёс Селифан, сидя под окном, хлопал по пыли хвостом и повизгивал, стараясь привлечь внимание хозяина.

Младший брат вожатого, бегавший по улице с бумажным змеем-«монахом», крикнул:

— Пань, слышал: наши новоуральских теннисистов побили!

— Не побили, а победили,— поправил его Роман Нилыч, выглянув из окна.— Входи, Панёк!

Он усадил Панию возле письменного стола и сел напротив гостя, радушно улыбаясь,— кудрявый, темнoлицый от загара, белозубый, в синей майке.

— Борьба была настоящая,— сказал он.— Показали себя новоуральцы хорошо, однако с нами не сладили. Кубок области наш!.. Теперь могу заняться твоими делами. Не очень-то они хороши, Панёк, а?

— А что? — поёжился Пани.

— Как же! Ух, какой клычкой наградил тебя Полукрюков, даже страшно! Ну и додумался парень! Был он вчера на стадионе вместе с Фелистеевым, мы поговорили, и Полукрюков, кажется, понял свою ошибку. Ты на него не сердись.

— Я и не сержусь...— напустился Пани.— Внимания даже обращать не желаю.

— Разве? А Николай Павлович сказал мне сегодня, что ты кипишь, хочешь свести счёты с Полукрюковым и Фелистеевым. Так? — Не дождавись ответа от Пани, который сидел, упрямо глядя себе под ноги, Роман Нилыч тронул его за плечо.— Ну, хорошо... Мама передала мне твою записку: о чём ты хочешь со мной говорить?

— Проконсультироваться мне надо...— начал Пани.

— Как стать отличником? — продолжил Роман Нилыч.

— А вы почём знаете?

— Прочитал твои мысли,— пошутил Роман Нилыч.— А мысли очень простые. Николай Павлович говорит, что ты решил учиться на пятёрки, даже торжественное слово отцу дал. Ясно, что теперь это твоя главная забота. Ну что же, получай консультацию... В пятом классе я учился очень посредственно. Некогда было, Панёк, сидеть за учебниками, просто некогда. На лыжах бегать надо? Надо! А приключенческие книги читать, кинокартины по пять раз каждую смотреть, голубей гонять?.. Камешки я тоже собирал.

«Совсем, как я»,— подумал Пани, приободрившись.

— Ну вот... В шестом классе ребята стали готовиться вступать в комсомол. Пионервожатым у нас был Пётр Носов. Он сейчас в райкоме партии работает.

Взялся он за наше звено, расшевелил ребят. Решили мы придти в комсомол отличниками. Дали друг другу слово соблюдать режим дня. И слово своё сдержали.

Из-за книжного шкафа Роман Нилыч вытаскивал свёрнутый в трубку плакат и развернул его. Это был «Режим дня» в картинках. Начало и окончание каждого дела указывали стрелки маленьких часовых циферблатов, и вообще всё было очень наглядно. Например, часы показывают 7.15. Нарисован паренёк, делающий физкультурную зарядку, а дальше изображены умывальник, зубная щётка, грёбёнка... Словом, ученик явится в класс подтянутый, бодрый. Под таблицей были написаны дельные советы: «Начинай с трудного!», «Сделал — проверь!», «Выучил — повтори!»

— Но отличниками мы стали не только благодаря этой таблице. Скажи, как ты готовишь уроки? Накануне того дня, в который будет урок, правда?

— Все так учат.

— А мы стали готовить уроки в тот день, когда они заданы, а потом только повторить ещё раз остаётся. Хорошо это: всё запоминается легко, укладывается в памяти навсегда. Да, хорошо, только трудно, Панёк... Хочется на лыжах побегать, «Дети капитана Гранта» почитать, а надо учить то, что только через три дня спросят. Волю нужно иметь вот какую! — Роман Нилыч встряхнул крепко сжатый кулак.

— Так и буду учиться! — загорелся Пания, тоже сжав кулак.

— Но знаешь, в чём я убедился? — сказал Роман Нилыч. — Волю из кармана готовенькую не вынешь. Волю нужно закалять, воспитывать. Конечно, можно это сделать и в одиночку, но лучше всего, если есть товарищи. Они во-время пристыдят тебя за отступление, поддержат, подадут хороший пример. Понимаешь?

— Мы с Вадиком Колмогоровым возьмёмся... — Пания нерешительно дополнил: — Может, и ещё кто-нибудь согласится. Я вам скажу потом...

— Да, поговори с товарищами. — Роман Нилыч свернул «Режим дня» в трубку, достал из книжного шкафа четыре блестящие кнопки и вручил всё Пание. — Забирай это приданое, и желаю тебе успеха!

На этот раз летучка краеведческого кружка была совсем короткой. Николай Павлович ещё раз напомнил кружковцам их обязанности в торжественный день открытия кабинета, а Пания по списку устроил переключку экскурсоводов.

— Кажется, ничего не забыли? — Николай Павлович медленно прошёл по кабинету. — Неплохо получилось, товарищи?

— Просто хорошо, Николай Павлович! Где ещё такой краеведческий кабинет есть! — заговорили кружковцы.

— А помните, с чего всё началось? Помнишь, староста?

Пания улынулся. Мог ли он забыть тот день и час, когда родилась счастливая мысль о краеведческом кружке, о школьной минералогической коллекции!

Это случилось в январе на уроке Николая Павловича. В тот зимний день лишь один луч солнца пробрался сквозь низкие и тяжёлые снежные тучи, заглянул в школьные окна и разбрызгался весялыми искрами, преломившись в прозрачном камешке, лежавшем на паниной ладони.

— Чем ты занимаешься, Пестов? Что это за камешек? — спросил Николай Павлович.

— «Волосатик» это, хрусталик «Венерных волос». — Пания увидел, что Николай Павлович заинтересовался камешком, и продолжал: — Видите в нём тоненькие волоски? Это иголочки турмалина. «Волосатики» попадаются редко. Мне за него Кузя Сердюков хорошую халцедонку даёт.

— Меняешься камешками?

— Не часто. Я больше сам искать люблю. А бывает, что и меняюсь.

Ребята охотно рассказали Николаю Павловичу всё. Менка камнями — обычное дело на горе Железной: минералогические образцы колют из кармана в карман. В конечном счёте всё сводится к спортивному интересу: завладеть камешком, который сегодня стал модным, а завтра будет небрежно брошен в домашний «каменный склад» и забыт. Приличные коллекции собрали лишь Пестов и Фелстеев; для большинства же школьников главный интерес представляла сама менка с азартными спорами, с выигрышами и проигрышами.

— И можно предполагать, что участники менки стараются получить лучшее

за худшее, — подвёл итог Николай Павлович.

— Обдурить! Обставить! За пятак рубль купить! — зашумел класс.

— Довольно! — остановил ребят Николай Павлович. — Неприятно слышать эти торгашеские словечки. Можно иногда обменять то, что не нужно тебе, но нужно другому, на то, что не нужно другому, но необходимо тебе. Понимаете ли вы меня? Но менка ради менки да ещё с хитростью — ведь это тренировка в позорном искусстве обманывать людей, не так ли? А для чего вам такая тренировка?

Слова учителя удивили ребят. Менка была одним из их обычаев, к ней относились как к делу законному, а оказывается, можно смотреть на менку и по-иному. Прав учитель или неправ? Ребята зашептались, заспорили.

— Доспорите потом. Стоит, может быть, даже провести сбор отряда на эту тему... — Николай Павлович ещё полюбовался хрусталиком, вернул его Пане и сказал: — Непонятная вещь: Горнозаводский район называют «минералогическим раем», а в нашей школе нет минералогической коллекции. Коллекция путешествует по карманам, и ею распоряжается менка. Что вам мешает организовать кружок краеведов, устраивать экскурсии, походы, собрать для школы хорошую коллекцию?

Как только он вышел из класса, Паня вскочил на парту.

— Ребята, даю «волосатик» в школьную коллекцию! — объявил он.

— Пять цитринов за мной! — не остался в долгу Гена Фелистеев.

— Записываю в краеведческий кружок! — отозвался в другом конце класса Егорша.

Всё это случилось недавно, меньше года назад, и вот менка пошла на убыль, а краеведческий кружок собрал минералогическую коллекцию, которую не стыдно показать горе Железной. Паня просто влюблён в краеведческий кабинет. Какие красивые витрины, шкафы, горки, сколько портретов! И стенды! И макет карьера!

— Идём встречать карнавал, староста.

— Нет, Николай Павлович, я дежурю...

Все ушли. Паня вооружился тряпкой и ещё раз прошёл её по стеклу витрин, тут и там поправил этикетки и улыбнулся «дедушке краеведческого кабинета» — хрусталику-«волосатику», такому незамет-

ному среди других экспонатов отдела благородных кварцев.

Послышались звуки горнов.

КАРНАВАЛ

Паня выбежал в коридор и, рискуя получить замечание, устроился на подоконнике открытого окна. Показалось, что внизу во всю ширину двора развернулся пёстрый ковёр. Лицом к скульптуре Ленина и Сталина, беседующих в саду, построились пионерские отряды. Позади отрядов толпились празднично одетые родители, а на широком школьном крыльце стояли почётные гости. Горны трубили, барабаны пересыпали дробь, возвещая открытие карнавала в честь начала учебного года и постройки новой школы.

По улице Горняков к школе катилась многоцветная волна. Это ребята Железнодорожка шли посмотреть новую школу-десятилетку. Сыновья доменщиков, сталеваров и прокатчиков надели войлочные шляпы, решётки-забрала и синие очки. Такие шляпы, решётки и очки защищают рабочих от брызг, жара и блеска расплавленного, раскалённого металла. Дети машиностроителей катили громадную шестерню с надписью «Пионерский привет ребятам школы № 7», а на плечах несли олео-красочные серебряной и золотой бумагой гигантские гачечные ключи и коленчатые валы. Всё это было отлично сделано. Понравилась Пане и колонна школьников из посёлка вагоностроителей. Ребята, одетые в синие комбинезоны, окружили модель цельнометаллического вагона. В вагоне сидели ребята, в их руках, совсем как настоящие, трещали клепальные молотки, рассыпая искры зелёного бенгальского огня. Красота!..

Ребята несли в руках гирлянды из хвон и шелковитых раскрашенных стружек с деревообделочного комбината. Над колоннами плыли портреты Ленина и Сталина в рамках из живых цветов. На одном из плакатов было написано иероглифами: «Да здравствует свободный, демократический Китай!» — и эти иероглифы были понятны всем, так как тут же был написан перевод. Между колоннами плясали маленькие грузинки, таджички, украинки и кубанские казаки. Все аплодировали негритёнку Снежку, которого так бесостенно обижали в американской школе.

Во дворе стало тесно. Многим ребятам пришлось даже забраться на кирпичное

Сыновья доменщиков, сталеваров и прокатчиков надели войлочные шляпы, решётки-забрала и синие очки.

основание решётки, ограждавшей школьный двор.

— Поздравляем вас с открытием новой школы! — в один голос сказали ребята «металлурги» и преподнесли директору школы модель мартеновской печи, в окошечках которой горел красный огонь.

Секретарь парткома Железнодорожного рудника Колысов, стоявший на крыльце, сделал знак, что он хочет говорить; ребята хором сказали: «Раз, два, три, тишина!» — и стало тихо.

— Ребята, разрешите спросить? — Колысов поднял руку, как школьник, и ему ответили смех, аплодисменты. — Вы за каникулы грамоту не забыли? Прочитаем, что написано на школе.

Вывались одиночные голоса, их торопливо нагнали другие, и над горой Же-

лезной звонко прозвучали слова кумачового плаката, украсившего фасад школы:

«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Запели горны, забили барабаны, глаза ребят светились, как звёзды...

— А теперь посмотрим новую школу! — сказал Колысов.

Внизу во дворе всё всколыхнулось. Взрослые и ребята стали подниматься на крыльцо.

ПРОСЬБА ГОРЫ ЖЕЛЕЗНОЙ

Когда гости вошли в кабинет, их встретил Паня. Он был глубоко взволнован, но заставил себя всё сделать по порядку — отсалютовал и представился:

— Староста краеведческого кружка школы-десятилетки № 7 Пестов. Краеведческий кабинет к открытию готов!

— Привет, привет, смена! Разрешите посмотреть ваши чудеса. Краеведческий кабинет должен показать школьникам, будущим хозяевам края, наши богатства. Так? — сказал Кольцов.

Кабинет гостям понравился.

Ребята прежде всего искали в витринах и горках свои дары. Слышался шёпот: «Этот камешек ещё мой дедушка-старатель нашёл», «Видишь, что я подарил: большущий кристалл полевого шпата. Такого нигде нет».

Конечно, речь по случаю открытия краеведческого кабинета произнёс Николай Павлович, но сначала Пане мешали слушать. Директор гранитной фабрики Нил Нильч сказал ему: «Неверов начнёт сегодня доску собирать». И Паня обрадовался. Потом Вадик зашептал на ухо: «Пань, знаешь, Генка хвастается, что делает сюрприз кабинету».

— Слышали ли вы сказку-шутку уральских геологов? — говорил Николай Павлович. — Вот она. Природа, создавая земной шар, заготовила разных минералогических богатств для семи больших материков. Но, как вы знаете, получилось всего пять материков, и природа высыпала весь громадный остаток богатств на границе Европы и Азии. Так появился Урал.

С каждым днём богаче и прекраснее становится наша Родина. Всё дружнее и искуснее работают умельцы-стахановцы. Сегодня мы узнали, что на Волге, в Сталинграде, будет строиться ещё одна гигантская электростанция. Наша Родина вступила в эпоху великих сталинскихстроек коммунизма. Много металла, машин, леса ждёт она от своих промышленных центров и от Урала. «Чего только нет на Урале!» — говорит наш вождь, мудрый строитель коммунизма. А Урал говорит любимому вождю: «Свой долг перед страной выполняю!» Выполняйте же и вы, ребята, свой долг. Учитесь так, чтобы вступить в жизнь знающими и умелыми, чтобы в своё время поднять новые богатства Урала и отдать их Родине!

Как только ребята перестали аплодировать, выступил Кольцов:

— На столе я вижу минералогические коллекции — подарки для школ Урала и Белоруссии. Славное дело! Но хочется, чтобы вы собрали ещё одну коллекцию —

для горняцкого Дворца культуры. Пусть каждый горняк сможет одним взглядом окинуть богатства Горнозаводского района, сильнее почувствовать свою ответственность перед страной. Что вы ответите на эту просьбу горы Железной?

— Сделать коллекцию, сделать! — кричали ребята.

С удивлением увидел Паня, что Гена Фелистеев, который до этого внимательно рассматривал сверкающую хрустальную друзу из Малой Мурзинки, теперь кричал и аплодировал громче всех. «Ему-то какая забота? — подумал Паня. — Будто он что-нибудь сделает... Его дело — сторона».

Посетители начали осмотр кабинета, а кружковцы-активисты давали им объяснения.

«ЖЕЛЕЗНЫЕ КОШЕЛЬКИ»

— Видите, вермикулит, — сказал Паня ребятам, столпившимся возле шкафа самоцветов и занимательной минералогии. — Это особая слюда. Если положить его в огонь, он увеличится в объёме в тридцать раз. В мисочке с водой плавает маленький паром. Он сделан из камня, из вермикулита...

— Как много самоцветов! — послышался голосок Жени Полукрюковой. — Федя, подними меня: я хочу посмотреть, что там на верхней полке.

Паня приворчался, что не видит этих посетителей и стал перечислять ценные свойства вермикулита.

— Федя, знаешь, что? — сказала Жени. — Я хочу тоже сделать дар. Можно, Федя? Я уже наигралась шариком.

— Пестов, ты принимаешь дары для кабинета? — Федя Полукрюков в новом чёрном костюме, большой и улыбающийся, протянул Пане синий матовый шарик.

Тотчас же Паня, по заведённому обычаю, стал «смирно», отсалютовал Жене и громко сказал:

— От имени краеведческого кружка спасибо тебе, Женя Полукрюкова, за твой дар краеведческому кабинету!

— Пожалуйста! — вспыхнула от удовольствия Жени. — Я очень люблю делать дары...

— Да, не то, что некоторые другие... — как бы про себя, но во всеуслышание произнёс Гена Фелистеев и положил на стол мешочек. — Пестов, прими и от меня.

Что он принёс? Ребята облепили стол, а Гена достал из мешочка подарки, с улыбкой слушая восхищённые голоса ребят: «Железные кошельки! Железные кошельки!» Да, это были «железные кошельки», гордость фелистеевской коллекции: тёмные, блестящие, словно отполированные куски железной руды, круглые, как ядра, и пустотелые. Горняки называют такие куски руды «конкрециями». Встречаются они редко.

— Спасибо тебе, Фелистеев, за... — начал Паниа.

— Не стой! — насмешливо прервал его Гена. — Я не за спасибо принёс, а для школы. Я и хрустальное яблоко подарил бы, да у меня такой штуки нет.

Удар был сильным и метким. Кое-кто из ребят рассмеялся. У Паниа сильно заколотилось сердце, кровь бросилась в лицо.

— Ошибаешься, Фелистеев, у меня тоже нет хрустального яблока... — С этими словами он достал из нижнего ящика шкафа хрустальное яблоко и протянул его Феде. — Я тебе сказал через Егоршу, что с тобой не меняю. Напрасно вы с Фелистеевым хотите меня осрамить. Возьми яблоко!

— Зря ты думаешь, что я... что мы с Геной... — воскликнул расстроенный Федя, отводя руку Паниа. — Ты же знаешь, почему я дал тебе яблоко... Это не менка.

— Не нужно мне твоих подарков! — отрезал Паниа, со стуком положив яблоко на стол.

— Глупо это, Пестов... Делай с ним, что хочешь, и не думай, что я хотел тебя обидеть... — Федя, не оборачиваясь, пошёл к двери; Жёня побежала за ним.

Паниа достал пузырёк с тушью и, приказывая своей руке не дрожать, вывел на квадратном куске картона: «Дар Феде Полукрюкова...»

— Что, взял, Гена? — спросил кто-то.

— А я ничего не хотел «взять», — ответил Гена. — Я дал кабинету «железные кошельки» и... хрустальное яблоко. Сам не жадога и не люблю жадог!

Трудно было Пание после этого происшествия вернуться к обязанностям экскурсовода. Не клеилась речь; Пание казалось, что, слушая его, ребята думают: «А всё-таки он действительно жадога. Генка вон с какой редкостью растаял, а где пестовские дары? Ишь, одним хрустальным отделался...»

К счастью, кабинет вскоре опустел.

— Что ты пишешь? — спросил Николай Павлович, увидев, что Паниа заполняет этикетку. — Фелистеев подарил «железные кошельки»? Ценный дар! Роман Нилыч, посмотрите...

Роман Нилыч, один из ответственных распорядителей карнавала, сел отдохнуть и прокатил по столу хрустальное яблоко. — Молодцы Полукрюков и Фелистеев! — поразовался он.

— Впрочем, все другие экспонаты кабинета так же дороги, — сказал Николай Павлович. — Всё это трофеи в борьбе детской души с тщеславием, а то и просто жадностью.

Слова Николая Павловича больно заделали Паниу. Он бросил взгляд на шкаф самоцветов и отвернулся. Просто совестно смотреть на одинокий шерл — маленький, трещиноватый... Далеко ему до шерла-великана, занимающего одну из центральных ячеек ящика № 3. При мысли об этой редкости Паниа вместо привычной гордости почувствовал стыд. Разве он не «зажал» много отличных камней, разве не по его вине шкаф самоцветов теперь кажется бедным, бесцветным? Не таким он должен быть в краеведческом кабинете!.. Позвольте, ведь Пестов отдал кабинету столько труда, почему же он казнит себя? Не потому ли, что общему делу он мог дать ещё больше и вот не дал? «Разве Вадька согласится?» — подумал Паниа, но тотчас понял, что начинает хитрить перед самим собой, и вздохнул.

— Староста соскучился, — сказал Роман Нилыч. — Идём, Панёк, посмотришь карнавал...

— Иди, веселись, — добавил Николай Павлович. — Много ты сделал для краеведческого кабинета, спасибо тебе!

Из кабинета Паниа вышел с таким ощущением, точно услышал незаслуженную и поэтому нерадоющую похвалу.

СПОР

В школьном дворе танцевали, а на спортивной площадке состязались гимнасты, бегуны, волейболисты. Проходя по школьному саду, Паниа увидел Гену и Федею, сидевших на лавочке возле цветочной клумбы, и с неприязнью подумал: «Ишь, дружки-товарищи, оба хороши!»

А друзья-товарищи говорили о Пестове. — Никто тебя не просил о хрустальном яблоке вспоминать, — сердито сказал Фе-

да.— Пестов думает, что мы были заодно, чтобы его осрамить.

— И жаль, что мы не заодно были,— поправил его Гена.— Очень нужно было тебе извиняться перед Панькой! Только помешал мне прижать его как следует. Глупо!

— А ты умный?.. Сам с Пестовым в ссоре и меня в ссору тянешь,— ещё сильнее рассердился Федя.

— Здравствуй! — рассмеялся Гена.— Я с ним в ссоре, а ты нет? Кто с Пестовым в карьере ругался и самозванцем его назвал?.. А выдумываешь, что я тебя тяну в ссору.

Его слова были настолько справедливыми, что Федя в ответ растерянно хмыльнулся.

— Пестов, конечно, такой...— признал он.

— Чего ж ты его жалеешь, защищаешь? — Лицо Гены стало жёстким.— Увидишь, как я с ним рассчитаюсь за всё. Я такую штуку придумал! Коллекцию его разорю, и прохожу ему по школе не будет. И сам ты скажешь, что я правильно, хорошо сделал. Если ты до конца будешь со мной заодно против Пестова, я тебе расскажу всё.

Федя посмотрел на него озабоченно и вдруг встряхнул головой.

— Нет, я с тобой не заодно,— сказал он серьёзно.— Я с Пестовым больше воевать не буду... Не все говорят о Пестове так плохо, как ты. И поссорились мы с ним зря. Он глупо хвастается своим батькой, а я за Степана на него тоже глупо разозлился... Если он дурачина, так я не хочу тоже таким быть.

— Ещё помиришься с ним, подружишься? — насмешливо предположил Гена.

— А разве плохо будет? В одном звене мы.

— Ну, знаешь...

Послышались голоса:

— Генка! Где ты, Генка?

Прибежали ребята и сообщили:

— Олесь Грицай из школы № 5 пришёл. Он такое на брусках выделывает, что все руки себе отхлопали... Генка, иди защищать честь школы!

— Любишь ты, Федька, всякие фантазии,— сказал Гена на прощание и, окружённый ребятами, помчался защищать спортивную честь школы № 7.

— Мама, Анисим Петрович уже Доску почёта выклеивает. Я видел! — крикнул Пяня с порога.— А карнавал такой красивый был! И кабинет мы открыли... Где ты, мам?

Он вошёл в «ребячью» комнату и замер. Рядом с его кроватью стоял новенький письменный стол с тремя ящиками, и вся комната уже пахла новым столом — свежим деревом и лаком. А старый письменный стол, которым Наталья и Пяня пользовались вместе, будто стеснясь нарядного новосёла, отступил к ширме, то есть перешёл в распоряжение сестры. Значит, новый стол принадлежит Пане? Да разве только стол? А лампа с зелёным абажуром? А письменный прибор из серого андгрита с бокалом для карандашей?

— Твоё обзаведение,— сказала мать, с улыбочкой глядя на ошеломлённого Паню.— Отец стол из магазина привёз, проводку переделал. Чуть на совещание в рудуправление не опоздал. Говорит, что ты хочешь учиться хорошо...— Мать посмотрела таблицу «Режим дня» и похвалила: — Понятно всё разрисовано, только везде часы да часы. А у тебя часов-то и нет.— Из широкого кармана передника она вынула маленький квадратный будильник и поставила рядом с письменным прибором.— Ты с ним аккуратнее обходись, не сломай мой подарочек. Всё вовремя делай! — Она поцеловала сына в щёку и вышла прежде, чем он успел её поблагодарить.

Пяня заметался, выдвинул и задвинул ящики стола, проверил замки, несколько раз зажёл и погасил лампу, прикрыл будильник рукой и в щёлочку под ладонью увидел, что цифры и стрелки светятся, сверил будильник с большими висящими часами в столовой.

Радость не в радость, пока не поделишься ею со своим другом. Но напрасно Пяня звонил Колмогоровым. Ему не отвечали. Как видно, никого не было дома. Наконец, трубку взяла сестра Вадика Зоя.

— Вадя ещё не пришёл домой,— сказала она.— Я видела его возле школы. Он куда-то пошёл с Геней Фелистеевым.

— С Геней? Врёшь!..

— Не мешай мне играть гаммы,— отчеканила Зоя и положила трубку.

Что такое? Какие дела опять завелись у Вадика с Генкой?..

К вечеру Пане стало невмоготу без Вадика.

«Да, может быть, он в зоокабинет забрался», — подумал Паня и побежал разыскивать друга.

В школе былолюдно. Просторное, удобное помещение десятилетки дало приют и новой вечерней школе рабочей молодежи. В коридорах Паня увидел не только молодых рабочих, но и семейных горняков, которых величали по имени-отчеству. Все они были празднично наряжены; о руднике напоминал лишь густой загар да большие рабочие руки. Горняки чинно осматривали школу и солидно беседовали об учебных делах.

«Интересно, кто сидит за моей партой?» — подумал Паня и заглянул в класс. На его месте сидел кузнец свободнойковки из ремонтно-механической мастерской, несравненный силач-гиревик Юра Капустин. Подперев голову руками, кузнец читал учебник, и казалось, стоит ему шевельнуться, и парта развалится. Вообще класс стал заметно меньше, теснее, да ведь какие люди пришли сюда! За парты Самохинных, например, устроился взрывник Александр Клементьев, дважды орденоседец, о котором говорили, что он на спор взрывал в стакане орех, не повредив стакана. Широкоплечий и длиннорукий, он с сосредоточенным видом надписывал тетради.

— Эх, почерк у меня!.. — сокрушённо произнёс Клементьев, поправляя галстук, сбившийся на сторону. — Напиши-ка, Пань, покрасивее: «Тетрадь ученика шестого класса Клементьева. Кто притронется без спроса, тот останется без носа» — или как там у вас полагается...

Неожиданно на пороге класса появился «морской волк» горы Железной Гоша Чусовитин. Ради первого дня занятий он надел новый синий костюм и яркий клетчатый галстук.

— Гоша, петушок уже пропел! — пошутил Паня. — А когда на траншею?

— Скоро... Ну и штуку капитан придумал! Горячо всем будет, Панёк.

Входившие в класс ученики разбеднили их, и Паня не успел узнать у Гоши, какую именно штуку придумал «капитан», так есть Григорий Васильевич Пестов.

В зоокабинете, уже пропахнем зверушками, ребята возились у террариума, где были созданы Кара-кумы с песчаными барханами и знойным солнцем — сильной электрической лампой.

Возле крольчатника на корточках сидел Вадик.

Паня вызвал его в коридор и начал торопливый допрос:

— Ты куда с Генкой сегодня бегал? Опять споришь? Сейчас же говори, слышишь!

— Хочу и спорю! Спорим, кто первенство города по футболу выиграет: «Металлург» или «Спартак»... Надо же Генке дать отыгрыш за ножик, — запинаясь, ответил Вадик и, подняв на Паню недоумевающий взгляд, спросил: — Пань, ты уже знаешь? Гоша Чусовитин сказал мне, что твой батя возьмёт в свою бригаду на проходке траншеи Полукрюкова. Зачем это? Полукрюков работает так себе.

— Не знаю. Да, может, и Гоша ничего не знает. Скоро батя с совещания придёт, и я у него сам спрошу. Идём ко мне, Вадь, посмотришь, какой письменный стол мне батя купил, а мама будильник. Цифры и стрелки светятся, так и горят!

— Колмогоров, где ты? Кролик опять хихает, как паровоз! — крикнул один из кружковцев, приткнув дверь.

— Я к тебе приду, — пообещал заторопившийся Вадик.

Паня отправился домой. Он надеялся, что совещание у Новинова уже закончилось и он сможет узнать всё о траншее.

БОЛЬШИЕ РЕЗОНЫ

Возле дома Пестовых стояла серая, блестящая, будто только что купленная малолитражка машиниста паровоза Гордея Николаевича Чусовитина, о которой горняки в шутку говорили, что она всё время моется в бане, так как Чусовитин приспособил под гараж баньку.

Старших Паня нашёл в садике, где Пестовы иногда пили чай при свете висящего фонарика с разноцветными стёклами. Сюда «на огонёк» пришёл Чусовитин и соседи Пестовых — машинист экскаватора Иван Лукич Трофимов и его жена Тянюша.

— Чаю налить? — из-за самовара спросила у Пани мать.

— А бати нет?

— Ждём-пождём, чаёк пьём. — Гордей Николаевич вынул из жилетного кармана часы с дымящим паровозом на циферблате и покачал головой: — Затянулось, видать, совещание. Дождусь ли хозяйна?..

В это время скринула садовая калитка, у стола появился Григорий Василье-

В это время скрипнула садовая калитка, и у стола появился Григорий Васильевич.

вич, поздоровался с гостями и мимоходом потрещал Паню по спине.

— Налей чайку, Маша! — сказал он весело. — От споров-разговоров всё внутри заеклось.

Нетерпение Пани достигло последнего предела, но старшие не спешили приступить к тому, что всех интересовало. Они, как водится, потолковали о погоде, о поселковых новостях второстепенной важности и дали Григорию Васильевичу спокойно выпить первый стакан.

— Что новенького, Григорий Васильевич? — спросил Гордей Николаевич, когда Пестов закурил. — Как насчёт траншеи решили?

Перестали звенеть ложечки. Все смотрели на Пестова.

— Решение, в общем, такое... — ответил Григорий Васильевич. — На траншее будут работать спаренно два экскаватора: «Четырнадцатый» лобовым и «Пятнадцатый» хвостовым, для перегрузки вынудной породы. Я перехожу на «Четырнадцатый» с Калугиным, а на «Пятерке» бригадиром остаётся наш мил-друг Иван Лукич Трофимов.

— Батюшки, Ваня мой — бригадир! — обрадовалась Танюша.

— Кого ещё в бригаду к себе берёшь, Григорий Васильевич? — спросил Чусовитин.

— Степана Полукрюкова мне дают, как я прошу.

Снова за столом стало тихо-тихо.

— Тебе виднее, Гриша,— откашлявшись, проговорил Чусовитин.— А если хочешь моё стариковское мнение знать: рискованно ты поступаешь. На траншее каждый кубометр будет значение иметь. А ты берёшь в бригаду среднего машиниста. Не вижу для этого резонов, Гриша.

«Правда!» — мысленно одобрил Паня.

— Напрасно ты, Гордей Николаевич,— улыбнулся Пестов.— Помнишь Сёму Рощина? Взял я его на «Пятёрку», и тоже был разговор насчёт риска, а Сёма Рошин теперь мне не уступит, в Белоярске гремит.

— Рощина ты полгода учил и вытягивал,— напомнил Чусовитин.— А на траншее всей работы на два месяца. Только начнёшь учить, а тут траншею подавай. Если не дашь, что горе Железной скажешь, Григорий Васильевич?

Холодок пробрал Паню. Он знал, как ревниво относятся горняки к славе своего рудника,— никому и никогда не простят они неудачи.

— Не пугай, Гордей Николаевич! Гора Железная мои резоны в расчёт примет.— Григорий Васильевич призадумался, подуд на огонёк папиросы, сбивая пепел.— Ты Полукрюкова низко не ставь. Умный это парень, смекалистый. Всё, что ни скажешь ему, сразу в дело пускает. На горячей работе Степан быстро расти будет. И ведь не только в Степане дело! — продолжал Григорий Васильевич.— Скоро все железногорские домы ценной руды попросят, придётся второй карьер спешно развётрывать. Ты подумай, Гордей Николаевич, что получится, когда Степан начнёт на «Четырнадцатом» отличаться? Весь молодец во втором карьере за ним потянется, вверх пойдёт... А тут ещё мы, старики, стахановское шефство над молодежью возьмём... Пётр Красулин, Лев Фелистеев, Андрей Калугин на это уже согласились.

— И Трофимов! — быстро подсказал Иван Лукич.— Меня не забудьте, Григорий Васильевич.

— Поднимем второй карьер, дадим сталинским стройкам наилучший металл! — воскликнул Григорий Васильевич.— Да разве только металл нужно дать? Ты читал, Гордей Николаевич, какой объём земляных работ на Волге? Не-

вероятный!.. Урал на Волгу уже экскаваторы посылает; умелых работников, мастеров, мы тоже подготовим...

«Эх, если бы батка за шагающий экскаватор взялся!» — подумал Паня.

— Ты, Гриша, конечно, думаешь партияному,— признал Гордей Николаевич.— Ну, а всё же не забывай: большую ответственность берёшь.

— Когда я ответственности боялся? — уже с ноткой обиды в голосе произнёс Григорий Васильевич.— Ответа бояться — за дело не браться. Дала мне советская власть грамотность и квалификацию, и должен я всё, что знаю, всё, что умею, другим передать. Без этого я не могу, Гордей Николаевич!

С любовью смотрел в лицо отца Паня, увлечённый горячими словами. Но конца разговора ему не пришлось дослушать.

ИЛИ — ИЛИ

— Телефон в доме звонит,— сказала мать.— Пойди, Паня, послушай. Наверно, твой дружок соскучился.

— Вадька, что тебе, говори скорее! — крикнул Паня в трубку.

— Пань, мой папа пришёл с совещания и... Всё правда, как Гоша Чусовитин говорил. Твой батка на совещании взял обязательство научить на траншее Степана Полукрюкова работать, как он сам работает, по-пестовски. Понимаешь?

Тусклые нотки в голосе Вадика удивили Паню.

— Ну так что?.. Чего ты?

Вадик не сразу ответил:

— А если Степан не научится?.. Тогда траншея не поспеет. Я же больельщик Григория Васильевича... Ты же знаешь...

— Можешьнисколько не беспокоиться. Батка за Степана возьмётся, как за Сёму Рощина, и научит его быстро.

— Значит, ты думаешь, что Степан будет работать так, как твой батка? — помолчав, спросил Вадик.— Пань, а помнишь, ты сказал Федьке в карьере, что Степан никогда не сработает, как твой батка? И ты даже свою коллекцию за это выставял... А теперь ты на такой спор пошёл бы?

— Когда я вообще с закладом спорил?

— Никогда не спорил, я знаю... Только ты представь, что ты — это не ты, а я. Тогда ты пошёл бы на такой спор, скажи, Пань?..

— Смешной ты, Вадька! Теперь главное дело — руду домне Мирной дать и металл сталниским стройкам. Вот и всё! Пускай даже Степан или кто другой лучше моего батьки сработает, лишь бы «мешок» за два месяца развязать. Ясно? Ну и клади трубку, я тоже кладу...

Он со стуком положил трубку и, повернувшись, увидел отца, который пришёл в столовую взять пачку папирос.

— Что это ты моей выработкой распоряжаешься, кто тебе разрешение дал? — шуточно начал Григорий Васильевич, но тут же серьёзно добавил: — Правильно ты, Паня, по телефону выступил. Хвалю! Понимаешь, значит, что сейчас руднику нужно? А о чём вы говорили с Вадиком?

— Бойтся он, что Степан может с тобой вровне сработать.

— Горячий у меня болейщик! — усмехнулся Григорий Васильевич.

— Зря бойтся! — усмехнулся и Паня. — Ты, батя, первое место на руднике никому не уступишь.

— Ох, Панька, нет тебе угомону, как павлин, красуешься. Помнишь, мы в Московском зоопарке видели? Хвост у птицы большой, красивый, а головка маленькая, ума, видать, не много. Ну, ладно уж то, что ты главную заботу рудника понимаешь. — Уже ступив на порог столовой, он спросил: — Стол тебе понравился?

— Мировой стол, батя! Спасибо!

— Слово своё насчёт учения держи, не отступай.

— Увидишь, как буду учиться! Ты, батя, разворачивайся на траншее, а обо мне даже не думай, не беспокойся.

— Золотые слова ты с обидными смешал, — мягко упрекнул его отец. — Как же

это я могу о тебе не думать? Однако дума думе рознь. В тот день, когда ты пэтёрку принесёшь, у меня работа лучше, веселее идёт. Выходит так, что твоя хорошая отметка на экскаваторе тоже работает. Учитываешь это?

— Гриша, что же ты от гостей скрылся? Там ещё Наташа с подружками пришла, — сказала мать, входя в столовую за посудой.

Глядя вслед отцу, Паня сказал:

— Мама, у нас такой батя!.. Лучше всех на свете, правда?

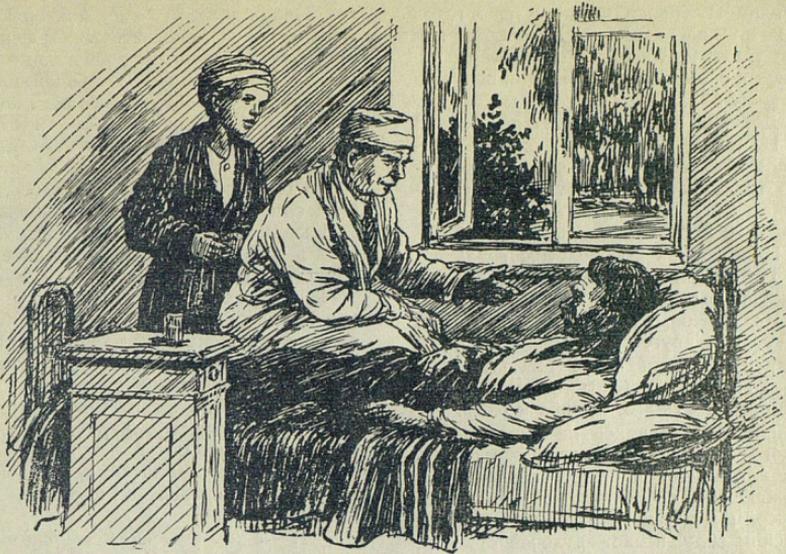
— Ты бы таким был! — ответила мать, доставая из горки чашки.

Пане захотелось остаться одному.

Не зажигая лампы, он сел за свой стол и усталости на светящихся циферблат будильника. Пришли в «ребячью» комнату важные мысли и обступили Паню. Только что отец сказал: «Твоя хорошая отметка на экскаваторе тоже работает», — и это так ясно, так неоспоримо! Даже удивительно, почему Паня не понимал, не учитывал этого раньше и — вот позор! — носил домой тройки, даже двойки. Ведь мешали они батьке, конечно, мешали, и об этом стыдно вспомнить... Не будет этого больше! Берись за траншею, отец, работай, прокладывая широкий путь металлу, ни в чём, никогда не помешает тебе сын. «Ты бы таким был!» — сказала мать, и Паня всей душой хочет быть таким, как его батька.

«Не самозванец я!..» — подумал Паня и вдруг почувствовал, что кличка, которая ещё вчера так сильно задевала его, стала пустой, бессмысленной. Можно ли обращать внимание на эту чепуху, когда так ясно видишь свой путь, так уверен, что идёшь правильно, вперёд, в гору!..

(Продолжение следует.)

О П Е Р А Ц И Я

Рассказ М. Жестева

Рисунки Б. Винокурова

Наконец Павлику разрешили встать с постели. Но когда он надел халат, непомерно широкий для его мальчишеских плеч, и уже собрался отправиться в больничный сад, внесли нового больного. Худой, обросший рыжеватой щетиной, он некоторое время лежал в постели с закрытыми глазами, а потом, слегка приоткрыв их, сказал неожиданно знакомым голосом:

— Выздоровливаешь, наездник?

Только тут Павлик узнал в новом больном золотковского садовода Андрея Егоровича. Правда, узнать его было нелегко, и всё же это был, без сомнения, он, Андрей Егорович. От неожиданности Павлик даже растерялся, а потом обрадовался и бросился к Андрею Егоровичу. В эту минуту ему показалось, что он не в больнице, а в золотковском колхозном саду. Какой это хороший сад! Там есть яблоки и груши, там растёт вишня, слива и черешня и столько смородины, крыжовника, малины, что ягодой нагружают целые машины. Но главное, там Андрей Егорович! Он никогда не гонит ребят, не боится, что

сорвут яблоко, попробуют ягоду. И всегда ребята в саду — выпальвают сорняки, падалицу собирают, помогают ставить подпорки. А по вечерам собираются у шалаша, зажигают костёр и слушают какую-нибудь историю, которую рассказывает Андрей Егорович.

Как обрадовался Павлик Андрею Егоровичу! В своей радости он даже не сразу подумал о том, что, видно, серьёзно болен садовод, если попал в больницу. Присаживаясь на койку, Павлик весело воскликнул:

— Вот хорошо, Андрей Егорович, что вы здесь!..

— Хорошего, конечно, в этом мало, — улыбнулся садовод, — но я рад встретить тебя.

— Простите... — смутился Павлик.

— Ничего, ничего, — подбодрил Андрей Егорович. — А ты, я вижу, поправляешься! Теперь на необъезженную лошадь садиться не будешь?

— Нет!

— Вот и хорошо! А то не хватит докторов вас чинить...

Павлик засмеялся шутке и уже готов был начать расспросы о Золоткове, как вдруг увидел, что Андрей Егорович побледнел и прикусил губу. Павлик испуганно спросил:

— Доктора позвать? Я тут всех знаю!

— Не надо, пройдёт. — Андрей Егорович пожегал ещё немного, потом облегчённо вздохнул. — Ну, вот и всё в порядке.

— А что у вас?

— Паршивая, брат, болезнь, язва!

— Тут лежал один, так у него переворот кишок был.

— Не переворот, а заворот. Только это — совсем другое дело.

Андрей Егорович после приступа чувствовал сильную слабость, и Павлик, чтобы не беспокоить его, отошёл к окну.

Больница находилась на окраине маленького городка. С улицы доносились гудки автомашин и скороговорка телег, проезжающих по булыжной мостовой. А вечером и здесь было слышно, как в городском саду играет духовой оркестр, без которого в маленьком городке лето не лето.

Но больница была обнесена живой изгородью сирени и жёлтой акации, над ней поднимались серебристые ивы, и временами Павлику казалось, что зелёная чаща заслонила собой не только улицу, город, но и весь большой, необъятный мир. Этот мир по ту сторону серебристых ив ни в чём не был схож с миром больничных палат. Тут, в больнице, над всем властвовал неумолимый доктор Георгий Антонович, а жизнь сводилась к тому, чтобы три раза в день принимать лекарство, мерить температуру и есть то, что тебе совсем не нравится. Правда, в больничном дворе был гараж, и там стояла новенькая легковая машина «Скорой помощи», а за гаражом находился сарай, куда в полдень загоняли поилницу всех больных чёрнопёструю корову Диану. Но больным разрешалось ходить только в сад, двор был недоступен для Павлика. Теперь, с приходом Андрея Егоровича, этот скучный больничный мир как бы сразу раздвинулся, но в то же время чувство радости у Павлика вытеснялось тревогой: что такое язва? Неужели это так опасно? Видно сразу, что Андрею Егоровичу было очень, очень больно... И какой он худой!

Из коридора в палату донеслись тяжёлые размеренные шаги. Ещё не видя нико-

го, Павлик знал, что идёт доктор Георгий Антонович. И действительно, раскрылась стеклянная дверь, и вошёл доктор, как всегда, в белом халате и в белой шапочке, похожей на клеенную из бумаги коробочку. Георгий Антонович был невысокого роста и грузный, но руки у него были такие быстрые и лёгкие, что во время перевязки Павлику иной раз казалось, будто бинт сам обвивается вокруг головы.

Доктор присел у койки Андрея Егоровича и сказал, взглянув на бледное после приступа лицо садовода:

— Потерпите, дружок, немного потерпите! Денька через два, а может быть, и раньше, мы вашу язву начисто удалим!

— Значит, мне ещё два дня улыбаться? — спросил Андрей Егорович.

— Что же поделаешь! Если будут сильные боли, вызовите дежурную сестру, она сделает вам укол.

Георгий Антонович встал, подошёл к Павлику и сказал с шутиливой строгостью:

— А ты назначаешься старшим больным по палате. Понятно? И как старший не допускай, чтобы Андрей Егорович вставал. И ещё следи, чтобы ел только то, что в больнице дают... Одним словом, как больничному старожилу поручаю его твоим заботам. — И уже в дверях обернулся к садоводу: — Ваша жена ещё не ушла. Может, хотите что-нибудь передать ей?

— Передайте, чтобы ничего не присылала... А то вам же хлопот не обернуться.

Доктор вышел из палаты, и тут только Андрей Егорович, спохватившись, сказал:

— Совсем забыл...

— А что? — спросил Павлик, готовый немедленно проявить себя как старший больной. — Я догоню Георгия Антоновича.

— Догонять не надо... Ступай сам в приёмный покой и скажи жене: так и так, Анна Ивановна, лежит в больнице такой парень, Павлик из Золоткова, известный неадекват и озорник. Как придёте в деревню, зайдите к его матери и скажите: «Поправляется Павлик, уж выходить разрешили ему. И зарок дал: больше на необъезженных коней садиться не будет». Понятно, товарищ старший больной? А ну, быстро!

Павлик выбежал из палаты и поспешил в приёмный покой. Он спустился в сад и направился вдоль аллен. Но, едва приблизившись к приёмному покою, он невольно

остановился у широко распахнутого окна. Там, в приёмном покое, Георгий Антонович говорил тихо и с поразившей Павлика мягкостью:

— Я не хочу скрывать от вас, Анна Ивановна: операция предстоит очень опасная... Одно могу обещать: всё, что в моих силах, я сделаю...

Павлик от неожиданности растерялся. Он даже забыл, зачем шёл сюда. Значит, жизни Андрея Егоровича, жизни человека, которого так любят все ребята, угрожает опасность. Неужели заранее нельзя было что-нибудь сделать? Как можно допустить, чтобы Андрей Егорович вдруг умер? Доктор что-то ещё говорил жене садовода, и она что-то отвечала ему, но Павлик, поглощённый своими мыслями, уже ничего не слышал. Он стоял у окна, опустив голову, подавленный тем, что узнал. Его привёл в себя Георгий Антонович:

— Ты что тут делаешь, Павлик?

— Я... я...— Он покраснел при мысли, что его могут заподозрить в подслушивании. — Я про Андрея Егоровича нечаянно всё узнал... — И потом добавил: — Я к Анне Ивановне шёл, чтобы сказала дома, что видела меня.

— Вот оно что...— протянул доктор.— Ну ладно, иди покажись ей, а потом мы с тобой поговорим. Я здесь подожду...

Когда Павлик, передав привет своим, вышел снова в сад, Георгий Антонович ожидал в аллее. Он обнял мальчика за плечи.

— Теперь рассказывай, что слышал про Антона Егоровича?

— Насчёт операции... Очень опасная она, — ответил Павлик.

Георгий Антонович снял руку и, продолжая идти рядом, сказал:

— Не надо бы тебе знать, ну раз уж так получилось, ничего не поделаешь. Только вот что, Павлик: Андрею Егоровичу ни слова. Понятно?

— Понятно.

— Он ничего не знает и не должен знать,— продолжал Георгий Антонович.— Одно неосторожное слово погубит человека! Обещаешь молчать, Павлик?

— Обещаю.

— Тогда возьми себя в руки. А то он по твоим глазам догадается.

Павлик вернулся в палату и с притворным оживлением громко сказал:

— Андрей Егорович, успел я, всё передал!

— А ты не кричи, — остановил его Андрей Егорович. — Не дома, кругом больные... Ушла уже Анна Ивановна?

— Собиралась.

— Глаза-то, наверное, красные, плакала?

— Что ты! Вовсе нет! Она весёлая такая, когда с Георгием Антоновичем разговаривала, всё смеялась...

— Смеялась? — удивился Андрей Егорович.

— С места не сойти, смеялась. Он говорит: «Мы ему язву в животе одним махом уничтожим». А она говорит: «Да уж, пожалуйста, а то скоро яблоки поспеют, как ему с язвой быть? Ему,— говорит,— надо яблоки пробовать...»

Андрей Егорович покачал головой:

— Выдумщик ты, Павлуха!

Павлик отвернулся. Он очень старался быть весёлым, но чувствовал, что на глазах вот-вот выступят слёзы. И больше всего опасался этого. Одна слезинка выдаст всё и может стоить жизни Андрею Егоровичу. Нет, он сдержится. Ведь не плакал же он, когда на всём скаку слетел с лошади и разбил себе голову!.. Но тогда было легче. Тогда самому было больно, а тут Андрей Егорович... Подкатывает что-то к горлу, щиплет глаза, и нет никаких сил притворяться.

Наконец борьба с предательской слезой закончилась победой, и Павлик смело взглянул в глаза Андрею Егоровичу. Ему очень хотелось сделать для Андрея Егоровича что-нибудь хорошее, но что именно, он и сам не знал. Может быть, рассказать про облепиху, что растёт в больничном саду? Сама большая, как старая яблоня, а спеют на ней ягоды, и ягоды-то мелочь брусники. Нет, всё это не то. Совсем не то! Павлик морщит лоб, мурит белесые брови и неожиданно приносит солидно, как и полагается старшему больному хирургической палаты:

— А операция, может быть, и не понадобится...

— Ты, что же, больше доктора знаешь?

— Больше не больше, а они тоже не всё знают. Вот на той койке лежал один больной, бухгалтер, со слепой кишкой. Как привезли его, ох и кричал! И тоже говорил: операция, операция! А у него на следующий день всё прошло. Без операции обошлось. Сам себе не верил, всё

живот щупал и смеялся: рассосалось, рассосалось!

— Язва не рассосётся, — сказал Андрей Егорович. — Мне ножа не миновать...

— А вдруг, Андрей Егорович? Ведь может так быть?.. И поедем вместе в Золотково... И прямо в шалаш. Наверное, хорошо там сейчас! Скоро яблоки поспеют... — Ещё зелено всё...

— Зелено, да ведь уже наливаются яблоки, — торопливо говорил Павлик, боясь

А есть ли толк, видно лет через пять. Вот тут не раз храбрость потребуется! Ждешь и думаешь, что люди скажут, как на тебя смотреть будут, если все труды впустую пойдут. А ещё требуется, кроме храбрости, любовь. Настоящий садовод, ты думаешь, какой? Тот, который большие яблоны любит, те, что урожай приносит, дождо дают? Нет, брат! Настоящий садовод тот, кто над саженцами трясётся, как мать над малыми детьми. Их и накорми, и под-

Павлик отвернулся. Он очень старался быть весёлым, но чувствовал, что на глазах вот-вот выступят слёзы.

какого-нибудь вопроса. — Интересно очень: сначала наливаются яблоки, толстеют, а потом подумываться начинают. И видно, что дереву всё тяжелее, так и гнутся ветки к земле... Я, Андрей Егорович, пошёл бы на садовода учиться, да одно плохо: тихая работа очень.

— А тебе какая нужна?

— Чтобы храбрость требовалась! — не задумываясь, ответил Павлик.

Андрей Егорович взглянул на Павлика. Лицо мальчика было ещё бледным, но глаза горели задором, готовностью совершить что-то героическое. И садовод проговорил, улыбаясь:

— От садовода тоже требуется большая храбрость...

— Посадить да вырастить? — перебил Павлик.

— А вдруг посадишь, да без толку?

ними, и воспитай... Выходит, храбрости и любви тоже мало. Великое терпение ещё надо!

День прошёл быстро. Это был первый день в больнице, когда Павлик не замечал обременительных больничных порядков. Но поздно вечером, после того как потушили свет, мальчика снова охватила тревога. Он лежал с открытыми глазами и думал об Андрее Егоровиче. Без особого труда он представил своего друга на операционном столе. А дальше? Нет, не может того быть, чтобы вот так сразу человек из живого стал неживым... Он не решился даже про себя произнести это страшное слово и старался уверить себя, что доктор ошибся и что операция, которая предстает Андрею Егоровичу, не так уж опасна. И всё же он снова и снова возвращался к тому, о чём боялся думать.

Внезапно Павлик откинул одеяло, присел на кровати и протянул руку, чтобы захватить настольную лампу. Он не знал, как поступить: самому ли сделать то, что пришло ему в голову, или разбудить Андрея Егоровича. Как это раньше он не подумал и потерял целый день! Надо написать письмо товарищу Сталину, всё рассказать: какой замечательный садовод Андрей Егорович, как его любят все ребята — и попросить, чтобы прислали какого-нибудь знаменитого профессора. Пусть бы он помог доктору Георгию Антоновичу. Ведь эта операция такая трудная!

Однако Павлик не зажгёт лампу. Свет ещё потревожит Андрея Егоровича, и вообще, прежде чем сесть за письмо, надо его обдумать. Павлик снова ложится и начинает обдумывать письмо к Сталину. И тут возникают непредвиденные трудности. Легко написать, что надо спасти колхозного садовода. Но ведь надо рассказать, от кого письмо, кто его пишет. Значит, придётся признаться, как он, Павлик, вздумал покататься на необезженной лошади... И Павлик заснул, так и не решив ничего.

На следующий день Павлик проснулся немного позже обычного. Завтракал он один, потому что Андрею Егоровичу почему-то есть не дали, сказали, какие-то анализы будут делать. А потом Павлик достал бумагу, карандаш и направился в больничный сад, чтобы засесть за письмо. Андрей Егорович остановил его и спросил:

— Ты кому собрался писать?

Павлик сначала хотел сказать, что в Золотково матери, потом, что ребятам, и неожиданно для самого себя тихо проговорил:

— Товарищу Сталину.

— Это по какому же делу?

— Чтобы прислали профессора...

Андрей Егорович удивлённо посмотрел на Павлика и посадил его рядом с собой.

— Ну что же, Павлик, спасибо! Большое тебе спасибо... Только почему же ты обо мне заботишься, а о товарище Сталине нет? У него и так много дел.

Павлик не отвечал. Ему хотелось сказать, что Сталин обязательно пришлёт профессора, раз Андрею Егоровичу предстоит опасная операция. Но именно это-то он и не мог сказать. А садовод уже говорил ему:

— Лучше мы с тобой сейчас другое

письмо напишем. В правление колхоза. Надо дать кое-какие указания насчёт сада. Я бы и сам написал, да не подняться мне...

Павлик придвинул табуретку к столу, уткнулся коленками в его фанерную дверцу и приготовился писать. Андрей Егорович взглянул в окно и тихо сказал:

— Так. Сверху напиши: «О колхозном саде золотковской артели»... Крупно пиши. Написал? Хорошо! А теперь дальше... — И, закрыв глаза, Андрей Егорович стал диктовать: «Сад наш самый большой в районе. В нём пятьдесят сортов одних яблонь. И беречь его надо как золотой фонд садоводства. Сажены нашего питомника не бояться суровых зим. Это письмо передайте садоводу, которому вы поручите сад... Садовод должен быть опытным. И обязательно, в первую очередь он должен сделать вот что...» Написал?

Андрей Егорович открыл глаза и увидел, что Павлик сидит за столом и совсем не пишет, а смотрит куда-то в сторону.

— Ты что, парень?

— Ничего... Это я так...

— Ну, тогда давай продолжать. Так на чём мы там остановились? Да вот, пиши дальше... «Первое: по опытному участку...»

— «По опытному участку...» — повторил Павлик и, не выдержав, рванулся к двери.

Андрей Егорович, превозмогая боль, присел и крикнул:

— Куда? А ну вернись! Ты что это?

И Андрей Егорович умолк. Сдвинув брови, взглянул он долгим пристальным взглядом на подошедшего Павлика, потом откинулся на подушку и молча уставился в раскрытое окно. Там, над серебристыми ивами, в голубом летнем небе плыли лёгкие белые облака, и, провожая их взглядом, он подумал о том, как смешно, что от него скрывают опасность предстоящей операции. Ведь он же не ребёнок! Он отлично всё понимает. И всё же скрывают!.. Даже Павлику не велели говорить. А зачем? Ведь всё ясно! Разве стали бы вызывать профессора-хирурга, не будь операция очень опасной? А его вызвали! Об этом ему рано утром сказал сам Георгий Антонович. Доктор, видимо, думает, что его больные не очень догадливые люди... А может быть, хотел подготовить? Но главное не в этом. Пусть от него скрывают опасность, пусть! Зачем Павлику сказали? Парень сам не свой. А ему по-

правляться надо... И Андрей Егорович, повернувшись к мальчику, спросил:

— Тебе что про мою болезнь говорили?

— Ничего, — опустив глаза, ответил Павлик.

— Так ли? Посмотри на меня.

Павлик поднял голову, взглянул прямо в глаза Андрею Егоровичу и почувствовал, что на этот раз он бессилён удержать слёзы. И, увидев садовода, как в тумане, он припал к столу и горько заплакал.

Андрей Егорович приподнялся и погладил худой рукой русые волосы Павлика.

— Не надо, Павлик... Экий ты, право!..

Ну разве можно плакать? А ещё героем хочешь быть. Ну брось, Павлик! Ты не думай, брат, о моей операции. Такие ли ещё бывают болезни! Перед ними язва — так, чехуха! А ты испугался... Да мы эту язву — раз, и нет её!

Совсем близко, под окном палаты, зашуршали колёса автомобиля.

Андрей Егорович, чтобы отвлечь и успокоить Павлика, сказал:

— Пойди посмотри, что за машина пришла.

Павлик нехотя вышел из палаты. Его совсем не интересовали какие-то там машины. Ну их совсем, эти машины! Но через несколько минут Павлик не вошёл, а ворвался в палату. Весёлый, улыбающийся, он, чуть не прыгая от радости, громко объявил:

— Приехал! Сам видел! Приехал! И доктор сказал!

— Кто приехал?

— Профессор! Вы, Андрей Егорович, наверное, сами написали Сталину...

— Нет, видно, Иосиф Виссарионович Сталин заранее сказал, чтобы всем с такой, как у меня, операцией посылали профессора. А ты, Павлик, волновался, плакал даже... Видишь? Наши дела — лучше не надо!

Нет, теперь Павлик уже не плакал. Чего тут плакать, когда так здорово получилось. Теперь ему, пожалуй, можно оставить Андрея Егоровича одного и выйти в сад, где у большого подъезда стоит машина профессора. Такая большая, с красным крестом и большими фарами. Ну, как не посмотреть, какая она внутри, как не попроситься к шофёру в кабину! И Павлик исчез из палаты.

Андрей Егорович остался один. Весть о приезде профессора его взволновала; он не ожидал, что всё произойдёт так быстро,

и был доволен, что его волнения не видит Павлик. Очень хорошо, что теперь парень забыл все свои опасения. Но может ли забыть о них он, кому предстоит эта операция?.. И в то же время мысли об операции переносили Андрея Егоровича в колхозный сад... Как хорошо там сейчас! Куда ни глянь, плоды, плоды, плоды. Яблоки ещё зелёные, но уже краснеет вишня и созрела земляника. И ветерок разносит по всему саду медовый запах, и слышно, как гудят пчёлы в кустах малины. Но в саду хорошо не только сейчас. Там даже зимой хорошо! Узкая, извилистая тропа тянется среди снежных сугробов, и всё вокруг бело и молчаливо. В глубоком сне деревья, ни листочка на ветвях. Увидит ли он всё это снова? Вот странно, почему в партизанском отряде, а потом на фронте он не ощущал смерть так близко, как теперь? Может быть, потому, что там она каждый день угрожала всем, но никто не знал, кому именно, а здесь ему, только ему. Да нет, он и сейчас не чувствует страха. Но так не хочется оставлять любимое дело! Много задумано, много ещё незаконченных планов. Не успел он... Однако чего там нагонять на себя всякие чёрные мысли? Интересно, когда его будут оперировать? Сегодня? Завтра? А не сейчас ли? Не потому ли его с утра морят голодом?

Андрей Егорович увидел, как доктор Георгий Антонович провёл по коридору приехавшего профессора. А через некоторое время откуда-то появилась коляска, на которой обычно доставляют к операционному столу больных. Значит, сейчас! Ну что же, чем скорее, тем лучше. Он приподнялся, взял нянечку и сказал, подавая ей стакан:

— Попрошу водички, да погорячей! — И, достав из столука мыло, бритву, кисточку, слабо улыбулся: — Дело-то к выписке идёт...

Когда Павлик вернулся в палату, он увидел пустую койку рядом со своей. Мальчик бросился к дежурной сестре. Где Андрей Егорович? На операции? Павлик не находил себе места. Он то присаживался на корточки у дверей, то выходил в коридор. Он ждал и ждал, не спуская глаз с операционной и стараясь по тням, двигающимся на матовом стекле, узнать, скоро ли вынесут Андрея Егоровича. Нет, не может быть, чтобы операция кончилась плохо. Ведь её делает профессор! А вдруг... Нет, нет, всё должно быть хоро-

шо! Как же будет сад без Андрея Егоровича!

Наконец в распахнувшихся дверях операционной появилась высокая белая коляска. Андрея Егоровича ввели в палату и осторожно положили на койку. Он лежал, вытянув руки поверх одеяла, совсем не похожий на себя, какой-то очень строгий и очень бледный. Хорошо прошла операция или плохо? Спросить об этом оставшуюся около больного дежурную сестру Павлик не решался. Он стоял у окна притихший и большими, испуганными глазами смотрел на садовода. Ну что же Андрей Егорович всё не просыпается? Павлик напряжённо и томительно прислушивался, дышит ли Андрей Егорович.

Сколько времени прошло, он не знал. Но вот гулко прозвучали шаги в больничном коридоре, и тут же в палату вошли Георгий Антонович и приезжий профессор. Профессор подошёл к койке садовода и, подержав с минуту его руку у кисти, сказал весело:

— Скоро наш герой проснётся. Молодец! Посмотрите, Георгий Антонович, какой прекрасный пульс! Операция прошла хорошо. Теперь вопрос в том, как дело пойдёт дальше. Как он справится... Очень ведь истощён болезнью.

— Справится, профессор! — горячо сказал Георгий Антонович. — Вы не знаете, какой это человек! Вы видели, как он держался? Ведь это чудесный садовод. Он должен поправиться, у него большое, любимое дело. Знаете, есть два рода больных. Те, которые своей волей помогают врачу, и те, которые осложняют его работу. Наш садовод хочет жить, он поспешит поправиться и опрокинет все наши сроки. Вот увидите!

— Мужественный человек, — сказал профессор. — Великая сила жизни в тех, кто любит жизнь, кто её строит... Откуда он?

— Мы из Золоткова! — звонко сказал Павлик, забыв сдержанность не то от радости за Андрея Егоровича, не то от гордости, что вот какой у них в Золоткове садовод.

— А ты кто такой? — улыбаясь, спросил профессор.

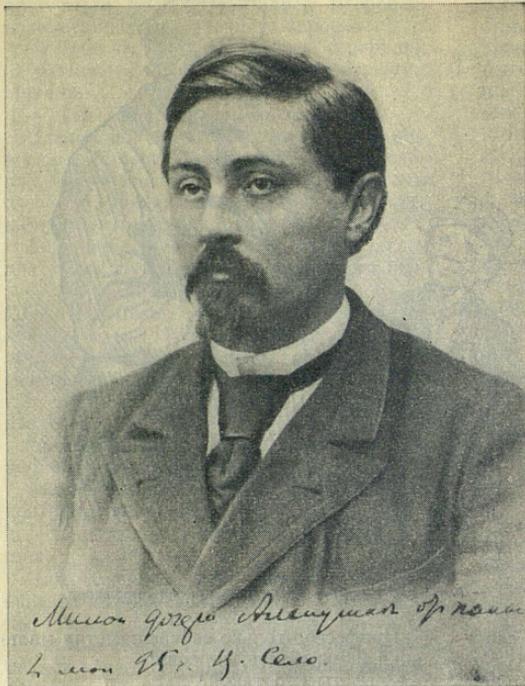
Профессор только сейчас заметил мальчика и, улыбаясь, спросил:

— А ты кто такой?

— Старший больной! — выпалил Павлик и тут же хотел объяснить удивлённому профессору, что это за должность, но в это время увидел, что Андрей Егорович открыл глаза.

Павлик бросился к садоводу. Как много он хотел ему сказать, и сказать всё сразу! И об успешной операции, и о себе, и о профессоре. А главное, конечно, об операции и что прошла она очень хорошо! Но сказать Павлик ничего не мог. Он только молча смотрел на своего друга и улыбался. Улыбался глазами, ртом, даже носом, который так сморщился, словно Павлику хотелось чихнуть. А Андрей Егорович, уже совсем придя в себя, посмотрел на сияющего Павлика, кивнул ему головой, как бы говоря, что чувствует себя совсем неплохо, и, поманив мальчика к себе слабым движением руки, проговорил тихо, как заговорщик, словно боясь, что услышит профессор:

— А я, Павлик, сейчас во сне наш золотковский сад видел. И у шалаша со всеми ребятами сидел...

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Сто лет тому назад, в 1852 году, родился Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, замечательный русский писатель.

Половину своей жизни Мамин прожил на Урале, он хорошо знал Сибирь и потому, начав печататься, избрал себе имя Д. Сибиряк. Мамин-Сибиряк горячо любил свой край, он изучил его историю, исходил его пешком, плавал по его рекам. В большинстве своих произведений писатель изображает Урал.

Его очерки, повести, романы и рассказы открыли читателям необыкновенное богатство уральской природы. Они показали заводской Урал в эпоху развития капитализма, когда производ и хищничество заводчиков не знали границ, а рабочие погибали от нужды и изнурительного труда.

Ленинская «Правда» писала о Мамине-Сибиряке как о «ярком, талантливом и сердечном писателе, под пером которого оживали страницы

прошлого Урала, целая эпоха шестивия капитала, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чём».

Особое место в творчестве Мамин-Сибиряка занимают его произведения для детей. Его рассказы и сказки открывают детям новый для них мир природы, рассказывают о жизни трудных людей, показывают правду жизни, учат добру и справедливости, воспитывают любовь к родной земле. «Емелю-охотника», «Зимовье на Студёной», «Серую шейку», «Алёнушкины сказки» знают и любят дети всех возрастов.

Мамин-Сибиряк очень любил детей, его глубоко волновала их участь, возмущала заброшенность детей бедноты и отчаянная нищета, окружавшая их.

Нужда и голод заставляли ребят идти на заводы, на фабрики, в мастерские. Детский труд не охранялся тогда законом, маленькие рабочие целиком зависели от мастера и хозяина. Работали дети наравне со взрослыми, а получали за свою работу гроши.

В своих произведениях Мамин-Сибиряк выступает в защиту рабочей детворы. Он показывает её тяжёлую жизнь, рисует ужасные картины безжалостной эксплуатации детей и тем самым обвиняет государственный строй, который обрекает их на нищету, болезнь и гибель.

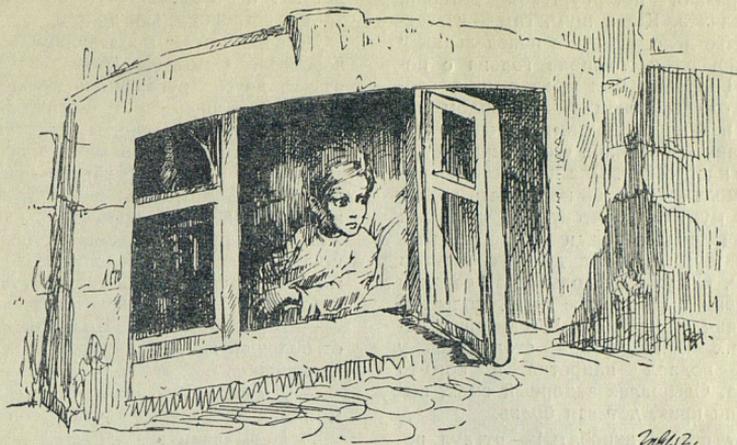
Изо дня в день вертит маленький герой рассказа «Вёртел» тяжёлый круг, отбачивающий драгоценные камни. «Другие дети веселились, играли и пользовались свободой, а он привязан к своему колесу». И мальчик погибает от этого каторжного труда.

Вечно недосыпает измученный непосильным трудом другой мальчик — герой рассказа «Кормилец». Однажды, не выдержав, он засыпает у паровика и погибает, обваренный струёй пара, вырвавшейся из неисправного клапана.

Мы печатаем здесь один из рассказов Мамин-Сибиряка о детях городской бедноты. Маленький герой этого рассказа, господин Скороходов, как и многие другие дети городских подвалов, никогда не видел ни леса, ни лугов, ни пашен. Сын умершего от чахотки наборщика, мальчик тоже тяжело болен. Страшная бедность сделала его болезнь неизлечимой. С необыкновенной теплотой рассказывает писатель о трагической судьбе этого обречённого на гибель ребёнка.

Д. Н. Мамин-Сибиряк умер в 1912 году. Его произведения и сейчас волнуют нас, волнуют за сердечность и любовь, с которой он писал для детей и о детях.

ГОСПОДИН СКОРОХОДОВ

Рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка

Рисунки Г. Филипповского

I

— Тихон Петрович, господин Скороходов, здравствуйте! — весело кричал каждое утро сапожник Гаврилыч, выставляясь в окно своего подвала, выходящее на двор.

— Здравствуй, Гаврилыч! — отвечал тоненький детский голосок.

— Как поживаете, господин Скороходов?

— Скверно, Гаврилыч...

— Ах, братец ты мой... Дело табак, Тихон Петрович.

— Да, не особенно красиво.

В детском голосе звучали какие-то особенные, недетски-серьёзные нотки, что придавало ему печальную оригинальность чего-то созревшего прежде времени и бессильного. Сапожник Гаврилыч каждый раз с каким-то изумлением прислушивался именно к этому удивительному голосу, задумчиво крутил стриженной солдатски головой и точно смущался, что вот он, Гаврилыч, такой здоровенный, сильный, могучий человек. Если бы было возможно, так, кажется, взял бы да и отдал половину здоровья Тихону Петро-

вичу с его девичьим голосом, или бы сказал за него, как здоровому человеку хочется откашляться за больного.

У сапожника было такое красное, точно выдубленное лицо. Тут казалось все — и солдатский загар, и слабость к рюмочке, и главное — неиспорченная деревенская кровь. В свои пятьдесят лет Гаврилыч выглядел молодцом. Он никогда ещё не хворал и удивлялся, как это другие могут хворать. Больше — у Гаврилыча являлось брезгливое отвращение ко всем больным или просто к людям, которые могут захворать. Исключение представлял один Тихон Петрович, бледное, бескровное личико которого казалось сапожнику таким близким, родным, точно оно притягивало его к себе.

— Велико ли ещё место, всего-то семь годков, — рассуждал вслух Гаврилыч, — это было его слабостью, а может быть, и принадлежностью мастерства. — Ещё дитё, андельская душенька Тихон-то Петрович, а господь ему всё открыл... Да. Большого почит... Эх, кабы господину Скороходову ножки да здоровышка — вот какой бы человек вышел!

Знакомство сапожника с г. Скороходовым состоялось только в прошлом году, вот так же о весне. Двор только очистили от снега, и на него выползла из своих углов разная петербургская детвора, точно галчата. Крик, шум, гам — известно, ребячье дело. Как-то в понедельник у сапожника очень трещала голова с похмелья. Гаврилыч был мрачен и с особенным ожесточением тыкал шилом какую-то невинную подмётку, точно она была главной причиной его скверного душевного настроения. Два подмастерья работали молча, стараясь не глядеть на хозяйскую муку-мученическую. С похмелья Гаврилыч делался зол, и теперь его раздражал шум и гвалт детских голосов на дворе. Он уже несколько раз сердито поглядывал в раскрытое окно, подыскивая случай придрататься. И случай представился... Вся детвора столпилась у окна в подвал напротив и кого-то дразнила. Слышался задорный смех, вызывающий крик, детская брань.

— Вот я вас, акробаты! — ругнул ребяташек Гаврилыч, высовываясь в окно.

Но никто не обратил на его окрик ни малейшего внимания, что окончательно взорвало Гаврилыча, особенно, когда послышался тихий детский плач.

— Обезьяна!.. обезьяна!.. — выкрикивали детские голоса.

Гаврилыч не стерпел и вылетел на двор, чтобы обследовать дело. Он увидел следующую картину: у открытого окна подвала сидел в подушках худенький бледный мальчик и плакал.

— Что вам нужно от меня? — говорил он, обращаясь к детям. — Ведь я вам не мешаю, и вы мне не мешайте...

— Обезьяна... обезьяна...

— Я вас, наконец, прошу, господа, оставьте меня в покое. Это просто невежливо. Вы играйте, а я буду смотреть на вас... Я и сам с удовольствием поиграю бы с вами, но, к сожалению, не могу.

Дети с детской жестокостью дразнили больного ребёнка и не хотели оставлять его.

— Господа, вы мне мешаете читать, — продолжал тоненький детский голосок уже со слезами. — Ведь это моё единственное удовольствие... Вы здоровы, можете бегать, кричать, а я должен сидеть на одном месте.

— Обезьяна!..

— Эй, вы, акробаты, брысь! — крикнул Гаврилыч так, что больной мальчик в окне вздрогнул и даже закрыл глаза от страха. — Вот я вас... Ежели кто подойдёт вот к этому окошку, так я пропишу такую встрёпку... Слышали?

Детвора мигом рассыпалась, как стая воробьёв. Самые храбрые показывали языки, другие ругались недетскими словами. Увлёкшись своим подвигом, Гаврилыч бросился с поднятыми кулаками, и маленький неприятель исчез враспынутом.

Большой мальчик с удивлением и удовольствием смотрел на своего заступника, и ему всё в нём понравилось, начиная с жилистых рук и кончая загорелым лицом. Когда сапожник подошёл к окну, мальчик протянул свою исхудалую, почти прозрачную руку и серьёзно проговорил:

— Благодарю вас... Вы меня избавили от большой неприятности. Ведь я никому не мешаю...

— Да вы только скажите мне, барин... Я их распатрону в лучшем виде.

— Нет, зачем же обижать детей. Они по-своему правы... Я не сержусь. Меня зовут Тихоном Петровичем, фамилия Скороходов. Точно в насмешку такая фамилия, потому что, как видите, я совсем не могу ходить, а должен сидеть. А вас как зовут?

— Сапожник Гаврилыч... Меня тут все знают, потому как я живу в этом доме четвёртый год. А вы, г. Скороходов, видно, недавно ещё переехали к нам?

— Перед пасхой, когда мой папа умер. Он служил в типографии и умер от чахотки. Я живу с мамой. Ей, бедной, трудно достаётся. Она тоже служит и приходит домой только вечером, когда я ложусь спать. Знаете, больные люди должны вести правильный образ жизни.

Так и состоялось это оригинальное знакомство. Гаврилыч присел к окну, набил солдатскую трубочку-носогрейку и закурил. Его поразил необыкновенный мальчик, говоривший тоном большого человека.

Новые знакомые довольно бесцеремонно оглядели друг друга с ног до головы, а потом мальчик заметил:

— Отчего от вас пахнет водкой, Гаврилыч?

Сапожник сконфузился. Его трубка захрипела, точно он хотел высосать из неё своё оправдание.

— Видите ли, г. Скороходов, такое уж

наше положение, значит, сапожничечное... Сидишь-сидишь неделю-то, в том роде как идол какой, ну, а в субботу грешным делом и разрешишь. Кроме всего этого, я человек неженатый, ну, стало быть, такая пелпорция... У всякого своя пелпорция.

— Нехорошо,— наставительно ответил мальчик и посмотрел на Гаврилыча такими печальными глазами.— Я говорю: нехорошо.

— Уж что тут хорошего, г. Скороходов... Самая эта вредная вещь водка, ежели разобрать. А что в башке делается с похмеля. Себя бы самого растерзал, кажется.

— Для чего же тогда вы пьёте?

Гаврилыч ничего не мог ответить, а только развёл руками. Пелпорция такая... сапожничечное положение...

Таким образом завязалось знакомство. Каждое утро отворялось окно в подвале, и в нём показывалось бледное личико г. Скороходова. Сапожнику очень нравился больной ребёнок, и он раз вечером забрался в квартиру. Мать г. Скороходова была дома. Она очень походила на сына, только казалась серее, точно её покрыла пыль сточичной мостовой. По бедному платью, плохой дешёвой обуви и всей обстановке бедной квартиры сапожник сразу определил бедственное положение. Да, не красно жилось вдове.

— Не будет ли чего насчёт починки? — объяснил Гаврилыч.— Я тут на дворе живу, значит, сапожник... Вы не смлевайтесь: деньги могу подождать, потому как из-за дела подмахну заплатку. Вот мальчику, может, что понадобится...

— Ах, это вы и есть...— обрадовалась вдова.— Мне Тиша говорил про вас. Очень вам благодарна...

— Помилуйте, сударыня. Пустяковое дело... Известно, ребята пристали. Ну, я их пугнул малым делом... Озорники, одним словом. А ежели что касаемо починки, так уж вы только скажите...

— Зайдите ко мне, Гаврилыч,— послышался из следующей комнаты тоненький детский голосок.— Я буду рад вас видеть...

Сапожник высморкался, обдёрнул свой рваный «спинджак» и осторожно прошёл в следующую комнату, где в старом клеёнчатом кресле лежал больной ребёнок. Теперь он показался Гаврилычу совсем маленьким, точно цыплёнок. Голов-

ка маленькая, шея тонкая, а личико как у большого — умное такое личико, и глазёнки совсем не по-детски смотрят. Особенно хорошо Тихон Петрович улыбался — тоже умненько так, как улыбаются хорошо сохранившиеся старички. Детское тельце совсем было скрыто под старым пледом. Это двойное впечатление ребёнка и большого человека ставило Гаврилыча в тупик, и он не знал, как ему говорить с мудрёным мальчонкой.

— Садитесь...— предлагал маленький хозяин.— Мама, ты, может быть, нам дашь чаю? Впрочем, сахару осталось всего два куска...

— Нет, не нужно чаю,— отказался politely Гаврилыч.— Я так, на минутку завернул... Насчёт работы. Вот господину Скорохову можем новые сапожки оборудовать...

Ребёнок печально улыбнулся: он не нуждался в сапогах, потому что не мог ходить.

«Эх, невпазд слово вырвалось,— подумал Гаврилыч, почёсывая свой красный затылок.— Большим себя дураком оказал».

Сапожник посидел недолго. Он боялся помешать да и вообще как-то конфузился, точно самой фигурой производил обидный диссонанс в этой маленькой подвальной квартирке.

— Заходите, когда будете свободны,— приглашал мальчик.— Я-то постоянно свободен и буду рад вас видеть... Целый день сижу один. Только вот квартира у нас сырая, а у меня по вечерам бывает лихорадка...

Когда сапожник ушёл, ребёнок задувался. Он внимательно следил за матерью своими печальными глазами и, наконец, проговорил:

— А он славный, мама, этот сапожник. Ты заметила, какие у него сильные руки и какой он весь большой? Дышит так, что на улице слышно... Ах, мама, как бы я желал быть таким же здоровяком!.. Ведь это, должно быть, очень хорошо, когда ничего не болит... и когда можешь работать. Я тебе мог бы помогать тогда, а теперь тебе так трудно с больным ребёнком. Ведь я всё понимаю, мама, и часто думаю, что мне лучше умереть.

— Перестань, Тиша. Глупости... Куда же я без тебя?..

— Нет, мама, нужно смотреть серьёзно на вещи. Ведь я тебя только стесняю,

а пользы от меня никакой. Это обидно... Конечно, тебе будет очень жаль, когда я умру; но ведь весь я не умру: душа останется... Я всегда буду с тобой, только тогда не нужно будет ухаживать за мной. Ты, пожалуйста, не огорчайся... Ведь всё равно когда-нибудь нужно будет умирать. И ты умрёшь, и даже этот сапожник... Ах, какой он здоровый, мама! Мне точно лучше сделалось, когда он вошёл ко мне в комнату... Здоровые люди должны быть добрее, потому что их ничто не должно раздражать.

Подобные разговоры часто велись в маленькой квартире, и мать Тиши уходила в другую комнату, чтобы скрыть слёзы. Это было одно из тех страшных несчастий, для которых нет слов...

Болезнь Тиши развивалась медленно, но с той последовательностью, какую имеют только болезни. Ребёнок родился здоровым, почти крепышом, и таким оставался до трёх лет, а потом вдруг начал хиреть. Причин болезни было много: сырые квартиры, плохое питание, нездоровый воздух,—одним словом, всё то, что даёт столица бедному люду. Маленькое детское тельце подавало в отставку, а живой оставалась одна голова. Мысль работала упорно и неутомимо, сосредоточив в себе все силы. В пять лет Тиша уже свободно читал. Его лучшими друзьями сделались книги. Ребёнок их глотал с жадностью и особенно любил путешествия. Фантазия работала с поразительной яркостью.

— Когда я читаю путешествия, то чувствую себя здоровым и сильным человеком, а это такое счастье...— объяснял ребёнок.— Вот тоже во сне, мама, я всегда вижу себя здоровым и тоже счастливым.

В маленькой детской головке ярко цвели пёстрые картины тропической природы, где царит вечная весна, бушевал океан, быстро неслись громадные реки, величественно поднимались неприступные горы со снеговыми вершинами, расстилались цветущие степи и покрытая снегом тундра, таинственно шумели вековые леса, пели птицы и ласково улыбались цветы. Ах, сколько было цветов... Это были золотые сны, те счастливые грёзы, от которых не хочется проснуться. Мальчика угнетало только одно, именно, что ему не с кем было поделиться всеми этими богатствами, а мама от усталости даже не могла его слушать.

Странные бывают психические сближения, как это было и в данном случае. Сапожник Гаврилыч сделался дорогим гостем в квартире Скороходовых. Большой мальчик каждый раз оживлялся, когда в его комнате неуклюже помещалась массивная фигура отставного солдата, насквозь пропитанная смешанным запахом кожи и махорки. Сначала сапожник очень смущался, а потом привык. Чтобы не портить воздуха своим куревом, он уходил с трубочкой в сени или смешно присаживался на корточках к топившейся печке. Мальчик любовно смотрел своими умными глазами на эту большую фигуру и делался как-то спокойнее, когда сапожник сидел около него. Ведь он был такой сильный и здоровый. Часто ребёнок трогательно просил его:

— Гаврилыч, вы посидите около меня, пока я засну...

— В лучшем виде посижу, господин Скороходов.

Сапожник Гаврилыч сделался дорогим гостем в квартире Скороходовых.

— Вы держите мою руку, Гаврилыч... Вот так. Только, пожалуйста, не дышите на меня...

И Гаврилыч сидел, не смея шевельнуться, как самая заботливая нянька. Правда, что это было не легко, но что поделаешь с г. Скороходовым. Маленькая прозрачная ручка сначала крепко держала жилистую руку Гаврилыча, а потом распускалась — такая маленькая, совсем ребячья рука. Большой спал в своём кресле всегда в одной позе, немного склонив голову на один бок. Гаврилыч терпеливо выжидал, когда послышится ровное дыханье заснувшего, и удалялся таким осторожным шагом, точно шёл с огнём в пороховом погребе. Он даже захватывал свой рот ладонью и свободно переводил дух только в сенах.

Это удивительное сближение произошло, главным образом, на духовной почве. Гаврилыча поражал необыкновенный

ум ребёнка. Кажется, всё-то на свете он знал и так удивительно хорошо умел рассказывать обо всём. Слушая своего маленького друга, Гаврилыч чувствовал себя ужасно глупым и совершенно тёмным человеком. Ничего-то, ничего он не знал, а вот мальчонка так всё произошёл. И насчёт звёзд, и насчёт разных стран, и насчёт городов иноземных, и про войны, и про всяких полководцев. А то ещё стишки прочитает — всё больше жалобные стишки. И про святых угодников тоже отлично понимал. Гаврилыч с всё возрастающим удивлением слушал маленького оракула и только встряхивал головой, как взнуданная лошадь.

— Так в тёмноте и кончима, Тихон Петрович, — говорил он уныло, подавленный своим незнанием. — Прямо сказать: все мы от пня народ... Вот и службу прошёл, оболванивали тоже, а как ничего не знал, так и остался. Живём, как во сне...

Мальчику нравилась та непосредственность, с которой Гаврилыч относился ко всему. Он так хорошо умел слушать и так увлекался всем.

— Вот так штука, братец ты мой, г. Скороходов. Дерево в семьдесят сажень высоты? Ловко... Это повыше адмиралтейского шпица. А вот что я скажу вам, г. Скороходов: и деревья разные, и горы, и моря-окияны, а люди-то везде одинаковые... Так, чуть-чуть разность маленькая... И все должны работать, и забота у всех одинаковая, и семьяшка такая же, и детишки.

Был один пункт, в котором Гаврилыч оказывался неизмеримо сильнее маленького мудреца. Именно, г. Скороходов видел только один Петербург, а об остальном знал только из книжек. Другое дело Гаврилыч — он много видел, начиная со своей деревни. Когда заходила речь о последней, роли сразу менялись, и г. Скороходов превращался в самого обыкновенного ребёнка, предлагавшего иногда вопросы, наивные до смешного. Здесь наступала очередь Гаврилыча удивляться, что есть такие люди, которые не понимают самых простых вещей, как пашня, лес и т. д. Сапожник даже сердился на г. Скороходова. Как этого-то не понять? Конечно, обидно...

— А в деревне нет мостовых? — спрашивает, например, г. Скороходов.

— Какие там мостовые... Одно слово,

Мальчик любовно смотрел своими умными глазами на эту большую фигуру...

деревня. Тут тебе пашня, тут река, тут лес. Значит, как есть деревня настоящая, значит, вполне... грязь...

— Вот вы говорите, Гаврилыч, лес... Кто же его сажал?

— А никто... Сам лес растёт, так уж это назначено от господа... Где быть лесу, там он и растёт.

Недоразумения происходили, главным образом, потому, что ребёнок никогда не был за чертой Петербурга, и живое представление о природе у него сложилось из того, что он только видел. А видел он мостовые, пятиэтажные дома, дворы колодцами, чахлае петербургские скверы, гранитные берега Невы. Тут бессильны были все книги, и Гаврилыч, в свою очередь, должен был объяснять многое такое, что для деревенского жителя понятно само собой.

— Главное дело в деревне — пашня, — объяснял он с какой-то особенной торжественностью. — Всё от пашни... Без пашни, брат, шабаш. Вот и мы с тобой чужой хлеб едим... А он дорого стоит настоящей мужику. Это, брат, штука!..

— Один раз посеять хлеб, он и будет расти.

— А вот и не будет. Ты его посеял, снял, а на следующий год та же музыка сначала. Да ещё может случиться засуха или неастье... В деревне-то с молитвой живут, не то что в городе. Здесь мне что — плевать. Вёдро, так вёдро, неастье, так неастье, а в деревне-то... Да что тут говорить!..

— Лучше в деревне?

— Какое же сравнение: конечно, лучше. Возьмите хоть меня, г. Скороходов: какой я есть человек, ежели разобрать? Ведь денег я зарабатываю уйму, ежели это по-деревенски считать, а где они у меня, деньги-то?... То-то вот и есть... Весь тут, дома ничего не осталось. А в деревне у меня бы и своя избёнка была, и лошадёнка, и коровёнка, и всякое обзаведенье... Ну, как следует настоящему мужику быть. А здесь что: тыфу!.. Разве это жить?.. Вот придёт суббота, и натрескаюсь, как свинья. А отчего?.. Такая плепорция городская... И в деревне пьют, только с умом: на праздниках, на свадьбах, а не так, чтобы дурум. Вот и вы, г. Скороходов, ежели бы родились в деревне, разве такой бы были?.. В деревне народ здоровый, потому как вольный воздух первое дело.

— Отчего же вы не уедете в деревню, Гаврилыч?

— Я-то? А немозжко, значит, угорел... Привык к городскому лёгкому хлебу. Ослабел...

Заговорив о деревне, сапожник весь изменялся. Он делался совсем другим человеком. Даже голос не тот. Мальчик смотрел на него с удивлением и никак не мог понять причины такой перемены. В действительности Гаврилыч идеализировал деревню и деревенскую жизнь, но тем не менее чувствовалось, что она захватывала его всего, несмотря ни на какую городскую «плепорцию». Эти разговоры очень нравились мальчику, и у него складывалось самое фантастическое представление о той России, которая начиналась сейчас за Петербургом. И он, петербургский выродок, никогда не увидит этой настоящей русской деревни, настоящего леса, желтеющих нив и всего того, чем живут десятки миллионов настоящих русских людей. Петербург ему представлялся громадной тюрьмой, где люди не живут, а мучатся, и больше всех он, Тихон Петрович Скороходов, такой маленький, такой бессильный и такой жалкий, как те чахлае дерева, которые растут в петербургских скверах. Ах, если бы можно было взглянуть хоть одним глазком, как живут там, не в Петербурге, — взглянуть и умереть! Там и за квартиру не нужно платить; там и подвалов нет, и дворов колодцами, и болезней... Вот отчего Гаврилыч такой здоровый и вот отчего он делается совсем другим человеком, когда начинает говорить о деревне.

Прошла гнилая петербургская весна, и наступило лето. Каменные дома днём накалялись от солнца, воздух был пропитан едкой кислой пылью, нечем было дышать. Г. Скороходов мучился теперь от того, что нечем было дышать, как весной страдал от подвальной сырости. Раз, накануне воскресенья, Гаврилыч сказал:

— Вот что, Тихон Петрович, мы завтра с вами разгулку устроим. До Юсупова-то саду от нас рукой подать... У меня есть знакомая барыня, а у барыни стоит детская колясочка.

— Да ведь вам будет скучно со мной, Гаврилыч... В трактире веселее.

— И трактир от нас не уйдёт, а в Юсупов сад всё-таки съездим.

Это было целым событием в жизни г. Скороходова. Сборов было столько, точно снаряжалась экспедиция, по меньшей мере, к северному полюсу. Как волновался ребёнок за этот роковой день! Какая-то будет погода? Не раздумал бы Гаврилыч? Не закапризничала бы барыня с коляской? Мать Тиши волновалась ещё сильнее, хотя и старалась не выдавать себя.

— Какой добрый этот Гаврилыч! — повторяла она.

— Ты его, мама, ещё не знаешь!..

Ночь прошла почти без сна. Г. Скороходов ужасно волновался. В нём проснулся тот живой ребёнок, которого не могла похоронить никакая петербургская пыль. В шесть часов утра он уже проснулся и наблюдал по противоположной стене двора, какая будет погода. К ним в подвал солнце никогда не заглядывало, и метеорологические наблюдения ребёнка производил по противоположной стене: стена освещена, значит, есть солнце.

Гаврилыч заканчивал какую-то спешную работу и явился только часам к одиннадцати. Он даже умылся, приделался и выглядел франтом. Но главный восторг был в колясочке. Правда, она была немного мала, но с этим приходилось мириться. Больной был уложен в колясочку, и Гаврилыч торжественно повёз её. День был праздничный. На тротуарах происходила настоящая давка, и только благодаря силе и ловкости Гаврилыча колясочка благополучно добралась до Юсупова сада.

— Вот мы как!.. — хвастался Гаврилыч, когда коляска покатила по усыпанной песком дорожке.

Но г. Скороходов был разочарован. Все деревья стояли серые от пыли и, главное, тот же кислый воздух. Вдобавок, все уголки были усыпаны детворой, а г. Скороходов не выносил шума. Господи, сколько тут было детей, этих несчастных петербургских детей!.. Бледные, худенькие, с тонкими ручками и ножками, они напоминали те бледные цветы, которые вырастают в подвалах без солнца. Правда, они играли, бегали, кричали, дрались, как и следует детям, но это было не настоящее детское веселье. Г. Скороходов, лежа в своей колясочке, с какой-то тоской наблюдал их своими не детские умными глазами, и ему делалось ужасно скучно. Всё это было не то, чего

ему хотелось, точно самый воздух был здесь насыщен какой-то фальшью, а «скверные» деревья только притворялись зелёными. Да, не то... А эта петербургская детвора, набравшаяся сюда из своих подвалов и чердаков, что могло быть печальнее?.. На детских личиках уже сквозила недетская тревога, а в глазах светилось то раздражение, которое не оставляет настоящего петербуржца даже летом. Больной мальчик наблюдал детей с таким видом, точно он сам был вот этими самыми детьми, принимая сотни всевозможных превращений. О! Он так всё отлично понимал!..

— Ах, ты, братец ты мой, г. Скороходов,— ворчал Гаврилыч, огорчённый неудавшейся поездкой.— Пыль одна, а не сад. Так, название...

Так прошло всё лето, тяжёлое и мучительное. Даже Гаврилыч затосковал, бросил работу и кутил недели две. Он явился к Тихону Петровичу таким виноватым и никак не мог взглянуть прямо в глаза ребёнку.

— Нехорошо, Гаврилыч...

— Ах, как нехорошо, Тихон Петрович... Уж скорее бы осень. По крайности, сидишь у себя в норе и никуда тебя не тянет.

Осень не заставила себя долго ждать. Пошли дожди, потом ударил первый морозец — всё шло своим порядком. В конце сентября выдалось несколько таких крепких и хороших осенних деньков. Именно в один из таких дней Гаврилыч пришёл к г. Скороходову и заявил без всяких предисловий:

— Ну, и дурак же я, Тихон Петрович... ах, какой дурак!..

— Что случилось?

— А тогда-то, ну, когда мы в Юсупов сад путешествовали... Ну, конечно, дурак! Нужно было не в Юсупов сад везти, а за город. Что мне стоило в колясочке-то вас скатать хоть в то же Парголово... И настоящий лес посмотрели бы, и пашню, и травку зелёную. Положим, не настоящая деревня, а нашибает.

Г. Скороходов молчал. Такое путешествие было его заветной мечтой, но он боялся даже думать о нём, как о чём-то недостижимом и несбыточном.

— Не буду я, ежели будущим летом не свожу вас за город, г. Скороходов,— решил Гаврилыч, чтобы хоть чем-нибудь

А колясочка катилась да катилась... Дома делались всё ниже...

утешить пригорюнившегося ребёнка. — Ей богу, так... Только бы зиму пережить.

Ждать целый год... Это был такой ужасный срок, особенно, когда приходится жить в сыром подвале. Но уже самая мысль подкрепляла г. Скороходова, и ребёнок любил разговаривать на эту тему. Маршрут был выработан во всех подробностях, с точностью военной диспозиции. Гаврилыч сто раз рассказал весь путь, и мальчик запомнил его от начала до конца.

— Ах, только бы нам зиму смотать! — повторял сапожник. — Как это мне раньше-то в башку не пришло... а?..

Много было разговоров в длинные зимние вечера на эту тему, и мальчик каждый раз оживлялся. Он считал, сколько осталось дней до этого события, и чувствовал, как одна мысль о нём живёт и подкрепляет его.

— Мама, я тогда умру спокойно, — повторял ребёнок с каким-то особенным чувством. — Ведь мне так немного нужно... Только один раз взглянуть...

А время ползло ужасно медленно. Гаврилыч приходил к г. Скороходову почти каждый вечер и при его помощи переплывал море-окиян, путешествовал в тропических лесах, сгорал от жажды в Сахаре, замерзал в полярных льдах при освещении северным сиянием, спускался в глубины земных недр, поднимался на

воздушном шаре, сражался при Фермопилах, защищал свободную Грецию от персидских полчищ, открывал Америку вместе с Колумбом, изобретал паровую машину и даже заглядывал в то далёкое будущее, когда пароходы, железные дороги и телеграфы покажутся жалкими игрушками. Слабая детская рука вела этого большого и сильного человека от одного чуда к другому, из одной страны в другую, и Гаврилыч чувствовал только одно, что самое главное чудо вот этот большой ребёнок с его девичьим голосом и печальными глазами. Старый солдат привязался к нему всей душой и был счастлив, когда бледное детское личико озарялось улыбкой.

III

Мы ничего не сказали о матери Тиши. Её звали Настасьей Антоновной. Родилась и выросла она в Петербурге и кроме Петербурга ничего не знала. Образование получила домашнее, другими словами — никакого. После отца осталась двенадцатилетней девочкой и скоро познакомилась с нуждой. Мать была больная женщина и едва существовала крошечной пенсией. Маленькой Насте пришлось поступить в магазин швей. Шестнадцати лет она познакомилась с молодым типографским наборщиком и скоро вышла за него замуж. Он был приезжий из да-

лёкой провинции и мечтал со временем завести своё дело. Но вышло иначе. Петербургский климат и непосильная работа надломли его силы. Ребёнку было пять лет, когда чахотка свалила с ног отца. Прислушиваясь к разговорам Тиши и сапожника, Настасья Антоновна живо припоминала мужа: больной, он тоже мучился тоской о своей далёкой провинции, мечтал о ней и умер с мыслью о ней. Ребёнок шёл по отцовской дороге, и мать чувствовала, что он скоро умрёт. Да и примета такая есть: если больной начнёт собираться в дорогу — дело скверно. А какой рос мальчик — понятливый, умный, совсем особенный. Ещё при отце выучился читать и целые дни проводил за книгами.

— Не жилец он у вас, сударыня, — говорил не раз Гаврилыч, качая головой.

— Что же я поделаю? И что вытянула вся...

— Божья воля... да.

Последнюю зиму Настасья Антоновна сама прихварывала и уставала от работы. Придёт домой и рада месту, а тут то нужно, другое, третье, и везде приходится самой. Хоть и маленькое, а всё-таки хозяйство. Да ещё шитьё разное да починка. От нужды и заботы бедная женщина начинала тупеть, и её охватывало то тупое отчаяние и равнодушие, которому нет исхода. Иногда она думала, что уж лучше Тише умереть, чем так мучиться. Положим, что он никогда и ни на что не жаловался, но она чувствовала его страдания. Сапожник Гаврилыч являлся счастливой находкой, и она не знала, как его благодарить за участие к больному ребёнку. Раз она даже попробовала это сделать, но Гаврилыч только сконфузился.

— Что вы, что вы, сударыня... Да ведь я хожу-то к вам для себя. Очень уж любопытно... Даже и рассказать не умею, как любопытно. Совсем особенный у вас Тихон Петрович... Господь умудряет младенцев.

Настасья Антоновна расплакалась. Гаврилыч нахмурился. Не любил он этих бабьих слёз. Плачет, а того не подумает, что все под богом ходим — сегодня живы, а завтра и поминай, как звали.

— А за город я его свожу, как только земля оттеплет, — бормотал сапожник, точно оправдываясь. — Уж вы не сумлевайтесь, Настасья Антоновна. Надо потешить младенчика.

Ласковые слова у Гаврилыча выходили как-то особенно хорошо, и сам он точно светлел от них.

Поддаваясь течению событий, Настасья Антоновна и сама увлеклась идеей путешествия Тиши за город. Какие это смешные пустяки для других, а для них троих в этих пустяках было всё, интерес целой зимы, интерес будущего. Если бы отнять эту мысль о поездке, все трое почувствовали бы себя ужасно несчастными. В жизни большое и маленькое меряется личным настроением. Так было и тут, в подвальной квартире, где сошлись такие противоположные люди, как больной ребёнок и отставной солдат. Ах, скорее бы наступило лето... Это было самое томительное ожидание, сопровождавшееся иллюзиями и фантазиями, вроде того, что ведь может быть лето и в апреле месяце — стоит только теплу ударить, и зиме капут.

Роковой момент приблизился почти неожиданно. Это было в середине мая. С вечера выпал такой тёплый весенний дождичек. Ранним утром Гаврилыч сбежал в Юсупов сад и принёс радостное известие, что деревья уже распустились и высыпала зелёная трава.

— Только в скверных местах зелень-то раньше показывается, г. Скороходов, — объяснял сапожник. — Потому камень кругом, солнышком-то и угреет. Надо обождать денёка три... Пока что, а пусть там все распустится.

Ещё три дня самого томительного ожидания... Накануне поездки у Гаврилыча явился неожиданный план.

— Не махнуть ли нам, г. Скороходов, по Финляндской железной дороге? До вокзалу в колясочке доедем, а там колясочку в багаж, сами в вагон...

— Нет, Гаврилыч... — заупрямился господин Скороходов.

Ребёнок слишком сжился с первым маршрутом, который знал наизусть: по Парголовскому шоссе, мимо Лесного, мимо Поклонной горы, Озерков — нет, так лучше. Да и на вокзале будет много людей, а тут совсем одни.

Рано утром восемнадцатого мая голова Гаврилыча высунулась из окна. Светило яркое солнце, значит, отлично.

— Тихон Петрович, господин Скороходов, вы встали?

— Здесь, Гаврилыч... — ответил тоненький голосок.

Колясочка была готова ещё две недели тому назад. Необходимая провизия лежала завязанная в газетную бумагу. Гаврилыч не забыл сунуть сапожный нож за голенище. Одним словом, путешествие форменное.

— Ну, с богом,— говорила Настасья Антоновна, провожая путешественников за ворота.— Гаврилыч, вы смотрите, осторожнее... Где-нибудь ещё под конку попадёте...

— Не сумлевайтесь, сударыня...

Мальчик показался матери таким бледным сегодня, точно восковой. Она слышала, как он сегодня всю ночь надрылся от кашля. Да и лихорадка всю весну мучит... А колясочка катилась по тротуару. Вот она уже на углу. Гаврилыч остановился, оглянулся и сделал Настасье Антоновне под козырёк. В последний раз мелькнуло бледное детское личико, и Настасья Антоновна вернулась в свою нору, вытирая непрошенную слезу.

— Господин Скороходов, вот мы и поехали...

— Да...

Мальчик задумчиво смотрел на закипавшие жизнью центральные улицы. В воздухе ещё чувствовалась свежесть. Отворились магазины; бежали кухарки с корзинками и кульками; дворники мели мостовую, поднимая облако пыли. Начался тревожный столичный день. Ах, как всё это надоело — и эта вечная суета, и треск экипажей, и вечная пыль!

А колясочка катилась да катилась. Вот и новый Александровский мост, и клиника, и паровая конка. Дома делались всё ниже. Начинался фабричный квартал. Гаврилыч попутно делал некоторые объяснения.

— Только бы нам до Московских казарм выбраться, а там мостовой шабаш, господин Скороходов. Солдатские огороды начнутся...

Доехали и до казарм, и колясочка мягко покатила по утрамбованному шоссе. Ребёнок с особенным вниманием смотрел кругом, ожидая какого-то чуда. Вот там лес...

— Гаврилыч, ведь это настоящий лес?..

— Нет, ещё не настоящий... Так, дачи. А эвон на горке Лесное, значит, парк: шапка-шапкой.

Навстречу попадались чухонцы в своих таратайках, ломовые, возвращавшиеся

с дач порожняком, извозчики. Пронеслась мимо «паровушка».

У подъёма к Лесному Гаврилыч сделал первый привал, поставил колясочку в тени дачного сада. Везде уже зеленела трава, деревья распустились. Сапожник с особенным удовольствием раскрутил свою трубочку.

— Хорошо, господин Скороходов?

— Отлично... А лес скоро?

— Скоро, скоро... Вот только проедем Лесное, сейчас можно свернуть влево, к Коломягам — и там лес, а то можно вправо ударить, по Старо-Парголовскому шоссе — тоже лес.

— Нет, я хочу на Поклонную гору...

Ребёнка огорчало то, что город всё ещё не кончался, — все эти дачи были только его продолжением. Конечно, это не Юсупов сад, а всё-таки настоящего ещё нет.

— Ну, трогай! — покрякивал Гаврилыч, вкатывая колясочку на пригорок, где стоит церковь и конка делает поворот с шоссе вправо.

Мимо потянулись бесконечные дачи. Должно быть, хорошо здесь жить. Воздух совсем другой, и столько зелени. В одном месте Гаврилыч сделал неожиданную остановку. Как проедешь мимо постоянного двора «Распутье»? Он быстро юркнул к буфету, хватил стаканчик и вернулся обратно, на ходу прожёвывая какую-то корочку.

— Зарядил малым делом, господин Скороходов.

Было уже около десяти часов утра, когда колясочка подъехала к Поклонной горе. Г. Скороходов был в восторге. Господи, как здесь хорошо... И сосновый бор, и какая даль там, внизу, и какое высокое небо здесь. У мальчика начинала кружиться голова, и перед глазами точно летали мухи, но он крепился и ничего не говорил Гаврилычу. Свежий воздух его пьянил. Хотелось ехать вперёд без конца...

— Хорошо, господин Скороходов?

— Ах, как хорошо...

Здесь дач было уже меньше. Встречные попадались редко, так что Гаврилыч даже затянул какую-то необыкновенную солдатскую песню:

...Мы Рассеюшку наскрозь пройдем,

Да граф Па... граф Паскевича в полон возьмём!..

Скоро показался и тот лесок, о котором говорил целую зиму Гаврилыч. Был тут и дуг, и какой-то безымянный ручеек,

Гаврилыч разостлал по траве плед и подушки и перенёс г. Скороходова на новое место, а сам принялся разводить огонь.

и целый островок из сосен и берёз. Колясочка свернула с шоссе и скрылась в лесу. Как мягко катились колёса по этой зелёной траве, как ласково шептались только что распутившиеся зелёные листочки, как весело выглядывали из травы первые весенние цветочки!..

— Стоп машина! — скомандовал Гаврилыч, останавливаясь на опушке леса, с той стороны, с которой не видно было шоссе. — С благополучным прибытием, господин Скороходов.

Г. Скороходов что-то хотел ответить, но только раскашлялся. Бледное личико покраснело от натуги, потом посинело.

— Это от пыли... — объяснял Гаврилыч, тоже кашляя, точно хотел откашляться за своего маленького друга. — А мы сейчас огонёк разложим, чайничек согреем... Хотите на травку, господин Скороходов?

Мальчик ничего не ответил, а только смотрел на Гаврилыча своими печальными глазами. Он не мог говорить от охватившего его волнения. Гаврилыч устроил сам всё, что было необходимо. Разостлал по траве плед и подушки и перенёс

г. Скороходова на новое место, а сам сейчас же принялся разводить огонь. Мальчик лежал и смотрел в голубое высокое небо, на тихо шумевшие вершины сосен, на плывшие по небу белоснежные облака — смотрел и чувствовал, что с ним делается что-то необыкновенное. Его точно уносила какая-то сила... Не было ни боли, ни усталости, ни той тяжести, которая давит его маленькое сердце. Глаза закрывались сами собой.

«Намаялся дорогой-то, пусть соснёт», — думал Гаврилыч, сидя на корточках около огонька.

Ребёнок заснул, заснул с таким счастливым выражением на лице, как засыпают только дети.

Чайник закипал уже три раза. Прошло больше часа, а ребёнок продолжал лежать с закрытыми глазами.

— Тихон Петрович, господин Скороходов... — тихонько будил его Гаврилыч. — Будемте чаевать...

Ответа не последовало.

Г. Скороходов заснул, чтобы больше не просыпаться...

1893 г.

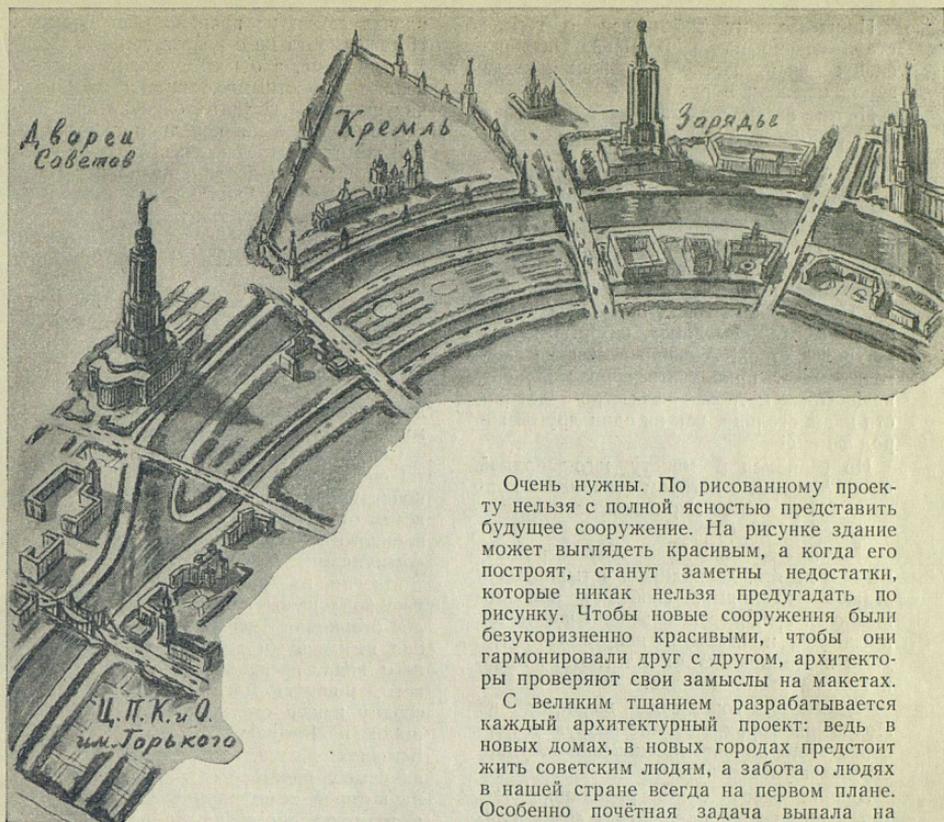
Москва будущего

Г. Остроумов

Побывать в гостях у архитекторов — всё равно, что увидеть завтрашний день своего города. Стены светлых комнат мастерской увешаны проектами новых зданий, видами будущих широких, просторных проспектов и улиц. А вот на громадном столе раскинулся целый район города с рекой и мостами, высотным зданием, многочисленными кварталами жилых домов, с зеленью парков и скверов.

Эта схема поможет вам, ребята, представить завтрашний день нашей столицы. Здесь вы увидите одну из лучших магистралей города — набережные Москвы-реки — такой, какой она будет в ближайшем будущем.

Очень нужны. По рисованному проекту нельзя с полной ясностью представить будущее сооружение. На рисунке здание может выглядеть красивым, а когда его построят, станут заметны недостатки, которые никак нельзя предугадать по рисунку. Чтобы новые сооружения были безукоризненно красивыми, чтобы они гармонировали друг с другом, архитекторы проверяют свои замыслы на макетах.

С великим тщанием разрабатывается каждый архитектурный проект: ведь в новых домах, в новых городах предстоит жить советским людям, а забота о людях в нашей стране всегда на первом плане. Особенно почётная задача выпала на долю архитекторов Москвы — строить и украшать Москву, столицу социалистического государства. Она должна быть первым в мире городом по красоте и по благоустроенности.

Москва — очень древний город. Недавно праздновали её восьмисотлетний «день рождения». И большую часть своей долгой жизни Москва строилась без плана. Каждый хозяин ставил свой дом, как ему нравилось, а об удобстве других, о красоте улицы, на которой стоял его дом, он и не думал. Так появлялись кривые тупики и переулки, рядом с высокими, красивыми домами возникали безвкусные и безобразные сооружения... И никто не мог помешать этому. Земля принадлежала домовладельцам, и каждый на своём участке был царьком: что хотел, то и строил.

Рядом на столе красуется миниатюрный фонтан с бесчисленными струями и струйками, совсем как настоящий, только раз во сто меньше своей натуральной величины.

Это макеты. Река сделана из стекла, дома — из гипса, кроны деревьев — из сухой травы, а струи фонтана — из прозрачной пластмассы. Но если прищурить глаза, кажется, что смотришь с самолёта, летящего над красавцем-городом.

Что же это за город?

Архитекторы отвечают: кусочек будущей Москвы, её юго-западный район.

Зачем, казалось бы, строить такие макеты? Начертили бы архитекторы на бумаге проект и построили бы дома. Нужны ли эти игрушки?

По-настоящему заботиться о городе стали только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда земля перешла в руки народа.

Почти восемьсот лет росла Москва вкривь и вкось, а за последние три с половиной десятилетия она так преобразилась, что и сравнить её сегодняшний облик с дореволюционным невозможно.

Особенно быстро растёт Москва теперь, в послевоенные годы. Только в этом году должно быть построено семьсот пятьдесят тысяч квадратных метров жилой площади. Целый новый город получился бы из новых московских домов, которые за год вступают в строй! А скоро в Москве ежегодно будет прибавляться по миллиону квадратных метров. Так быстро будет расти наша столица, как ни один другой город в мире!

Но вернёмся к макету юго-западной части Москвы, о котором говорилось вначале. На нём ярко выражены особенности будущей Москвы.

Нет ничего общего между огромными — в десять, двенадцать, четырнадцать этажей — зданиями, свободно расположенными среди свежей зелени цветников и скверов, и старыми кварталами, где дома и домишки стоят в тесноте, камень к камню, стена к стене.

Чудесный город-сад вырастет на Ленинских горах, где уже сооружён перенец этого района, Московский государственный университет.

Здания здесь будут распланированы так, чтобы во все окна новых домов вливалось много света, чтобы мог ворваться свежий ветерок, а обилие зелени садов, газонов, цветников помогло сохранить чистоту воздуха улиц.

Советские архитекторы прежде всего заботятся о здоровье жителей будущих домов. Всё, что ни делает у нас архитектор — выбирает ли размеры окон, высоту лестничных ступенек или цвет, в который будут окрашены стены комнат, — он прежде всего думает о том, полезно ли, удобно, приятно ли будет жильцам дома. Ведь в нашей стране, строящей коммунизм, забота о благосостоянии, о счастье народа — это закон.

Совершенно другому строят дома в капиталистических странах. Домовладельцам важно одно — побольше заработать на своём доме. Здания, которые сдаются в наём жильцам, строятся так, чтобы ни

клочка земли не пропало «без пользы». Но это забота не о пользе тех, кто будет жить в доме, а о пользе хозяев. Дворы делают крохотными, узкими и тёмными, как шахты. В комнате, окна которой выходят на такой двор, и днём надо зажигать лампу. Встречаются в Америке и такие дома, где и двора-колодца нет. В них чуть ли не половина комнат вовсе без окон. Люди живут, как в подземелье.

Высокие небоскрёбы на улицах американских городов теснятся вплотную друг к другу.

На такой улице всегда царит полумрак, ветерок редко пробирается через лабиринт тесно примкнувших друг к другу домов, улицы не проветриваются. Там, где проезжает много автомобилей, воздух отравлен выхлопными газами, парами бензина так, что дышать нечем.

Сейчас московские архитекторы заняты составлением генерального плана реконструкции Москвы. На чертежах и макетах отчётливо проступают черты обновлённого великого города — города эпохи коммунизма.

Многие из архитектурных замыслов уже воплощены в жизнь. За несколько лет старинная Тверская улица, застроенная небольшими домами самого различного вида, превратилась в улицу Горького, мощную магистраль, ведущую к сердцу нашей столицы — к Красной площади и Кремлю. Заново перестроена Большая Калужская. Теперь это одна из самых просторных и красивых улиц, на которой стоят здания Академии наук и многочисленных научно-исследовательских институтов. Отстроены целые городки красивых домов на Песчаных улицах, на улице Левитана и в Измайлове. Открываются всё новые и новые линии московского метрополитена, где каждая станция — произведение искусства. Силуэты величественных зданий вздымаются к небу Москвы.

АВТОМАТЫ В НОВЫХ ДОМАХ

Сейчас на советских заводах и фабриках всё чаще и чаще можно увидеть автоматические машины и станки, которые не нуждаются в постоянном присмотре. Такую машину или станок рабочий пускает в ход, а дальше они уже сами делают всё, что нужно; и обрабатывают детали, и нагреют, и охладят их до нужной температуры, и взвесят, и сосчитают.

Но немало ещё хлопот доставляет людям «управление» собственными жилищами.

В новых домах все эти заботы возьмут на себя автоматические механизмы. Они освободят человека от тяжёлой и ненитересной работы.

Вот, например, входная дверь. То и дело она открывается. Порывы ветра несут в дом холод и сырость. Но в вестибюле и на лестнице тепло, как в комнате. Потоки холодного и сырого воздуха с улицы разбиваются о невидимую преграду: широкая, во всю дверь, струя тёплого воздуха, выдуваемого из особых труб, словно завеса, отделяет улицу от вестибюля.

Вести борьбу с пылью жителям нового дома поможет пылесос. Стоит включить в электросеть пылесос, и пылинки, увлекаемые потоком воздуха, втянутся в его шланг.

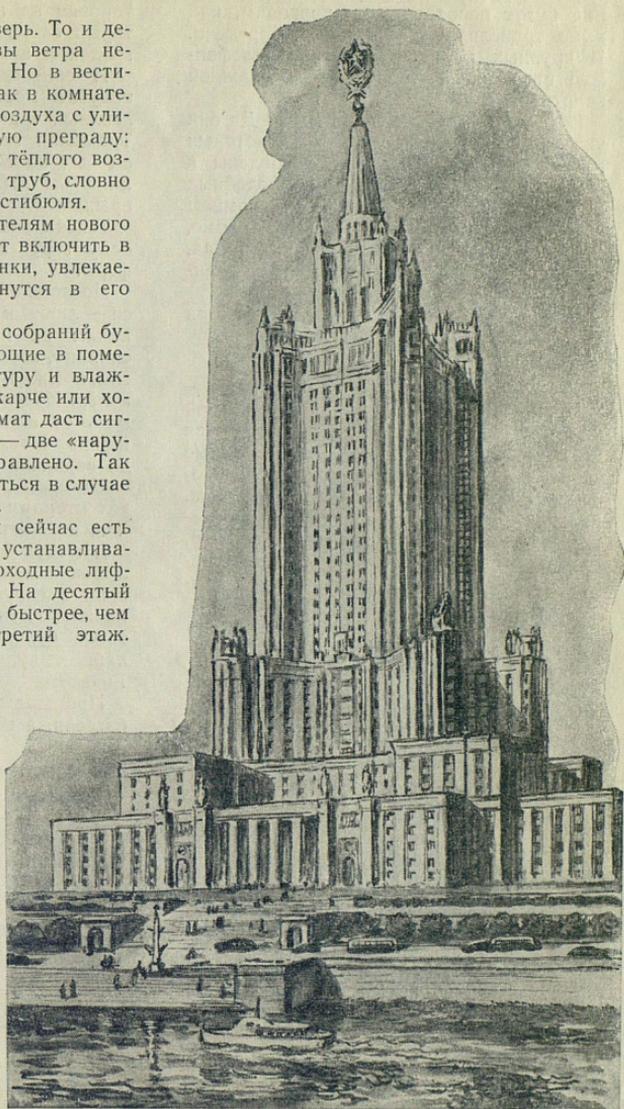
В залах для многолюдных собраний будут устройства, поддерживающие в помещении одинаковую температуру и влажность воздуха. Чуть станет жарче или холоднее, чем это нужно, автомат даст сигнал об этом, и через минуту — две «нарушение климата» будет исправлено. Так же автоматически будет меняться в случае нужды и влажность воздуха.

В многоэтажных домах и сейчас есть лифты. Но в новых домах устанавливаются теперь мощные, быстроходные лифты, каких ещё не бывало. На десятый этаж такой лифт доставит вас быстрее, чем пешеход поднимется на третий этаж. В лифтах тоже будут применены автоматы, которые позволяют обходиться без лифтера: они укажут, какой лифт раньше спустится, закроют двери после посадки, снова откроют их на нужном этаже и вернут лифт вниз, когда все пассажиры выйдут из него.

Жители новых домов избавлены от многих хозяйственных мелочей.

Скоро в величественный архитектурный ансамбль Красной площади вольётся новый сорокапятиэтажный дворец в Зарядье.

На кухне чудесная газовая плита, приспособления для мытья и сушки посуды, мусоропровод; в водопроводе горячая и холодная вода; для хранения продуктов холодильник.

Купил человек радиоприёмник или телевизор, ему не надо на крышу лезть, ставить антенну. Она уже поставлена при постройке дома, и в каждую квартиру сделан ввод. А в некоторых домах телевизоры и вовсе не нужны. Изображения будут передавать по проводам, как ныне транслируются звуковые передачи. В крупных домах будут свои телефонные станции, а телефоны — в каждой квартире.

Когда же вырастут такие дома? Да они уже есть! Различные автоматы, о которых мы здесь говорили, уже установлены в высотных домах. Многие из подобных устройств будут работать и в огромном четырнадцатизэтажном жилом доме, строящемся сейчас на Ленинских горах, неподалёку от Московского государственного университета.

Скоро рядом с этим домом начнётся постройка и других таких же домов.

ИНТЕРЕСНЫЕ ПРОЕКТЫ

В нашей стране любят спорт. Зимой и летом тысячи москвичей отправляются на стадион, где происходят различные спортивные состязания. Когда-то соревнования пловцов проходили только летом, а конькобежцев — зимой. Пловцы перестали зависеть от времени года с тех пор, как были построены зимние плавательные бассейны. А вот конькобежцам при-

ходилось надолго расставаться со своим любимым спортом.

Теперь у нас устраивают и летние катки. Один уже действует, а второй сооружается в Сокольническом парке культуры и отдыха. Третий летний каток запроектирован на новом крытом стадионе, который скоро будет построен на Ленинградском шоссе.

И ещё один замечательный подарок получат московские спортсмены: новый лыжный трамплин на Ленинских горах. Трамплин там существует много лет, но он был не такой высоты, которая позволяла бы лыжникам совершать длинные прыжки.

Теперь решено на горе построить ещё одну гору из металлических ажурных ферм.

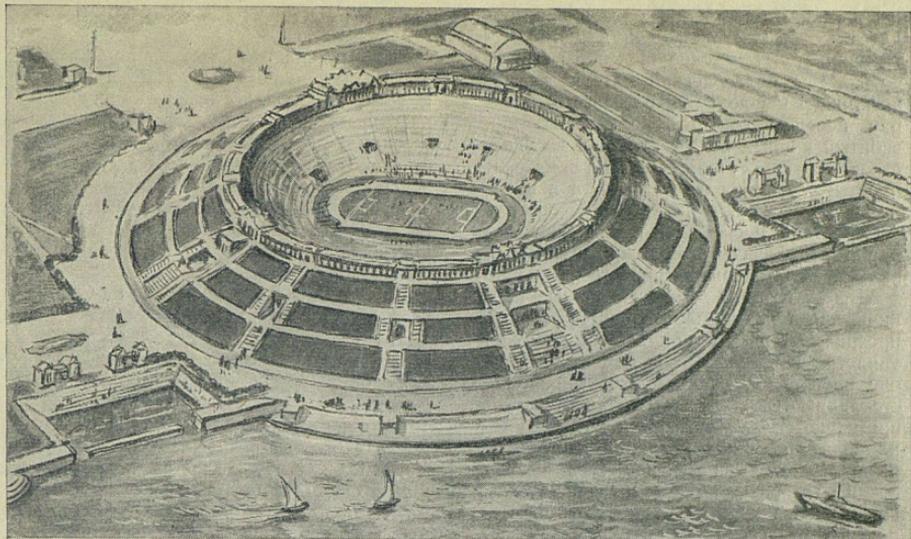
Пословица говорит: «Любишь кататься — люби и саночки возить». Но лыжникам не придётся вспоминать эту поговорку, взбираясь на стальную гору. После прыжка они садутся в трамвай-фуникулёр. Красивый вагончик будет курсировать от площадки приземления до подножия металлической башни. А отсюда до вершины лыжников поднимет лифт.

Интересные проекты разработаны архитекторами для украшения садов и парков, которых сейчас немало в Москве, а будет ещё больше. Ещё больше построят и фонтанов. Прохладные, сверкающие на солнце струи, тихий плеск воды будут ласкать слух и взор. Один из новых фонтанов будет сооружен в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Представьте себе огромный гранитный бассейн, а вокруг него второй, ещё боль-

Такой трамплин будет построен на Ленинских горах, неподалёку от нового высотного здания Московского университета. Зимой московские лыжники уже будут тренироваться в прыжках с этого трамплина.

Широкий проспект пройдёт от Красной площади через Лужники в юго-западный район столицы. Здесь вы видите проект стадиона в Лужниках.

ше, он займёт полгектара. В центре бассейна скульптурная группа — «Девичий хоровод».

У этого фонтана тысяча семьдесят струй. Здесь и струи-великаны, которые будут бить на двадцать три метра в высоту, и струи-карлики, обрамляющие прозрачным валом наружный бассейн. Четыре миллиона литров воды в час будет проходить через фонтан.

Особенно красив такой фонтан вечером, когда зажигаются спрятанные в небольших нишах яркие разноцветные лампы. Их свет окрасит струи в медленно сменяющиеся голубой, красный и зелёный цвета.

По праздникам в воду фонтана будут примешивать люминофоры — вещества, способные светиться в невидимых ультрафиолетовых лучах. Чтобы струи с люминофорами светились, их будут освещать особого устройства прожекторами, посылающими ультрафиолетовые лучи.

КАК БУДУТ РАСТИ ДОМА

Чтобы построить дом в шесть этажей, нужно уложить триста тысяч кирпичей. Каменщик должен каждый из них взять

в руки, уложить на место, покрыть сверху известковым раствором. И так триста тысяч раз.

А что если кирпичи сделать вдвое крупнее? Тогда для постройки такого же дома их понадобится вдвое меньше — сто пятьдесят тысяч. Значит, и каменщикам придётся сделать вдвое меньше движений.

А если применить кирпичи в десять — пятнадцать раз больше, чем обычные? Тогда их потребуется уже совсем немного — всего двадцать — тридцать тысяч. Но тут уж руки каменщиков будут бессильны. Укладывать такие «кирпичики» каменщикам должны помочь машины. Машин теперь на стройках много, они и сооружают здания из крупных блоков, как их называют.

Новый способ строительства с каждым годом применяется всё шире и шире. Десятиэтажные дома будут строиться в шесть — восемь месяцев.

Да и кирпичи теперь делают не такие, как прежде, а со множеством небольших отверстий. Такой кирпич легче, и стена, сложенная из него, лучше держит тепло: ведь воздух, который находится в пустотах внутри кирпича, — лучший теплоизолятор.

Из таких облегчённых блоков и возводят высотные здания. Для кладки внутренних стен советские инженеры нашли новый, ещё более лёгкий материал — пеносиликат. Он делается из известки, которая перед обжигом вспенивается, как взбитый яичный белок. Кирпичи из известковой пены лучше держат тепло, чем простые, легче их в два раза, а в прочности не уступают им.

Строители ищут нового использования давно известных материалов, например, стекла. Его теперь применяют не только для окон, из него делают отличные кирпичи для кладки стен. Кирпичи эти не прозрачные, сквозь них нельзя снаружи увидеть, что делается в доме, а света они пропускают очень много. Тончайшие стеклянные волокна — стеклянная вата — применяются для утепления домов. Стеклопленочная прокладка в стенах не боится огня. Недавно из небожущего стекла стали готовить водопроводные трубы. И для окон начинают употреблять небожущее сорта стекла. В высотном доме на Котельнической набережной, например, окна застеклены «сталлинитом», прочным, как сталь.

Цемент славится прочностью. Цементная облицовка служит надёжной бронёй, защищающей дом от разрушающей силы воды и ветра.

Но прежде здания, облицованные цементом, выглядели однообразно — они были серого, унылого цвета. Наши инженеры-строители изобрели цветные цементы: синий, жёлтый, розовый, белый. Часть фасада высотного дома у Красных ворот уже отделана белым цементом. Похоже, что стены сделаны из фарфора.

Очень празднично выглядят и дома, облицованные светлыми керамическими плитками. Керамика — особым образом обожжённая глина — тоже красивый и долговечный строительный материал.

Давайте сядем в воображаемый самолёт на загородном аэродроме и полетим к центру будущей Москвы. Причудливо изогнувшись под нами серебристая дуга Москвы-реки. Справа высятся величественное здание гостиницы на Дорогомиловской набережной. Вокруг него сгруппировались красивые многоэтажные дома. Чуть дальше виднеется прямое, широкое Можайское шоссе, тоже окаймлённое большими домами.

Против Бородинского моста, на Смоленской площади, поднимается здание в двадцать шесть этажей, рядом — высотный дом на площади Восстания. Эти два великана окружены семьями многоэтажных домов.

Взгляд скользит дальше, вдоль набережных Москвы-реки, застроенных новыми домами, туда, где видны величественные и сияющие очертания Дворца Советов. От площади Дворца во все стороны расходятся широкие зелёные проспекты.

За Дворцом Советов виднеется Кремль. Его древние башни отражаются в реке. Дальше, в Зарядье, встает грандиозное здание гостиницы в сорок шесть этажей.

Самолёт разворачивается, и под крылом самолёта открывается панорама нового, юго-западного района Москвы. Вот давно знакомый всем по фотографиям Московский университет. Вокруг него жилые дома. Окрашенные в светлые, радостные тона, среди зелени бесконечных садов они выглядят особенно нарядными...

Итак, мы совершили путешествие в будущее. Но это не такое уж далёкое будущее. Под крылом нашего воображаемого самолёта проплывала Москва завтрашнего дня. И если вы сядете на настоящий пассажирский самолёт, в контурах новых строек, в лёгких шпилях высотных домов вы увидите ясные и чёткие очертания завтрашней Москвы.

Под счастливою звездою мы живём в краю родном!

На этой фотографии снято дружное, хорошее звено шестиклассников из 5-й кунцевской школы. Совет пионерской дружины отметил его как лучшее в дружке и удостоил чести сфотографировать у развёрнутого дружинного знамени. Всё у этих пионеров ладится, всё им удаётся: и учёба и отрядные дела. Получается так потому, что в этом звене все ребята активные, они никогда не ждут, чтобы кто-нибудь придумывал за них, чем им заняться. Уже в этом году в звене прошло пять интересных сборов, ребята выступали в самостоятельном концерте на городском слёте пионеров, вместе со всем отрядом готовились к Октябрьской демонстрации. В большой дружбе они с малышами и часто после уроков и в перемены ходят к ним играть. Активная работа совсем не мешает ребятам хорошо учиться. Наоборот: не только в звене Тамары Болровой (третья в первом ряду справа), но и у пионеров всего отряда 6-го «А» класса уже второй год нет плохих отметок.

В О Ж Д Ю СПАСИБО МОЁ

З

ошёл я, счастливый, зарю встречать
И тихо спросил её:
— Скажи мне, заря, как передать
Вождю спасибо моё?

Заря улыбалась, а я смотрел,
Как с листьев спадала роса,
Я слушал, как ветер над морем пел,
Как шла по долинам весна.

Я думал о том, кто дружбу принёс,
Кто счастье народам дал,
Кто наших отцов привёл в колхоз,
А нас учиться послал.

И золотом ярким заря тотчас
Залила небес синеву,
Она понесла благодарность от нас
Вождю народов — в Москву.

*И. Беллев, ученик эвенской школы,
посёлок Гарманда (Охотское побережье)*

Перевёл В. Кривошеин

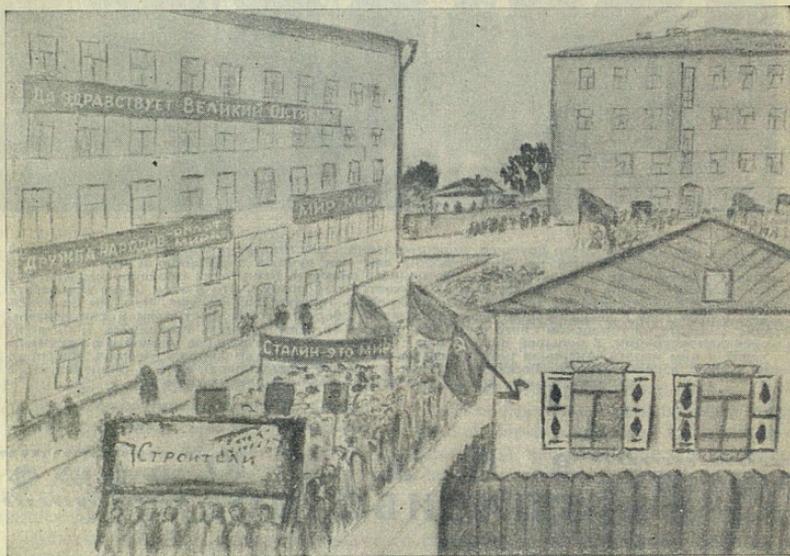
РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

ашу школу я очень люблю. Она стоит посреди большого сада. В классах светло и уютно, а на окнах живые цветы.

В четвёртом классе, где я учусь, тридцать два ученика, и все они уже давно пионеры. Только я один не был пионером. Я не вступал потому, что у меня были тройки по двум предметам. А у пионера, по-моему, этого не должно быть. И захотелось мне избавиться от троек прежде, чем вступить в отряд. Долго пришлось трудиться, пока у меня стали только четвёрки и пятёрки.

Теперь я пионер. День, когда вожатая повязала мне красный галстук, я не забуду никогда и всегда буду выполнять торжественное обещание, данное перед пионерским строем. Я буду строить коммунизм и буду верен Родине, как мой отец, который погиб во время Великой Отечественной войны.

*Юрий Ковалёв,
город Еманжельнск,
Челябинской области*

«7-го ноября на улицах Хабаровска».

Рисунок Геннадия Черпакова,
ученика 6-го класса 10-й хабаровской школы.

РОДНАЯ СЕМЬЯ

ы живём в Теряевском детском доме. Когда едешь к нам из Москвы по Волоколамскому шоссе, проезжаешь разъезд Дубосеково. На этом разъезде зимой 1941 года сражались двадцать

восемь гвардейцев из дивизии генерала Панфилова. Они стояли насмерть, чтобы не пропустить к Москве фашистские танки.

Пионерская дружина нашего детского дома носит имя этих героев. Каждую го-

Сейчас начнётся парад. Знаменосец дружины детского дома в сопровождении ассистентов, горниста и барабанщика выносит дружинное знамя.

довщину Великой Октябрьской революции мы ездим в Дубосеково. Там мы украшаем памятник героям цветами и венками. Когда идёт траурный митинг, ребята стоят в почётном карауле. Мы с любовью вспоминаем героев, которые отдали жизнь за наше счастье, и уже пять лет переписываемся с солдатами и офицерами воинской части, носящей имя генерала Панфилова.

В 1950 году у нас был большой праздник: детскому дому исполнилось тридцать лет.

Наш детский дом старинный, можно сказать, исторический. Он был открыт одним из первых, когда Владимир Ильич Ленин подписал декрет об организации детских домов.

Задолго до праздника, в зимние каникулы, нас пригласили к себе в гости в Москву наши шефы. И мы поехали. У шефов гостили почти две недели.

Они нас приняли хорошо и ласково. Дни проходили в прогулках по незнакомому нам городу и его окрестностям, а вечерами

устраивались концерты самодеятельности и спектакли, в которых участвовали и мы и наши гостеприимные хозяева. На прощанье каждому из нас сделали подарки. Домой мы привезли много хороших книг, цветные карандаши и краски, игрушки и всякие сладости. Летом мы пригласили своих шефов к себе на праздник. Нам хотелось, чтобы вместе с нами радовались все наши близкие, друзья.

На праздник приехали бывшие воспитанники нашего дома: студенты академий, институтов, техникумов, ученики ремесленных училищ, инженеры, врачи, военные. К нам они всегда приезжают, как домой: ведь детский дом их вырастил, заменил им семью, — и мы, теперешние воспитанники, радуемся их приезду, как младшие братья и сёстры.

Гостей к нам приехало видимо-невидимо, и привезли столько подарков, что мы заняли ими целую комнату. Тут были и музыкальные инструменты для струнного оркестра, и пианино, и радиолы, и первоклассный радиоприёмник, и всякие игрушки. Но, как всегда, самые замечательные подарки нам привезли наши шефы. Особенно понравилась мальчишам форма для нашей футбольной команды.

Из двух соседних колхозов тоже были гости. Они приехали на телегах и машинах, с весёлыми песнями.

Мы открыли торжество пионерским парадом, потом были спортивные соревнования, самодеятельный концерт и спектакль. Концерт и спектакль так понравились го-

«Мяч отнять».

Боря Плюсин зарисовал этот момент игры с натуры.

стям, что с тех пор колхозники часто приглашают нас к себе и просят устраивать концерты. И мы уже много раз у них были.

Хорошо нам живётся
В детском доме родном,
Мы о жизни счастливой
Много несен поём.

Эти стихи о нашей счастливой жизни написал Игорь Журавлёв.

*Шура Котович, Виталий Петраков,
Лилия Игнатъева, Вера Бурмистрова и другие*

Терьевский детский дом № 1.
Волоколамский район.

НАШИ УЧЕНИКИ

В прошлом году в наше село Мариновку приехали новые колхозники — несколько семей. Они переселились к нам из западных областей Украины. И вдруг оказалось, что среди них есть двенадцать неграмотных. Мы сначала удивились, но потом вспомнили, что ведь в Западной Украине советская власть установлена не так давно. Где же было людям учиться, когда их угнетали помещики и богачи? И вот тут мы впервые наглядно представили себе то, о чём раньше только слышали. Представили, как было до революции. Ведь и у нас множество взрослых крестьян в то время не умело ни читать, ни писать, а вместо подписи ставило крестик.

Двенадцать наших школьников — комсомольцев и пионеров — стали заниматься с новосёлами. Всю зиму мы ходили на дом к своим взрослым ученикам. Сейчас все они, в том числе и колхозница Александра Березуя, с которой занимаюсь я, уже самостоятельно читают по-русски и по-украински, умеют писать и решают лёгкие задачи по арифметике.

Мы позанимаемся со своими учениками ещё эту зиму; потом они уже смогут поступить в вечернюю школу взрослых.

Мы рады, что справились с серьёзным делом и принесли людям пользу.

*Виктор Бондарцов,
ученик 8-го класса
Село Мариновка,*

Снежнянского района, Сталинской области.

ИЗУЧАЕМ ИСТОРИЮ ГОРОДА

днажку наш литературный кружок отправился в поход по Орехово-Зуеву.

— Мы же здесь родились, мы всё знаем! — говорили некоторые ребята.

Но, как вскоре выяснилось, мы почти ничего не знали не только о своём родном городе, но даже о здании, где мы бываем чуть не каждый день, — о нашем Доме пионеров. Оказалось, что это здание было построено восемьдесят лет назад для директора орехово-зуевских текстильных фабрик, принадлежавших тогда богатым фабрикантам Морозовым. Конечно, к роскошному директорскому

особняку рабочих и близко не подпускали. Но однажды, в 1885 году, по мягким коврам этого дома прошли два ткача. Это были руководители знаменитой Морозовской стачки Моисеенко и Волков. Они пришли, чтобы объявить требования бастующих рабочих. Вот, оказывается, какие события происходили в доме, который теперь принадлежит нам, пионерам!

Теперь, узнав всё это, мы другими глазами смотрим на свой дом. Иной раз проходишь по комнатам — и кажется, слышишь отзвук шагов морозовских ткачей.

После первого похода по городу нам захотелось узнать ещё больше, узнать всю его историю и устроить выставку.

И вот работа закипела. Теперь в ней принимали участие не только члены литературного кружка, но и другие читатели детской библиотеки при Дворце культуры. Ребята где-то выискивали старые книги, журналы, письма, фотографии.

Беседовали мы и со старожилками. Одна бабушка отдала нам харчевую марку, которую долго хранила в сундуке. Мы даже не сразу поняли, что значит «харчевая». Оказалось, что это от слова «харчи». Фабрикант Морозов платил рабочим не деньгами, а такими марками. На них отпускали товары только в его лавках и, конечно, втридорога. Так богатый фабрикант ещё и на этом наживался.

У другой старушки сохранилась двухэтажная кровать из рабочей казармы. На такой кровати когда-то помещалась целая рабочая семья. Здесь и ели, здесь и спали всем семейством.

Мы пригласили к себе участника Морозовской стачки, пенсионера Павла Евстигнеевича Аббакумова. Он нам рассказал, как тяжело жилось орехово-зуювским рабочим, как боролись они за свои права и какое большое значение придавал Морозовской стачке Владимир Ильич Ленин. Об этой стачке написано в кратком курсе истории партии.

Мы побывали в бывшей тридцатой казарме, где во время революции 1905 года помещался боевой штаб рабочих. Здесь шли заседания комитета РСДРП, печатались прокламации, формировались боевые дружины.

Из рассказов, воспоминаний и старых фотографий перед нами понемногу вставал наш город, каким он был когда-то, до советской власти. Нам теперь даже трудно себе представить, что на месте красивой асфальтированной улицы Ленина, с прекрасными зданиями, была немощная, непроходимо-грязная дорога. Там, где сейчас возвышаются огромные светлые цехи красивой фабрики, тянулся заброшенный пустырь. На каждом шагу попадались убогие, покосившиеся домишки.

Мы путешествовали по широким, новым улицам и всё больше понимали, как

В честь революционной борьбы рабочих в Орехово-Зуеве на улице Волкова воздвигнут памятник. Здесь вы видите экскурсию пионеров. Участник Морозовской стачки П. Е. Аббакумов рассказывает им о революционном прошлом города.

сильно изменилось всё за тридцать пять лет.

Когда знаешь прошлое, лучше понимаешь настоящее. Теперь, глядя на свой красивый город, на светлые классы нашей школы, на просторные комнаты Дома пионеров, мы вспоминаем, что не всегда так было. Мы узнали, как в труде и борьбе наши отцы и деды добивались для нас лучшей жизни, как партия Ленина — Сталина вела и ведёт советский народ по верному пути к коммунизму.

*Галя Тихомирова, Светлана Дорофеева,
Вера Земскова, Маша Земскова*

члены литературного кружка при детской читальне Дворца культуры города Орехово-Зуева, Московской области.

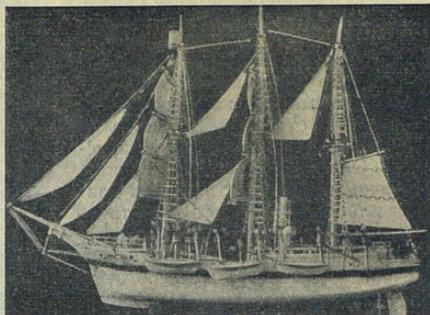
Н А А Л А З Е Е

Седьмое ноября — великий праздник для всех советских людей. У нас, юкагиrow, его называют днём рождения света и правды. В этот день все ребята нашего посёлка собираются в школьный клуб, чтобы послушать рассказы старых людей о том, как на земли далёкого Севера пришла советская власть, ленинская правда, как зажил новой жизнью юкагирский народ, который раньше погибал от нужды и голода.

До советской власти на холодной реке Алазее в юртах юкагиrow-кочевников жили вечное горе, нищета и болезни. Это хорошо помнит мой отец. Всё своё детство он провёл в пастухах у богача-якута, который даже сосчитать не мог оленей в своих несметных стадах. Отец рассказывает, как американские купцы, шаманы и местные князьки грабили охотников, забирая у них дорогие шкурки пушных зверей за ничтожное количество табака, чая и охотничьих припасов. От вечного голода и болезней племя юкагиrow вымирало.

Тридцать пять лет прошло с тех пор, как у нас впервые услышали слово «революция» и узнали, что нет царя и что народ — хозяин жизни. Вспоминая этот день, старики не могут сдержать слёзы радости.

Советская власть позвала кочевников в колхозы. Живём мы теперь не в юртах, а в просторных и светлых домах. В нашем селе есть школа, клуб, магазин, детские ясли. Над вершинами заснеженных сопок часто пролетают самолёты. Они привозят к нам почту и пассажиrow. Ребята нашего посёлка любят по вечерам слушать

Народы Севера с древних времён славятся своим искусством резьбы по кости. Оно передаётся из поколения в поколение. Эту красавицу шхуну вырезали из куска мамонтовой кости двенадцать учеников Анадырской школы на Чукотке. Посмотрите, как точно, с какой тонкостью выполнены все детали, вплоть до якорной цепи и снастей!

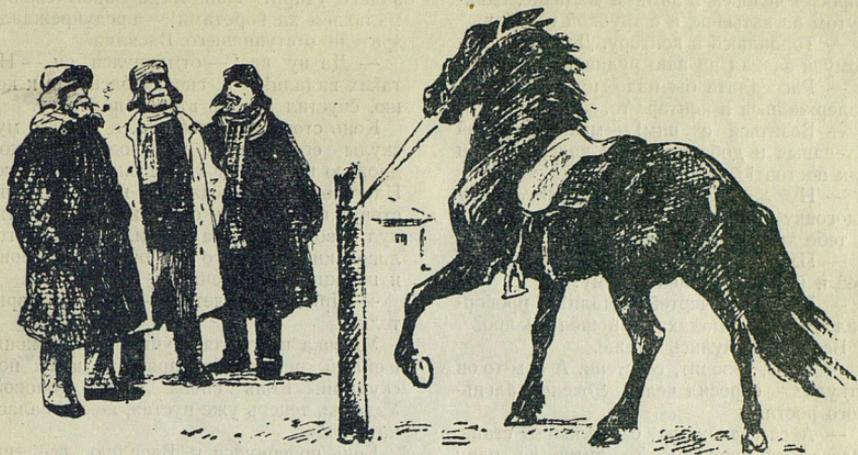
радио, читать книги и журналы. Многие из нас занимаются художественным рукоделием и резьбой по кости. Это — древнее искусство нашего народа. Мы перенимаем его у старших. Школьный кружок художественной вышивки сейчас заканчивает большую работу. Она называется: «Свет кремлёвских звёзд освещает землю юкагиrow».

Далеко моя Алазее от Москвы. Но и в нашем маленьком посёлке, в нашей светлой школе так же весело и хорошо, как в любом городе и селе свободной Страны Советов. Великий праздник радости всюду.

Вера Солнцева,
ученица юкагирской школы на Алазее

Долгими зимними вечерами в Уэллене резали эти рисунки на моржовом бивне три школьника: Хальмо, Ухуган и Ныртану. Здесь целый рассказ о жизни чукчей: и возвращение с охоты на нерлу, и свежевание туши, и единоборство с медведем, и быстрая езда на собачьей упряжке.

В Е Р Н Ы Й

Рассказ В. Антохиной

Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова

Кони шли на пастбище. С громким ржанием выбегали они из загонов и дверей коношен. Рослые, сильные вожаки табуна были уже за воротами. За ними неслись молодые кони, перегоняя друг друга, радуясь свободе. Матки с жеребятами шли неторопливо и опасно задерживались у прохода в ворота. Следя за каждым движением своих длинноногих малышей, ещё не признающих никаких табунных правил, они заставляли их идти рядом или впереди себя. Позади всех шли степенные кони, давно познавшие многочисленные горести и редкие радости лошадиной жизни. За табуном, пощёлкивая о землю длинными кнутами, ехали на верховых конях мальчик и старик. Солнце, садясь за вершины деревьев, золотило небо, от земли со стороны тайги долетали запахи прели и сырости поздней осени.

У коновязи широкоплечий человек в грубошёрстной дорожной куртке, с ружьём за плечами привязывал к столбу взмыленного коня. Весь чёрный, как вороново крыло, без единой отметины, конь высоко поднимал голову, раздвигал ноздри, ржал, кося глаза на уходящий табун, и мелко перебирал передними ногами, готовый при первой возможности вырвать-

ся и улететь вслед за ним. Человек раздражённо прикрикнул на коня и ударил его по крутой шелковистой шее, а затем и по морде рукояткой нагайки. Конь вздрогнул, приложил уши, оскалил зубы и заляпсал у столба.

— Степаныч! А Степаныч! Откуда чёртушку такого достал? Не видать его раньше у тебя было! — крикнул кто-то из группы людей, стоявших поодаль. — А хорош! Хорош! Ничего не скажешь! По всем статьям ладный конь!

Человек, названный Степанычем, снял фуражку, пригладил волосы с сильной проседью на висках, отёр лицо платком и подошёл к говорлившему:

— Со стени в прошлом году пригнал. Точно, что хорош. Некрасовскую гору хоть бы что — всю рысью берёт. Я на нём сегодня, пожалуй, сотню километров отмахал, а к утру думаю дома быть!

— Кличешь-то как?

— Степняком, так и кличу.

— Что скромно больно? Такого и Орлом можно назвать.

— Не всё равно? — усмехнулся Степаныч. — Чаще всего чёртом величаю: характер чёртов, до сих пор никак не обломаю!

— В контору, что ль, прискакал? — спросил человек в зимнем малахае, сдвинутом на затылок, и с трубой в зубах.

— Тороплюсь в контору. Дело есть, потому и заехал на ваш рудник.

— Расседлать бы надо, пусть остынет, задержаться в конторе-то.

— Возиться с ним! — махнул рукой Степаньч и добавил: — Не задержусь, и так постоит!

— Ну ладно, ступай! — крикнул ему вдогонку человек в малахае. — Расседлаю я тебе твоего чёртушку!

— Плётку, плётку только возьми, без неё и не подступайся к нему!

— Не таких чертей видал! — проворчал человек в малахае и пошёл к коню.

Все придвинулись ближе.

— Конь, говорит, со степи. А сам-то он откуда? — спросил человек очень маленького роста.

— А сам таёжник, с Дальнего стана. Известный охотник. За зиму не одну шкуру медведя пушторгу сдаёт. Но характером крут! Нелегко ладить с ним.

— Ну вот с этим чёртушкой у них, видно, по старинной пословице, коса на камень и наша. Друг другу не уступят!

— А конь-то, верно, хорош! Таких красавцев колхозы со степей целыми косяками в Белогорье на лето перегоняют. Пастбища там куда лучше степных — ни волков, ни овода! Ручьи — что стёклышко, травы — в волюшку!

На приволье кони и ходят там до глубокой осени, что дикие!

— И этот дикарь, видно, табун зачужал — всё забыл!

Конь в самом деле смотрел, не отрываясь, туда, где за деревьями скрылся табун рабочих рудничных коней. Человек в малахае смело подскочил к нему.

— Ну-ка! — резко крикнул он, спуская первую подпругу.

Конь дёрнулся на короткой привязи, пробуя вскинуться на дыбы. Спущенная подпруга повисла под брюхом.

— Смотри, Василий, смотри! Ногой задней ударит! Ищи тогда башку свою с малахаем за воротами! — предупреждали зрители отступившего Василия.

— Да ну вас! — отмахнулся он. — Не таких видал! — и, снова подскочив к коню, спустил ремень второй подпруги.

Конь стоял, не шевелясь, и только мускулы его задних ног ходили мелкой дрожью под вороной блестящей шерстью. Насторожённо следя за ним, Василий стянул седло. Конь отступил назад, натянул повод до отказа и с силой дёрнул головой книзу. Что-то отскочило в сторону и шёлкнуло о камень.

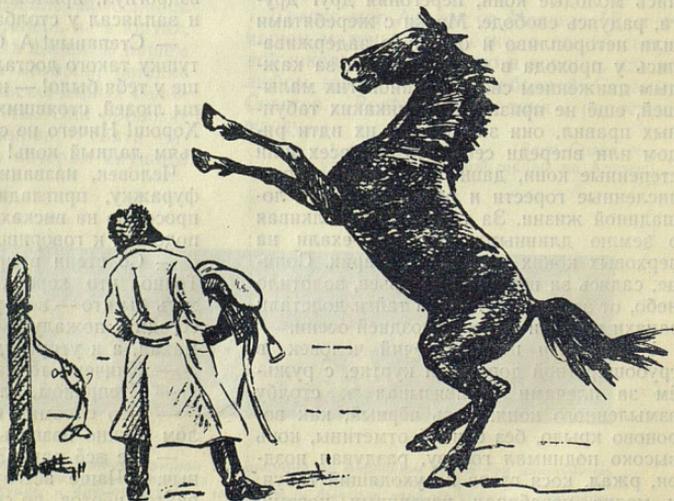
— Прыжка отлетела! — ахнули зрители.

Уздечка поползла с ушей на лоб коня, шейный ремень без прыжки повис под скулами. Конь снова дёрнул головой. Уздечка, теперь уже пустая, покачивалась на столбе.

Конь повернулся к Василию, всё ещё державшему седло. Тело коня дрожало, глаза дичали с каждым мгновением.

Все бросились враспынную. Василий растерянно замахивался на коня седлом. Конь шумно втянул в себя воздух и, поднявшись на дыбы, шагнул к Василию. Но вдруг, почуяв волю, злобно взвизгнул и кинулся к воротам.

Паришка, посланный запереть их после табуна, замешкался, наблюдая за

Поднявшись на дыбы, конь шагнул к Василию.

всем, что происходило у столба. Половина ворот оставалась незакрытой. Когда же чёрное чудовище с вздыбленной гривой и раздутыми ноздрями понеслось к воротам, парнишка ахнул и прижался к изгороди за открытой половиной ворот.

Но конь и не думал искать его. Он вылетел в ворота и умчался по дороге.

Табун, как всегда, направлялся за ручей к пади, пропахшей дикими левкоями и кедровыми шишками. Там под присмотром старого табунщика кони оставались всю ночь, и мягкие губы их выскивали влостью любимые травы. Жеребят сосали сытых матерей или ложились отдыхать у их ног. Взрослые кони опускались на землю лишь перед самым рассветом.

Миновав овражек, табун вышел на широкую лужайку, окружённую деревьями. Птицы возлились в ветвах, готовясь ко сну; хлопотливые белки опасливо ныряли в дупла с зимними запасами; заяц в своей ещё серой, летней одежде стрелой перелетел поляну. Старик и мальчик ехали за табуном, изредка перекидываясь двумя — тремя словами.

Вдруг что-то чёрное, громадное скользнуло мимо них и, обогнув табун, вызвало сумятицу в его передних рядах. Старик поскакал вперед.

— Беда! — крикнул он. — Беда! Терентьевский конь с привязи сорвался! Видал, к столбу-то его прикручивал? Ах, батюшки! Всю ночь теперь драки будут!

Конь уже дрался. Один из них, с плечом, повреждённым от удара с налёта, храпел, стоя в стороне. Рослый чалый конь вместе с другим жоаком табуна отбивались от Степняка; Степняк ловко справлялся с обоими, то отступая, то кидаясь на них вновь, крутясь, увёртываясь, взмётываясь на дыбы, раздавая рвущие удары зубами. Табун остановился, смешался. Ржали матки, потерявшие своих жеребят, и звонко отзывались им напуганные жеребята.

— Коней сколько перепортит! — кричал, чуть не плача, старый табунщик. — Скачи, Никитка, скачи махом! Кличь на помощь! Видать, чёрт-то этот взбесился!

Никита повернул коня и вскачь погнался обратно по дороге. Битва заканчивалась. Жоаки, сдаваясь, отходили в сторону. Громкое, победное ржание Степняка заставило насторожиться весь табун. Конь-победитель призывал его следовать за собой. Он подгонял табун, забегая с боков,

и уводил в сторону от пади. Кобылицы первые послушно двинулись за Степняком. За ними потянулись и остальные. Степняк шёл впереди, и его призывное ржание время от времени будило тайгу. Израженные жоаки остались на поляне. Старик-табунщик следовал за конями.

— В горы табун-то уводит! Ах, окаянный! Беда-то какая! — шептал он.

Коня были уже далеко, когда на лужайку вылетели всадники с ружьями за плечами. Впереди всех скакал Терентьев с искажённым злобой лицом. Объехав искалённых жоаков, всадники бросились по следам ушедшего табуна.

Выйдя из леса, кони поднялись вслед за Степняком к далёким лугам Белогорья. Почувыв погоню, Степняк насторожился, оставил табун и поскакал, наддавая ходу, к горам. Словно не касаясь земли, нёсся он. Ветер раздувал его волнистый хвост и трепал густую гриву.

Терентьев на полном скаку вскинул ружьё.

Грохнул выстрел. Пуля прожужжала и ударилась где-то, должно быть, вблизи от Степняка, потому что он ещё быстрее рванулся, и всадники поняли, что нет сейчас у них под седлом коня, равного ему в беге. Один из них принялся заворачивать табун, и только трое, во главе с Терентьевым, всё ещё мчались за Степняком. Наконец спутники Терентьева натянули поводья. Тяжело ходили бока их взмыленных коней, с удил клоками падала пена.

Сумерки спускались на землю. Редкие снежинки запорхали в воздухе. Всадник приложил ладони ко рту:

— Верни-и-сь, Степаньч! Верни-и-сь! Ночь на носу! Коней зря запорем!

Снежинки, крутясь, спускались с мутного, беслого неба. Верхушки кустарников гудели, предвещая метель. Степняк уходил всё дальше в горы. Одна нога его оставляла на свежей пороше кровавые следы. Почувыв себя в безопасности, он обернулся в ту сторону, где оставался табун, и налетевший ветер разметал по ущельям его протяжное ржание. Словно ожидая ответа на свой прощальный призыв, конь постоял неподвижно на скале и двинулся, прихрамывая, дальше, в белую тучу летящих снежинок.

* * *

Весна в Хакасии наступила в этом году рано. Но сильные морозы держались по ночам. В один из ярких, солнечных

Кони уже дрались. Степняк ловко справлялся с двумя конями, то отступая, то кидаясь на них вновь.

дней по сверкающей снежной целине медленно шли длинной вереницей кони. Небольшой соловый конёк впереди как бы плыл в снегу, увязая по самую шею. Останавливался он передохнуть, останавливался весь обоз. Но и отдыхая, конёк не оставался ни минуты в покое. Раздвывая поздри, поводя ушами, он прислушивался и всматривался вдаль, словно разгадывая загадку занесённой горной дороги.

Идущие за ним кони, крупные тяжело-возы, глубоко проваливались в снег. На их мокрой от пота шерсти налипли снежные катышки, шуршавшие при каждом движении. За передними конями шли так же друг за другом кони, запряжённые в сани. На первых санях сидел человек, вторые были только с грузом, на третьих — последних — сидело на сене двое людей.

— Ну вот, три четверти дороги долой! — сказал один из них, откидывая высокий воротник тулупа и расправляя окладистую седую бороду. — Самые тяжёлые перевалы проехали. Ну и дорога же тут! Летом редко-редко кто верхом проедет, а зимой и волков сюда не заманишь: боются они глубоких снегов, по степи больше рыщут. — Он окинул взглядом белую пелену снега и зажмурился: — Слепит! Ишь, как сверкает! А снеготоп-то наш,

соловый, плывёт себе, что по воде, под снегом дорогу чувствует! Да! Не всякий конь снеготопом может быть. Другие кони, пусть их вперёд, провалятся в сугробы и не двинутся с места, куда уж там дорогу искать! Нюха того нет! Да ты не спишь ли уж, Сергей? — склонился он к своему спутнику. — Ну и то, подреми. Шутка сказать, больше суток так-то вот тянемся!

Под тяжёлым меховым воротником тулупа раздался смех. Маленькая рука вынырнула из рукавицы, откинула ворот, и из-под ушанки глянули серые мальчишечьи глаза на румяном лице.

— Да я и не дремал совсем, Матвенч! Я всё вон в ту сторону смотрел, где под скалой из-под снега кустики торчат. Матвенч, что там, по-вашему, чернеется?

— Чему там чернеться? Ну, кустики и чернеются! Медведи из берлоги не вылезут, пока им воды за ворот не накапают. Рано ещё им вылезать!

Кони в это время остановились передохнуть.

— Да нет, вы хорошенько посмотрите, Матвенч! На конскую голову очень похоже!

— Да ну тебя! Неоткуда коню тут взяться. Жилья вокруг и в помине нет. Давай-ка лучше закусим на привале, мамаша вон сколько пирожков тебе настря-

пала. А хочешь, хлебушка с маслом, яичек достану? До дому, братец ты мой, немало ещё километров осталось!

— Не хочу, Матвеч. Спасибо. А всё-таки, по-моему, на конскую голову похоже!

Кони снова двинулись вперёд. Сергей напряжённо всматривался вдаль. Матвеч ворчал:

— Пристал: поеду да поеду с Матвечем! Ну вот теперь и возись с тобой. «Спать не хочу!», «Есть не хочу!» Подождал бы лучше, пока отец с матерью дела свои на руднике закончат, да и катил бы на тройке с ними по тракту, чем так-то вот тащиться с нами! Ну, задержались родители по делу, учителя в школе голову с тебя не сняли бы, что на неделю опоздал с каникул явиться; подумаешь, какое преступление!

— А с вами вот поехал, Матвеч, и не опоздаю! Сегодня к вечеру дома будем, а завтра у нас уже занятия и юннатский кружок соберётся.

— Да уж этот ваш юннатский кружок! — рассмеялся Матвеч. — «Мы садоводы!» Много такие-то садоводы, как вы, чего насажаете!

— И очень даже много! — вспыхнул Сергей. — Да вы не смейтесь, Матвеч. Приходите лучше завтра на наш юннатский сбор. Много интересного услышите. У нас не только садоводы и овощеводы, а и пчеловоды есть. Мы с Колей Поспеловым и с Ваней и Витей Смирновыми — животноводы.

— Да что ты? Животноводы?

— Да, и над конями стройки шестфо беру!

— Ну вот теперь понятно всё! Раз ты конями так заинтересовался, конские головы тебе везде и чудятся.

Соловый конёк снова остановился передохнуть. Сергей внезапно выскочил из сани, путаясь в своём длинном тулупе.

— Матвеч, я всё-таки пойду посмотрю, не конь ли это!

— А мы всем обозом тебя ждать тут будем? Вон ещё дороги-то сколько осталось, засветло доехать надо!

— А вы поезжайте, Матвеч. Пересядьте на вторые сани и поезжайте. Я вас по обкатанной дороге живо догоню.

— Ишь, прыти в тебе сколько! — рассердился Матвеч. — Сани с трудом пробираются, так уж это и обкатанная дорога? А не думаешь о том, какая тут в горах погода переменчивая. Сейчас жму-

ришься — солнце слепит, а через час пурга задует и твою обкатанную дорогу в пять минут, как языком, слизнёт! Что тогда делать-то будешь?

— Ну, Матвеч, пожалуйста!

Кони тронулись. Матвеч соскочил с сани и крикнул человеку, схавшему впереди:

— Остановка тут у нас! А ты поезжай! Догони!

Он скинул тулуп и, оставшись в одном полушубке, пробрался вперёд и прикрутил морду своего коня вожжой к оглобле, чтобы конь не тронулся вслед за остальными.

— В шестой класс ты, Сергей, этой весной перейдёшь, а мозгов у тебя не больше, чем у кролика. Думаешь, так я и пустил тебя одного в снег тонуть? А может, под снегом-то расщелина какая глубокая?

Сергей тоже скинул тулуп и в одном полушубке и высоких валенках двинулся вслед за Матвечем. Матвеч шёл медленно, увязая в снегу. Сергей торопился изо всех сил, стараясь не отставать от него. Тяжело дыша, они пробрались поближе к скале, около которой что-то чернело, и оба остановились, поражённые.

Голова вороного коня виднелась из-за гребня сугроба. Веки хлопали, казалось, по пустым глазницам, так глубоко запаля безжизненные, мутные глаза. Длинная мохнатая шерсть на хребте коня стояла дыбом.

— Ну вот! Ехали мы, ехали, да и наехали, как в сказке, на чудище! Страшилище какое! — ужаснулся Матвеч. — Покойник — не конь! — Он оглянулся и показал Сергею на обглоданные прутья кустов вокруг. — Вон, видишь, кормился чем, пока из силы совсем не выбыл, видно, шагу больше ступить не может.

Сергей достал из-за пазухи краюшку хлеба. Разломав её на мелкие куски, он осторожно задрал коню верхнюю губу и стал проталкивать кусочки хлеба в рот. Конь не шевелился и не жевал.

— Да разве спасёшь его теперь? — поморщился Матвеч. — Пустая это затая, брат. Жаль коня, да что поделаешь? Пойдём обратно: время нам дорого.

Но конь, сделав едва приметное движение языком, проглотил хлеб с усилием и не жуя.

— Пойдите, Матвеч! Пойдите ещё минуточку! — Руки Сергея дрожали.

Конь в это время шевельнул губами и проглотил ещё кусок.

— Голубчик мой! — вырвалось радостно у Сергея. — Матвейч, давайте овёс и сено принесём сюда из саней!

— Ну вот! Говорю, не спасёшь его теперь! Да и не выбраться ему из этих снегов! А если б и выбрался, так что? До жилища вон ещё сколько осталось, а дорожка — хуже некуда. По такой дорожке и здоровый конь, сам ты видал, с каким трудом пробирается, а этому и десяти шагов по ней не пройти.

— Ну ладно уж, ладно! Принесу я сам сейчас овса и сена, брось ему, да и поедет давай. Смотри, как от обоза-то отстали, а доехать нам засветло надобно!

Когда челюсти животного начали мало-помалу двигаться, Сергей разбил снег перед грудью коня и положил у морды его большой клок сена, а отступив немного назад, небольшую кучку овса, затем опять сено, опять овёс, и так до самой дороги. Выйдя на неё, Сергей устало подошёл к саням и повалился в них.

— Вот так я его на дорогу и выманю! — сказал он Матвейчу. — Потянется к овсу или сену и сделает несколько шагов. Завтра ему только-только до дороги доползти. Послезавтра — суббота. Кончатся занятия в школе, и мы вчетвером сюда на лыжах прибежим.

— Что-о? Жизнь не мила вам, как я погляжу!

— Да мы хорошо на лыжах бегаем.

— Так кто же это вас одних сюда пустит? — Матвейч махнул рукой, не желая ничего больше слушать, и, надев тулуп, пошёл открывать от оглобли вожжу.

Путники медленно тронулись по тяжёлой дороге. Солнце давно уже спряталось за горы. Перестали искряться снежинки, потухло яркое небо. Сергей всё смотрел назад, на голову коня.

Сумерки сгустились. Сани, скрипящая полозьями, ползли всё дальше. Голова коня превратилась в точку. Дорога сделала поворот, и чёрная точка исчезла за скалой.

* * *

В субботу, после солнечного, совсем весеннего дня, к вечеру заиграл морозец. Четыре лыжника небольшого роста, каждый с мешком за спиной, летели по крутому спуску. Пятый лыжник, высокий, широкоплечий, с окладистой седой бородой и с самым большим, туго набитым мешком, торопился за ними. Внизу лыжники затормозили и вышли на свежепроложенную дорогу. Обогнув выступ горы, они радостно засмеялись: большой и тощий, как тень, стоял на дороге конь.

Один из лыжников подлетел к нему ближе и скинул с плеч мешок. Конь сделал несколько неуверенных шагов навстречу. Слабый храп, похожий на стон, шёл из глубины его горла. Лыжник распаковал мешок, вынул из него мешочек с овсом и хлеб. Конь с жадностью принялся за еду.

— Не давай ему, Малышев, сразу много. Сам же читал нам, что после голодовки животное надо кормить очень осторожно. — Коля Поспелов сдвинул шапку-ушанку на затылок, и непослушные русые кудри упали ему на лоб. Он скинул лыжи, воткнул их стоймя в сугроб и уселся у дороги на свой заплечный мешок.

Они пробрались поближе к скале, около которой что-то чернело, и оба остановились, поражённые.

Четыре лыжника летели по крутому спуску.

Ваня и Витя Смирновы, два брата-близнеца, во всём похожие друг на друга, тоже скинули лыжи и уселись по другую сторону дороги, внимательно наблюдая за каждым движением коня. Глаза мальчиков блестели от волнения. Все сидели, задумавшись. Голубые сумерки сгущались вокруг. Молчаливые горы засыпали в морозной тиши.

Когда конь немного подкормился, Сергей отвязал от пояса уздечку и надел её на взерошенную голову коня. Конь, послушный поводу, двинулся за Сергеем по дороге, но быстро выбился из сил и то и дело останавливался передохнуть. Сменяя друг друга, мальчики по очереди брались за повод и шли впереди коня по тяжёлой, почти неукатанной дороге; остальные двигались сбоку на лыжах, готовые в любую минуту придти на помощь товарищу.

Пройдя немного, путники устроили привал, снова подкормили коня, подкрепились и сами. Огромный багровый шар луны медленно выкатывался из-за гор. Густые лиловые тени ложились на дорогу. Сидя на ватном одеяле, предусмотрительно захваченном Матвеем из дома, мальчики весело болтали, Матвей курил трубку.

— Распрекрасное дело, ребята. Всё хорошо. Одно плохо, что до дому ещё далеко. Давайте-ка в путь-дорогу снова трогаться. Дорога нам предстоит немалая и, правду сказать, нелёгкая!

И, действительно, не раз ещё за ночь пришлось останавливаться, чтобы дать отдых коню. На перевале, перед спуском в долину, был сделан последний привал. Потускневший круг луны клонился к горизонту. Конь торопливо жевал, то и дело склоняясь к лежавшей перед ним охапке сена. Короткая серая предупредительная тень повторяла движения его головы. Аромат мёда и мяты расплывался от сена в морозном воздухе. Сергей, обхватив колени руками и опустив на них подбородок, боролся со сном. Ваня и Витя покачивались, тесно прижавшись друг к другу, Коля что-то рассказывал заплетаясь языком.

День уже клонился к вечеру, когда путники с конём на поводу проходили по стану. Мелкие снежинки покалывали лицо. Подтаявшая было за день дорога похрустывала под ногами.

Миновав высокое, ещё стоявшее в лесах здание, путники пошли мимо ярко освещённых домиков рабочих. Полосы света падали из окон на дорогу. У одного из домиков в конце посёлка путники остановились.

— Ну-ну! Что мук-то мы всё же приняли! — устало сказал Матвейч. — А теперь, ребята, марш по домам! Я сам коня в стойло отведу, завтра уж ваше дело будет за ним ухаживать!

— Вы только попоной его покройте!

— А подстилку ему положите? — заволновались ребята.

— Да что я, за конём не умею ходить, что ли? — рассердился Матвейч. — Одни вы животноводы на свете? Марш, сказано, по домам!..

* * *

На другой день у сада Матвейча собралось много школьников. Заглядывая в калитку, они с нетерпением ждали Сергея и его товарищей. Катя, пятилетняя дочка Матвейча, закутанная поверх шубки в большой пуховый платок, медленно шла по двору.

— Катя! Катя! — позвали её ребята к калитке. — Катя, ты видела коня? Какой он, Катя?

Катя широко раскрыла свои голубые глаза и сказала суровым голосом, словно рассказывала сказку:

— Он стра-а-шный! Такой стра-а-шный! И худший-прехудший!

Ребята примолкли.

— Дайте-ка мне пройти, — послышался сзади них чей-то голос, и высокий человек, осторожно раздвигая ребят, прошёл во двор.

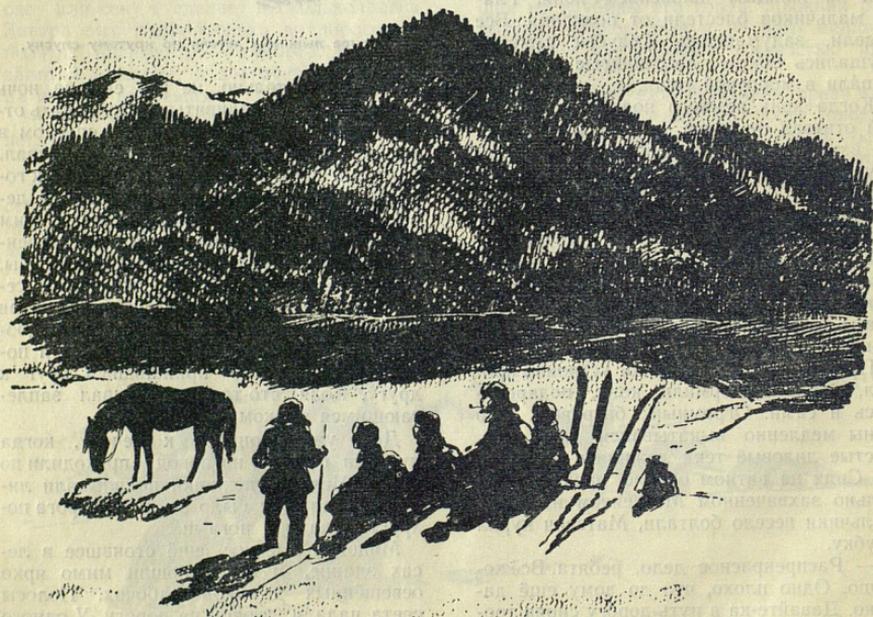
— Катя, это ветврач? Он коня пришёл лечить? — шёпотом спрашивали ребята, но Катя покачала головой и уже обыкновенным голосом ответила:

— А я не знаю!

— Катя, когда он выйдет, передай это Сергею Малышеву, пусть коню отдаст.

Мальчик, стоявший к Кате ближе всех, протянул ей два больших ломтя хлеба, и тотчас же со всех сторон потянулись к Кате ломтики хлеба, кусочки сахара, бумажные свёртки с овсом. Одна из девочек отогнула угол большого катиного платка и сложила ей туда всё.

— А это тоже пусть коню отдадут, — сказала другая девочка и поставила перед Катей небольшое ведёрко, полное проквашки.

Пройдя немного, путники устроили привал и подкормили коня.

— А у меня рук больше нету! — печально протянула Катя, не зная, что ей делать.

— Давай я тебе помогу! — Девочка подхватила своё ведёрко и взяла у Кати несколько свёртков.

У сарая они остановились, пережидая, пока уйдёт ветврач. Он вскоре вышел в сопровождении Матвенча.

— Абсолютно здоровый конь, заморён только чуть не до смерти. Можете вести его к нам на конный двор, мы там ему хорошее стойло отведём, и уход за ним будет образцовый.

Сергей и его товарищи переглянулись.

— Матвенч! — в отчаянии проштентал Сергей, дёргая сзади Матвенча за полосушубок.

Матвенч чуть приметно подмигнул Сергею.

— Вот эти самые мальчики ходили спасать коня. А Сергей Малышев его в снегу каким-то чудом углядел. Уж очень им охота за этим конём поухаживать, тем более что в школе-то они у себя животноводами числятся.

Ветеринарный врач внимательно оглядел четырёх товарищей:

— А шалостей в конюшне не будет никаких?

— Ручаюсь, что не будет! — ответил за мальчиков Матвенч. — Ребята дельные, серьёзные, коня им вполне доверить можно.

— Ну ладно. Согласен. Пусть ходят за конём. — Ветврач кивнул головой и двинулся с Матвенчем к воротам.

Маленькая Катя тотчас же выступила вперёд:

— Вот! Коню это всё велели передать!

— И простоквашу тоже отдайте коню, — сказала девочка, сопровождавшая Катю.

— Ну что ты! — рассмеялся Коля. — Да конь же не будет простоквашу есть.

— Говоришь, не знаешь чего, а ещё животновод! — вспыхнула девочка. — У нас жеребёнок был, так мы всегда его простоквашей поили! Ну, за ведёрком я после найду, а то сейчас мне некогда: я сегодня дежурная по классу.

И она вприпрыжку побежала к калитке.

* * *

Стояли ясные, солнечные дни, но лёгкий морозец уже давал себя чувствовать по ночам. В горах краснела рябина. Лю-

ди и белки пощёлкивали кедровые орешки нового урожая. Отъевшиеся за лето медведи готовились к зимней спячке. Травы в тайге желтели и никли к земле.

Два всадника медленно ехали у самого берега бурливой горной реки. Один из них, на сером коне, был, видимо, с дальней дороги. За широкими плечами его висело ружьё, грубошёрстную куртку туго стягивал ремень, к седлу были приторочены сумы. Другой ехал налегке. Поглаживая седую бороду, он говорил:

— Так! Значит, случайно только залетел сюда к нам, Степаныч? А жаль, поработал бы у нас. Годы твои не маленькие, поохотился на веку своём много, ну, и хватит уж метаться по тайге. Работа здесь живая, интересная. Гидростанцию строим. Вот эту реку на людей работать заставим, рудникам за много километров электричество дадим. Вот, брат, что человек сделать может! Право, поговорил бы ты с начальником строительства. Хорошим работникам у нас почёт и уважение. Избу бы себе здесь срубил, семью бы сюда перевёз. Чем плохо? Характер вот у тебя больно крутой, нелегко ладить с тобой, ну да уж пора и уходить.

Степаныч молчал. Всадники придержали коней, глядя на противоположный берег. Кран экскаватора то поднимался, то опускался, выбирая землю из котлована; слышались гудки грузовых автомобилей, визжала электрическая пила, где-то в отдалении грохотали взрывы.

— Да вон начальник-то наш, инженер Малышев, лёгок на помине! Вон, видишь, верхом на вороном коне из тайги выехал, с шофёром грузовика разговаривает.

Степаныч вдруг нахмурился и привстал на стременах.

— А теперь вон слез, и сынишка его Сергей на коня садится, с поручением, видно, куда-то едет. Скорей всего на лесопилку: машины там через новый мост пока не ходят.

Брови Степаныча сходились и расходились под низко надвинутой на лоб фуражкой:

— Матвенч, откуда начальник ваш коня этого взял?

— Весной этой, как перевалами мы ехали, Сергей его в снегах углядел. Не конь — скелет был! Ну, не Сергей, так и правда бы ему. А Сергей, видишь ты, парень смыслённый, настойчивый, сумел

его из снегов вызволить. С ребятами еле-еле мы после до дому коня дотянули, намучились сильно, а конь-то, как выходил его, оказался редкостным. По ходу соперников ему нет, усталы не знает. Ну, узнавали мы после, чей это конь, откуда он в горах взялся, да так и не узнали ничего. Привык он к ребятам теперь, голоса их слушается.

Лицо Степаныча мрачнело всё более и более. Он грузно откинулся в седле, пощёлкивая нагайкой по сапогу.

— Вот был бы твой Григорий здесь, хорошие бы товарищи ему были. Учатся неплохо, а занятия кончились — на стройку бегут и всё норовят помочь чем-нибудь, поручение какое выполнить. Да вон, смотри, поехал Сергей. Ход-то у коня какой — по воздуху летит!

Ничего не сказав, Степаныч вдруг резнул коня нагайкой и с места поднял его в галоп.

— Да не гони так, не гони! Куда торопишься? — кричал ему вдогонку удивлённый Матвей и добавил уже про себя: — Ну чего помчался, чудак?

Степаныч погонял коня. Ветви хлестали ему лицо. Дорога то врзалась в тайгу, то снова выбегала к реке. Юный всадник на той стороне двигался всё так же крупной рысью.

Теснимая отвесными берегами, глубоко внизу клочкотала горячая река. Прыгая с уступа на уступ, она выбегала вдруг на широкую излучину, делала быстрый поворот и кидалась на угрюмую серую скалу, преграждавшую ей путь. Тысячами брызг откидывала её от себя угрюмая скала. И с угрожающим рёвом, вскипая пеной до самого дна, ещё круче поворачивала река, огибая скалу, вбегала вновь в ущелье и мчалась под новый высокий мост.

Степаныч подскакал к мосту и спрыгнул с седла. Серый круп его коня темнел от пота. Оглядевшись, он привязал коня к кедру у обрыва, выбрал из штабеля, сложенного невдалеке, одну лесину, взвалил её на плечи, донёс до моста и уложил поперёк его на перила. Отряхнув затем куртку, поправив ружьё, он вытащил из кармана трубку, кiset с табаком и, облокотясь на лесину, принялся курить.

Казалось, он не обращал внимания ни на что вокруг. Однако трубка его задымилась сильнее, и ниточки табака в ней закрутились, когда из тайги на противо-

положном берегу показался всадник. Вроной конь нёс его плавной рысью. Вьехал на мост, Сергей остановился.

— Что это? Почему вы перегородили дорогу? — спросил он, спрыгивая с коня и оставляя его посреди моста.

Степаныч молчал и едва попыхивал трубкой.

— Зачем вы загородили? — повторил Сергей, подойдя к лесине и положив руку на шелестящую кору дерева.— По этой дороге к нам на стройку материалы с лесопильного завода возят.

— А мне, видите ли, поговорить с тобой понадобилось.

— Со мной? — переспросил Сергей, и рука его чуть дрогнула.

— Огорчить мне тебя придётся сейчас: конька своего я у тебя заберу.

Сергей побледнел.

— Вы не можете забрать его у меня. Он принадлежит не мне, а нашей стройке. Поезжайте в контору, и вам отдадут его, если вы докажете, что он ваш.

— В контору, говоришь? Ну что ж, давай в контору съездим, коли так! — Степаныч ловко перескочил через лесину и ухватил поводья: — Что? Узнаёшь хозяина?

Конь приложил уши, оскалил зубы и дёрнулся назад, увлекая за собой Степаныча.

— Тихо, Верный! Тихо! — сказал испуганно Сергей, делая шаг в сторону коня.

Продолжая скалить зубы, конь пятился назад, пробуя вскнуться на дыбы. Не сдерживая более своей ярости, Степаныч высоко поднял кулак и сразмаху ударил коня по морде.

Ничего ещё не успев понять, Сергей увидел, как зубы коня вонзились в плечо моста, конь навалился на него. Звено свежооструганных жёлтых перил затрещало и раздалось в стороны. Ствол ружья, за ним ноги коня и человека черкнули розовеющее над рекой закатное небо. Мост опустел.

Крича и плача, Сергей упал плашмя на доски настила и, сжимая руками остро обломанные края их, свесил голову над пучиной.

...Как всегда, кипела внизу река и, то обнажая, то заливая пеной, перекачивала на волнах коня и человека, стремительно унося их.

Мальчик поднялся, пошатываясь, и в ужасе бросился бежать по берегу вслед за волнами.

* * *

Сергея в школе на другой день никто ни о чём не расспрашивал. После уроков, когда четыре товарища вышли из класса, все обступили старшую пионервожатую Аню Семёнову.

— Молодцы, что не приставали к нему с расспросами, — сказала Аня. — Не надо напоминать о вчерашнем.

Против обыкновения, школьники не торопились расходиться. В коридоре и в раздевалке — всюду шли разговоры.

— А близнецы наши с Колей Поспеловым сегодня чуть свет на реку бегали! — крикнул кто-то из мальчиков, надевая куртку.

— Коня искать?

— Да.

— Нашли? — живо обернулась девочка с ботинками в руках.

— Нет. Пропал конь. Потонул, должно быть.

— Потонул? — Она выронила ботики. — Неправда! Они плохо искали, наверное.

— Плохо? Ну, поищи сама!

— А что же? Соберёмся сейчас и пойдём!

— Его возчики спасли, — рассказывал кто-то у окна. — Они с лесопилки с досками ехали. Услышали, как Сергей кричал, выпрягли коней и поскакали верхами его спасать.

— Кого спасать?

— Терентьева. Он у нас в больнице сейчас лежит. Не скоро ещё, говорят, поправится!

Четыре товарища не сразу пошли домой. Дойдя до конца главной улицы посёлка, они, не сговариваясь, свернули к конюшням. В стойле Степняка было пусто. Сергей вошёл в него, повершил душистое зелёное сено в яслях, для чего-то заглянул в кормушку.

— Пойдём, Сергей, — сказал, отвертываясь в сторону, Витя.

Выйдя с конного двора, Ваня показал товарищам на толстое бревно у забора: — Уроки сделаем, давайте встретимся здесь.

Сергей уже поджидал товарищей, когда Коля, Витя и Ваня пришли на условленное место.

— Так и побежал бы опять к реке! Не сидится дома, — сказал он.

— Ну чего ты! Уж как искали его, а не нашли же.

Вдоль улицы и на конном дворе вспыхнули электрические фонари. Густая осенняя темнота охватила посёлок. Холодной сыростью потянуло от тайги. Бледный серп луны высунулся из-за облака и тотчас же снова утонул в нём. Мальчики сидели молча и вдруг услышали далёкое протяжное ржание. Сергей вскочил, но Коля потянул его обратно за руку:

— По нашему берегу едет кто-то. А ты подумал, что это он?

Ржание повторилось. Ваня и Витя достали карманные фонарики.

— Чего вы? В тайгу, что ли, идти собрались? Не очень-то приятно там в такую темень!

— Боишься? Не ходи, и без тебя обойдёмся! — Ваня осветил лицо Коли.

Коля спокойно усмехался:

— Ну нет! Идти, так уж всем вместе, конечно! Да только ошибаетесь вы, это по нашему берегу к посёлку кто-то едет...

Два человека в это время показались в воротах конного двора и, не замечая мальчиков, стоявших в тени забора, двинулись по улице.

— Хромает сильно, потому и тащился по тайге так долго. Но всё пройдёт, вылечим.

Мальчики узнали голос ветврача. Что говорил ему Матвейч, они уже не слышали, опрометью бросившись в конюшню. Сергей добежал первым и распахнул дверь в стойло, товарищи вошли за ним.

Степняк оторвался от кормушки и, тяжело переступая передними ногами, потянулся к мальчишкам. Горячее дыхание его шекотало им лица. И, жмурясь, толкаясь, радостно смеясь, они все разом обнимали склонённую к ним голову коня.

* * *

Степаныч и Степняк поправлялись, но четыре товарища ходили озбоченные. Волновались и другие школьники их класса. На переменах вспыхивали споры:

— Убьёт он коня за то, что с моста его сбросил! Ни за что не простит ему этого!

— Не он коня с перелада вытащил, не он его выходил, не его и конь теперь!

— Не Сергей, так и коня бы не было!
Однажды после уроков в классе было особенно шумно.

— Попросим Матвенча поговорить с Терентьевым. Он знает его, росли, говорили, вместе.

— Послушает он Матвейча! Никого он не послушает!

— Аню Семёнову послушает! — кричали девочки. — Она со всеми говорить умеет!

— Да, правда! Правда! Аня со всеми говорить умеет!

Внезапно все смолкли: на пороге стояла Аня.

— Ну вот, и не пришлось вам просить нас с Матвенчем, мы сами догадались...

Школьники ахнули:

— Вы говорили с Терентьевым?

Аня взглянула на Сергея: лицо его мурлылось, уши горели.

— Письмо тебе, Малышев, но лучше я сама прочту его вслух. У тебя ведь нет секретов от товарищей?

Сергей кивнул головой. Аня развернула бумагу:

— «Всю жизнь свою перебираю я, лёжа здесь. Суровое детство было у меня. Побоев перевидал немало, а вырос — и сам всё смаху да со злобой начал делать.

Нехорошо получилось тогда на мосту, знаю, да что поделаешь? Сам виноват, сам и расплачиваюсь! Поправлюсь немного, на службу сюда перейду. Сын мой Григорий товарищем вам будет. А на коня моего Степняка — по-вашему, Верного — никаких претензий больше не предъявляю. Вы его выходили, на стройку сдаете, ну, так пусть он на стройке и работает!»

...Вечером, помогая дежурному конюху, мальчики работали с особым усердием. Разнося овёс по стойлам и встречаясь то и дело в проходе конюшни, они перекидывались короткими фразами:

— Степняку пробжега завтра назначена, через неделю работать уж будет!

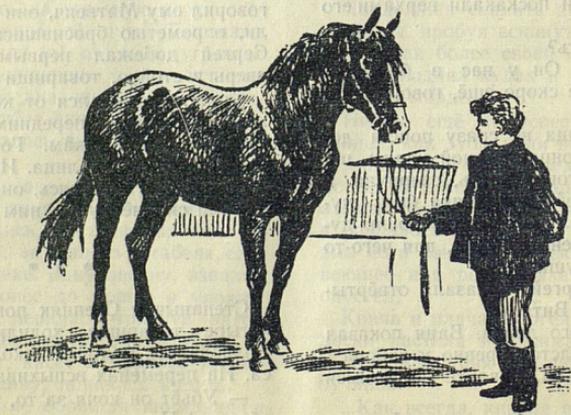
— Как звать его будем? Степняк или Верный?

— Неважно! Важно, что он у нас на стройке остался!

Вспомнив о корочках хлеба, припасённых с обеда и запрятанных в карманы куртки, Сергей забежал в стойло Степняка. Конь поднял от кормушки голову. На мягких губах его налипли овсинки. Угощая его, Сергей пропелтал тихо:

— Знаешь, Верный, ты теперь у нас на стройке навсегда останешься.

Конь фыркнул и, покочившись с корочками, снова принялся за овёс.

СПОРТИВНЫЕ ВСТРЕЧИ

РИСУНКИ НА ЛЬДУ

Моё знакомство с фигурным катанием началось не совсем обычно. Когда мне было лет двенадцать, я обнаружил в записной книжке отца, которую он оставил, уехав в экспедицию, листочек с надписью: «Рисунки на льду». Тут же были изображены какие-то фигуры, тройки, восьмёрки. Я никогда до этого не видел, как делаются такие фигуры. Листочек меня очень заинтересовал, и я отправился на каток, чтобы сделать эти фигуры на льду. Сперва у меня ничего не выходило. Потом я случайно встал на ребро конька и... проехал по кругу! Повторил ещё раз — опять вышло. Показал друзьям. Они тоже попробовали, но у них ничего не получилось. Тут мы поняли, что всё дело в коньках: я катался на «снегурочках», а другие ребята — на хоккейных. У «снегурочек» лезвие скруглённое, поэтому они легко идут по кругу, а у хоккейных полоз прямой, он не может описать круг.

Вскоре мы научились делать на «снегурках» не только круги, но и «тройки» и «восьмёрки». Эти фигуры довольно легко даются любому: Главное — найти верное положение, правильный наклон тела. Мне обычно представлялось, что я обьезжаю на одном коньке вокруг невидимого конуса, причём моё тело всё время как бы лежит на поверхности этого конуса. Только при таком положении, когда корпус наклонён внутрь круга, и можно нарисовать на льду правильную фигуру.

Первые шаги на льду.

Кто-то из взрослых посоветовал нам посмотреть, как катаются настоящие фигуристы. Первое впечатление было ошеломляющим. Стремительные вращения, смелые прыжки, необычайная точность движений!

Спортсмены выписывали на льду сложные узоры и много раз проходили по своему следу, совершенно точно повторяя его. Им ничего не стоило начертить фигуры, которые я видел в записной книжке отца, начертить с такой чёткостью, будто они делали это не коньками по льду, а циркулем по бумаге.

Каким беспомощным, каким обидно неуклюжим показался я себе рядом с ними! И я записался в секцию фигурного катания. В секции нас сразу начали учить кататься на специальных фигурных коньках с полукруглым лезвием и зубчиками впереди. Мне, как всякому новичку, они казались удивительно неудобными и неустойчивыми. Я мучился неделю, пока не привык к новым конькам. Но зато потом я в полной мере оценил все преимущества фигурных коньков, у которых каждая линия продумана и приспособлена для фигуриста.

В катании меня особенно увлекали прыжки. И больше всего — прыжки с вращением в воздухе... Быстрый разбег, лёд летит тебе под ноги, как будто мчишься с горы. Короткий толчок, отрываешься от льда и, вращаясь вокруг своей оси, летишь по воздуху... Точно на ногах крылья, а не коньки.

Хуже получались у меня, хотя и очень нравились мне, пируэты — вращения... Мягкое остороженное скольжение по дуге: подскиваешь точку для вращения. Вамах руками — и весь каток, точно карусель, завертелся вокруг тебя. Двадцать, тридцать оборотов! Удивительное ощущение! Оно знакомо только лётчикам и фигуристам. Недаром фигурное катание — хорошая тренировка для пилотов.

Научился я чётко чертить и так называемые «школьные фигуры», те самые «тройки», круги, «восьмёрки», которые я нашёл тогда в отцовском блокноте. Научился ещё многому. И всё-таки до настоящих фигуристов мне было далеко. Ведь отдельные, несвязанные фигуры — это всё равно, что отдельные, беспорядочно взятые буквы. И мало выучить азбуку: надо ещё научиться складывать буквы в слова. Катание настоящих фигуристов — это не случайный набор фигур, а продуманная, подчинённая общему замыслу «программа произвольного катания».

К самостоятельности, к творчеству, к разнообразию помогла мне прийти музыка. Вы, наверное, замечали, что, когда на катке начинает играть музыка, кататься особенно приятно и самые сложные вещи получаются легко и чётко. И вот я почувствовал, что музыка как бы определяет характер движений. Под марш нельзя ка-

При быстром вращении нужно обязательно прижать руки к корпусу и поднять ногу — «сгруппироваться».

таться так же, как под вальс, а под грустную мелодию делать те же фигуры, что под плясую. Я стал придумывать заранее, как кататься под ту или другую мелодию, в каком порядке делать фигуры; видоизменял и по-новому соединял известные мне движения, придумывал новые и, наконец, увлёкся составлением композиций.

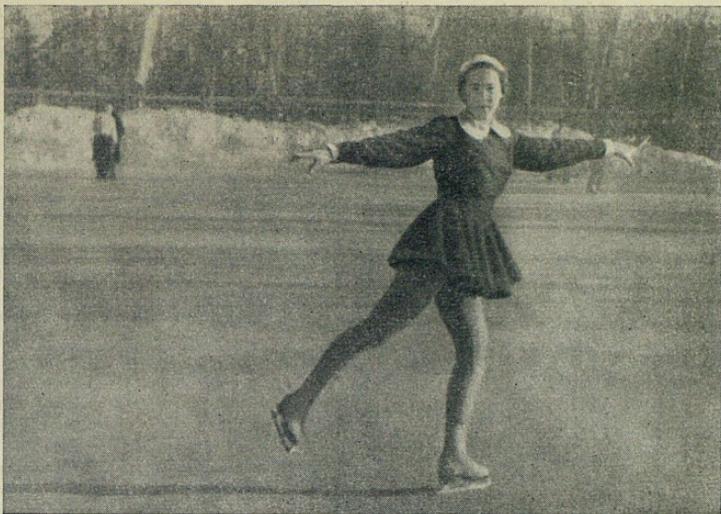
Это — самое интересное в фигурном катании. И нет числа разнообразным комбинациям фигур и движений, которые может придумать фигурист! Здесь, как в любом деле, каждый должен искать свой стиль, свою манеру. Не копировать других, а создавать новое.

Именно этого хочется мне добиться от ребят, с которыми я занимаюсь, от юных фигуристов «Спартака».

Каждую осень к нам приходят новые ребята. Они хотят научиться фигурному катанию. Мы принимаем не всех. Ведь прежде чем стать

Таня Медведева делает пируэт в положении «ласточка».

Ира Фелицына выплывает «школьные фигуры». Обратите внимание на положение рук: они всё время идут над следом конька.

фигуристом, нужно уже хорошо бегать на коньках. Я устраиваю ребятам небольшое испытание. Проверяю, умеют ли они пробежать на коньках быстро, прокатиться на одной ноге вперёд и назад, делают ли «пистолетик».

Занятия у новичков начинаются с самых простых упражнений. Они берутся за руки и образуют круг. Тренер становится в центре и командует:

— Вправо, с левой ноги, раз, два, три!

Ребята делают три толчка зубцами правого конька и едут на внутреннем ребре левого. После третьего толчка у них уже довольно быстрый ход, и они стараются проехать на одной ноге как можно дольше. Невольно они едут по кругу, и коньки их чертят на льду дугу — первый рисунок, который должен освоить каждый фигурист. Через несколько занятий они сумеют сделать такой сильный толчок, что проедут целый круг. Потом они нарисуют круг и не держась за руки. Потом научатся рядом с ним рисовать ещё один круг — на другой ноге. Так они разучат первую «школьную фигуру» — «круг № 1». Круг — основа «школьных фигур», а они, в свою очередь, основа катания. Не овладев «школой», нельзя стать фигуристом.

Чтобы помочь ребятам научиться делать фигуры правильно, мы рисуем круги на льду. Цир-

кулем служит метла. Я берусь за конец её длинной ручки и, поворачиваясь, обвожу круг. Рядом я точно так же рисую ещё один круг. Получается «восьмёрка». По ней и должны новички проехать как можно точнее.

«Школьные фигуры» занимают у нас обычно первую половину урока, потом мы делаем маленький перерыв и переходим к фигурам произвольного катания: к прыжкам, поворотам, спиралям.

Спираль — это очень интересная фигура. Спортсмен разбегаётся, принимает положение, которое называется «ласточкой», и скользит на ребре конька. На льду получается рисунок спирали. Почему именно спирали? Да ведь по прямой-то на ребре фигурного конька не проедешь. Полукруглое лезвие обязательно опишет кривую. Делая спираль, фигурист не меняет положения своего тела, поэтому никак не влияет на скорость. И сперва он с большой скоростью движется по большой дуге. Но постепенно полученная при разбеге скорость затухает, кривая становится всё круче, и наконец фигурист останавливается.

С первых же уроков начинаются и прыжки. Сперва самые простые: прыжок двумя ногами через снежный барьерчик. Нужно научиться отрываться от льда. Это — хорошее испытание

и тренировка смелости будущего фигуриста. Пока боишься упасть, не станешь фигуристом.

К весне все ребята уже хорошо делают спирали и первые «школьные фигуры»; они умеют также, подпрыгнув, повернуться в воздухе на полоборота, а некоторые даже на целый оборот.

Весной, когда лёд растает, занятия не прекращаются. Весной и летом мы попрежнему собираемся на стадионе два — три раза в неделю. Мы занимаемся лёгкой атлетикой. А осенью, когда начинаются дожди, мы переходим в помещение. Занятия ритмичкой учат ребят согласовывать свои движения с музыкой. Упражнения у балетного станка вырабатывают гибкость и пластичность. Есть у нас специальные деревянные коньки, на них мы изучаем вращения. Правда, на полу трение гораздо больше, чем на льду, поэтому можно сделать только пять — шесть оборотов, но эти упражнения приучают к сохранению равновесия и готовят к пируэтам.

И вот когда ребята выходят на лёд, они, несмотря на полугодовой перерыв, чувствуют себя на коньках значительно увереннее и сильнее, чем в конце прошлого сезона.

В первую зиму ребята учились терпению, настойчивости, воспитывали в себе смелость. А теперь им предстоит попробовать свои силы в самостоятельной работе: в создании программ произвольного катания. Как ясно проявляются в этих программах вкусы, наклонности, характеры ребят! Не найдёшь и двух фигуристов, которые катались бы одинаково.

Вот, например, наша старшая группа. Учились они все вместе, вместе делали свои первые шаги, а катаются все по-разному. Есть у нас две девочки, две подруги — Таня и Ира. Обе

они хорошие фигуристки, на состязаниях обе получают высокие оценки. А стилем катания совсем не похожи друг на друга.

Таня стремительная, она любит смелые прыжки, выбирает для катания быструю музыку. Ире нравятся более спокойные мелодии, замедленные, плавные движения, и любимая её фигура — вращение в «ласточке». Таня более спортивна. Ира ближе к балету. Но обе девочки тщательно отделяют каждое своё движение, стремятся к тому, чтобы все фигуры были выполнены безукоризненно красиво, изящно.

А вот Лёву Михайлова в фигурном катании привлекает совсем не то, что девочек. Ему нравятся опасные, трудные фигуры. Особенно любит Лёва вращения. Он пополняет свою программу совершенно новыми, изобретёнными им пируэтами. Вот, например, «волчок» — пируэт в положении «пистолетика». Большинство фигуристов делает «передний волчок», то есть лицом вперёд. А представьте себе, что вы едете в «пистолетике» назад и из этого положения начинаете вращаться. Так вот, Лёва не только делает так называемый «задний волчок», но, не прекращая вращения, переходит из него в «передний», а затем снова в «задний». Эту сложную комбинацию он придумал сам.

Есть у Лёвы в характере одна черта, которую я очень люблю. Этот тринадцатилетний мальчик умеет бороться за победу. На одном из состязаний кандидатами на первое место по Москве во втором спортивном разряде были два фигуриста — Лёва и ещё один мальчик со стадиона Юных пионеров. Вероятно, с победой нашего фигуриста Лёва ещё мог бы примириться, но уступить первое место другому обществу?! На состязаниях Лёва превзошёл себя. Он сумел показать свою программу так чётко и с такой смелостью выполнил сложные фигуры, что судьи «открыли шестёрку» — поставили ему шесть баллов. Это самая высокая оценка, и присуждают её очень редко.

Но при всех лёвиных достижениях ему ещё очень и очень многого не хватает. Например, он некрасиво гордится, недостаточно высоко прыгает. Он и сам знает, что ему надо серьёзно работать, учиться. И я верю, что Лёва избавится от своих недостатков; ведь он очень любит свой спорт. Он даже самых равнодушных умеет заразить своим увлечением. Именно Лёва чаще других приводит в нашу школу новичков.

И в самом деле, по-моему, просто невозможно, увидев фигурное катание, не увлечься им. Мне думается, что, даже

Юные фигуристки занимаются у станка.

посмотрев на фотографии в журнале, многие из вас, ребята, захотят стать фигуристами.

Фигурное катание — очень интересный и полезный спорт. И начинать заниматься им лучше всего с детства. Взрослому человеку искусство катания даётся гораздо труднее. Вот почему бывает, что юные фигуристы иногда могут даже превзойти взрослых. Недаром ведь ребята на соревнованиях выступают теперь не отдельно от взрослых, как в других видах спорта, а вместе с ними, на равных правах.

Попробуйте на катке выполнить простые фигуры. Сделайте круг на одной ноге и рядом — на другой ноге. Когда научитесь этому, пройдите на одной ноге по обним кругам. Самое трудное тут — перейти в середине «восьмёрки» с внешнего ребра конька на внутреннее. Чтобы делать круги правильно, сперва нарисуйте их на льду.

Организируйте в своей школе кружок и пригласите вести его кого-нибудь из фигуристов. Вам, конечно, понадобятся фигурные коньки, достать их нетрудно.

А самое лучшее — поступайте в школу фигурного катания. Такие школы есть в каждом городе.

Слава Павлов и Марина Винке разучивают фигуры для парного катания: «пистолетик» и «ласточка».

И наверняка после первых же занятий вы полюбите этот замечательный спорт.

Г. К. Фелицын,
тренер спортивного общества
«Спартак»

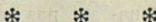

С Н Е Ж И Н К И

Е. Трутнева

Когда увяли все цветы,
Мы прилетели с высоты.
Мы, как серебряные пчёлки,
Уселись на колючей ёлке,
Мы полетели на поля,—

И стала белою земля,
Прильнули к твоему окошку,
Укрыли яблоню в саду...
Скорей подставь свою ладошку,
Поймай лохматую звезду!

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

КУВШИН С ЗОЛОТОМ

Слышать мне довелось от наших стариков, а старики слышали от своих дедов, их деды — от своих дедов, что жил некогда пахарь. Были у него всего-навсего клочок земли да пара волов.

И вот однажды зимой эти волы издохли. Наступила весна, пришло время пахать, сеять, а бедняку и в поле не на чем выехать. Подумал он, погоревал и сдал свою землю внаймы соседу, такому же бедному крестьянину.

Выехал в поле сосед, начал пахать, как вдруг зацепился плуг за что-то, и с места его не сдвинешь. Нагнулся пахарь посмотреть, а в земле кувшин, полный золота. Бросил он своих волов, со всех ног побежал в деревню — и прямо к хозяину поля:

— Свет глазам твоим! В твоей земле я нашёл большой кувшин с золотом. Иди, забирай его!

— Нет, братец, не моё это золото. Ты заплатил за землю, ты её пахнешь, значит, что из этой земли ни выйдет,—

всё твоё. Хлеб вырос — твой. Золото нашлось — тоже твоё. Бери его себе!

Загорелся спор. Один твердит: «Твоё золото», — другой: «Нет, твоё». Слово за слово — дошло дело до драки. Пошли крестьяне к царю, чтобы он рассудил, кто прав.

Царь, услышав о кувшине с золотом, задрожал от жадности:

— Зачем вам спорить? Кувшин найден в поле, поле в моей стране, — значит, золото моё!

И царь со свитой поспешил на крестьянское поле. Велел поскорей открыть кувшин, заглянул, а там полно змей!

Смущённый и разгневанный вернулся царь во дворец и повелел наказать дерзких землепашцев за обман.

— Долгой жизни тебе, царь, — завопили несчастные, — помилуй нас, не губи без вины! Ведь мы своими глазами видели: в кувшине чистое золото, а не змеи!

Пошли царские слуги посмотреть ещё раз хорошенько, возвращаются во дворец и докладывают:

— Да не заходит для тебя солнце, царь! В кувшине чистое золото.

«Что за диво! — подумал царь. — Может быть, я не разглядел как следует?»

И он снова со всей своей свитой отправился на пашню.

Открывает кувшин — в нём змеи свернулись клубком, шевелятся, шипят...

Тогда царь приказал собрать мудрецов.

— Разоткните, мудрецы: что за чудо? Вот эти пахари нашли в земле кувшин. Смотрю я в кувшин — там змеи, смотрят пахари — кувшин полон золота.

— Не прогневайся, государь, на правдивые слова! Этот кувшин, полный золота, дарован бедным землепашцам за их трудолюбие и честность. Вот почему они и находят в кувшине золото. А когда ты хочешь забрать кувшин, присвоить чужое добро, золото превращается в змеи.

Долго молчал царь: не знал, что ответить.

— Хорошо, — молвил он наконец, — если так, рассудите: кому из них должно достаться золото?

— Конечно, владельцу земли! — воскликнул наёмщик.

— Нет, тому, кто пахал её! — возразил хозяин поля.

И опять они завели свой спор.

— Тише, тише, дайте мне слово сказать! — вмешались мудрецы. — Ответьте лучше: есть у вас дети, сыновья или дочери?

Оказалось, что у одного крестьянина сын, у другого дочь. Тогда мудрецы сказали:

— Пожените молодых и отдайте кувшин с золотом им.

Все были довольны, а больше всех родители. Пришёл конец ссоре, начали готовить весёлую свадьбу. Длилась она, эта свадьба, семь дней и семь ночей.

Тут и сказке конец.

ЗМЕЯ И РЫБА

Змея и Рыба побратались.

— Сестрица, — сказала Змея, — хочется мне хоть разок поплавать по морю.

— Хорошо, — ответила Рыба, — залезай ко мне на спину, я покатаю тебя.

Едва успели они отплыть от берега, как Змея укусила Рыбу в спину.

— Сестрица, ты почему кусаешь меня? — Я нечаянно.

Проплыли ещё немного, и Змея опять укусила Рыбу.

— Сестрица, что ж ты всё кусаешься?

— От солнца помутилось в голове...

Ещё проплыли они чуть-чуть, и Змея укусила Рыбу в третий раз.

— Да что это с тобой, сестра?

— Уж такая у меня привычка.

— А знаешь, у меня тоже есть своя привычка, — ответила Рыба и нырнула в глубину моря.

Змея захлебнулась и утонула.

ТРУДНАЯ ЗАГАДКА

Ума-палата Пухи нес на базар узелок.

По дороге встретился ему прохожий.

— Узнай, что у меня в платке, — угощу тебя яичницей, — говорит Пухи.

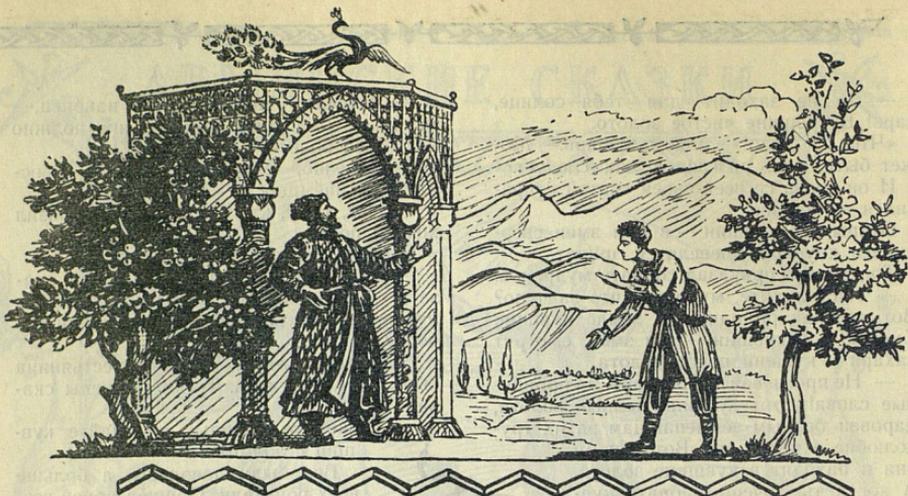
— Яйца! — ответил прохожий.

— Ой, как же это ты догадался?! Ну, если скажешь теперь, сколько их, весь десяток тебе отдам.

— Десять! — ответил прохожий.

— Хорошо ты отгадываешь, братец! — сказал Ума-палата Пухи, отдавая узелок с яйцами.

* * *

ХОЗЯИН и РАБОТНИК

Сказка записана и художественно обработана
поэтом Ованесом Туманяном

или на свете два брата-бедняка. Когда нужда их совсем одолела, они решили, что младший останется дома, а старший пойдёт к кому-нибудь в работники и деньги будет посылать домой.

Как задумали, так и сделали. Младший остался присматривать за хозяйством, а старший отправился в чужие края и нанялся к богатому хозяину. По уговору срок работы должен был истечь весной, когда закуует кукушка. Но хозяин поставил работнику одно условие:

— Если до этого срока один из нас рассердится, он платит другому тысячу золотых. Если ты рассердишься, — плати мне, я рассержусь, — плачу тебе.

— Но ведь у меня нет денег!

— Тогда отработаешь у меня десять лет даром.

Работник испугался было и не хотел идти на такие условия, а потом, поразмыслив, согласился: «Что бы там ни слу-

чилось, не буду сердиться, а если рассердится хозяин, пусть платит мне по уговору».

На другой день спозаранку хозяин послал нового работника в поле.

— Поди и коси, покада светло, — сказал он, — а как стемнеет, возвращайся.

Весь день трудился бедняк, а когда вечером, усталый, пришёл домой, хозяин встретил его на пороге:

— Ты почему вернулся?

— Как почему? Солнце село — я работу кончил.

— Э, нет, так не годится! Я ведь тебе сказал: коси, покада светло. Солнце село, да зато взмогла его сестра, луна. Лунный свет — тоже свет.

— Где же это слыхано, косить при луне? — удивился работник.

— Да ты, я вижу, сердишься? — спросил хозяин.

— Не сержусь... что ты! Это я просто устал. Отдохну немножко... — ответил работник заплевающимся от испуга языком и опять пошёл в поле.

Он косил до захода луны, но вслѣд за тем опять взошло солнце... Измученный работник свалился наземь.

— Будь проклято и твоѣ поле, и твой хлеб, и твои деньги!..— начал он в отчаянье поносить хозяина.

При этих словах откуда ни возьмись — сам хозяин:

— Ага, ты сердишься? Ну, так плати деньги! Уговор наш нерушимый, и теперь понапрасну не болтай, что я незаконно поступил с тобой.

Что тут делать бедняку? И тысячи золотых нет, и работать у такого человека десять лет сил не хватит.

Думал он, думал, наконец дал хозяину расписку, что уплатит ему тысячу золотых, и с пустыми руками вернулся домой.

— Ну, как дела? — спросил младший брат.

— Ох, беда случилась, — ответил старший и рассказал всё, как было.

— Ничего, не горюй, — сказал младший брат, — теперь ты побудь дома, а я наймусь в работники.

Отправился младший в путь-дорогу, нашѣл того богача и стал наниматься в батраки. Богач ему поставил те же условия: работать до весны, пока закукует первый раз кукушка. Если за это время рассердится работник, — он платит тысячу золотых или работает бесплатно десять лет, если же рассердится хозяин, — он платит работнику тысячу золотых и отпускает на все четыре стороны.

— Ну, нет, это мне не подходит, — сказал младший брат. — Если ты рассердишься, — заплатишь две тысячи золотых; если я рассержусь, — дам тебе две тысячи или стану работать на тебя даром двадцать лет.

— Согласен! — обрадовался жадный хозяин.

Сейчас же, не откладывая, заключили они условие, и младший брат стал работником у богача.

На другой день солнце уже давно поднялось, а работник не встаѣт.

Хозяин стал его будить:

— Помилуй, скоро полдень, а ты все ещё спишь.

— Ты что, сердишься?.. — приподнимая голову, спросил работник.

— Не сержусь ничуть, — ответил хо-

зяин, — я только хочу напомнить, что надо бы идти в поле косить траву...

Работник встал, потянулся и начал медленно обувать свои рваные чусты.

— Поторопись же ты, братец, нельзя ведь так!

— Да ты как будто сердиться?

— И не думаю я сердиться, просто мне кажется, что мы опаздываем на работу...

— Это — дело другое. Смотри, не забывай уговор!

Пока работник надел чусты, пока дошли до поля, наступил полдень.

— Стоит ли начинать работу? — сказал работник хозяину. — Видишь, все обедают; давай-ка подкрепимся и мы.

— Сели они обедать. После обеда работник говорит:

— Работы впереди много, нужно бы малость поспать, набраться силы, — и, растянувшись в густой траве, заснул до вечера.

Загорелись звѣзды на небе. Невмоготу стало хозяину.

— Послушай, где у тебя совесть? Все косари кончили работу, только наш луг остался некосёным!.. О, чтоб сломалась шея того, кто тебя ко мне послал! И за что мне такое наказание!.. — начал было хозяин.

— А ведь ты сердишься! — сразу проснувшись, сказал работник.

— Нет! Нет! Совсем я не сержусь, а лишь хочу сказать, что стемнело уже, пора домой.

— Ну, если так,— пойдём.
Вернулись домой, а там гости
ждут. Послал хозяин работника
зарезать барашка, шашлык жарить.

— Какого барашка резать? —
спросил работник.

— Какой попадётся.

Прошло немного времени —
бегут к хозяину соседи.

— Твой работник, видно, с ума
сошёл,— кричат они,— режет ба-
ранов одного за другим!

Выбежал хозяин из дому и видит:
лежат зарезанные бараны. Погибло его
стадо!

— Да обрушится твой кров! Что ты
наворил?

— Ведь ты же сказал: «Какой по-
падётся, такого и режь»,— вот я и резал
всех, какие мне попадались. Что ж в этом
плохого? — спокойно ответил работник и
тут же добавил: — Но ты, кажется, сер-
дишься?

— Нет, не сержусь, хоть мне и жалко,
что ты зря погубил моё
стадо...

— Ладно, не сердись-
ся,— значит, всё в порядке!

Так «работал» младший
брат и неделю, и две, и
три, пока совсем не вывел
из терпения своего хозяи-
на. В отчаянии тот об од-
ном лишь мечтал: как-
нибудь избавиться от ра-
ботника. А между тем ещё
только начиналась зима и
и до весеннего куко-
вания кукушки было
далеко.

Подумал-подумал хозяин и решил
схитрить. Отвёл он жену в лес, посадил
её на дерево и наказал куковать, как
только завидит работника. Сам же вер-
нулся домой и приказал работнику:

— Собирайся, пойдём на охоту!

Едва вошли они в лес, жена хозяина
давай куковать:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Слышишь, приятель? Кукушка ку-
кует! Поздравляю тебя, кончилась твоя
служба! — воскликнул хозяин.

Но парень сейчас же разгадал, в чём
тут дело.

— Эге, где же это слыхано, чтобы сре-
ди зимы куковала кукушка? — сказал
он.— Подстрелю-ка я её и посмотрю, что
за птица странная...

С этими словами он повернулся к де-
реву, где сидела жена богача, и стал це-
литься.

С криком бросился хозяин к работнику
и вцепился в ружьё.

— Чтоб тебе лопнуть, разбойник,
извёл ты меня!..

— Ну, теперь-то уж я
вижу, что ты сердишься! —
засмеялся работник.

— Да, да, сержусь!
Пойдём, уплачу я тебе две
тысячи, лишь бы глаза
мои тебя не видели. Те-
перь я понимаю, что зна-
чит старая поговорка: «Не-
рой другому яму — сам в
неё попадешь!»

Младший брат распла-
тился за старшего брата,
получил тысячу золо-
тых и весело отпра-
вился домой.

ОТОВСЮДУ

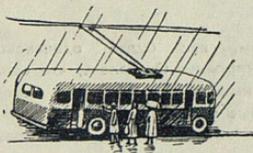
И

ОБО ВСЕМ

ЛОВУШКА ДЛЯ ТОКА

Нередко, особенно в сырую погоду, перед водителем троллейбуса вспыхивает сигнальная лампа. Её тревожный свет говорит водителю: «Немедленно в парк! На корпус троллейбуса появился ток. Он может ударить пассажиров, входящих и выходящих из вагона».

Уже давно инженеры борются с токами утечки в троллейбусе. Заведующий кафедрой электрического транспорта Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина В. А. Беляков тщательно изучил троллейбус, исследовал все его машины и аппараты, провода, выключатели, систему подачи тока в мотор. В. А. Белякову помогли другие научные сотрудники Политехнического института и работники троллейбусных парков: они ставили множество

опытов, проводили различные исследования.

И наконец В. А. Беляков нашёл способ уменьшить утечку тока. Он использовал маленький электромагнитный механизм — поляризационное реле. Как губка вбирает в себя воду, так и реле впитывает ток, растекающийся по корпусу троллейбуса, и делает его таким незначительным, что он совершенно не ощущается человеком. Весь этот прибор свободно умещается в маленькой коробке, чуть побольше металлической коробки для монпансье.

В. А. Беляков установил свой прибор в троллейбусе и попросил нарочно создать ток утечки, соединив корпус троллейбуса с одним из проводов. В вагон невозможно было войти: человек, поставившего ногу на ступеньку, сильно встряхивало.

Но когда В. А. Беляков включил свой прибор, тотчас же ток с поверхности троллейбуса исчез. Правда, чувствительные электрические приборы обнаруживали ток, но человек совершенно не ощущал его, потому что напряжение электричества на корпусе троллейбуса сделалось слабее, чем напряжение тока в маленькой батарейке для карманного фонаря.

Теперь приборы Белякова устанавливаются на троллейбусах в Ленинграде, Москве и других городах.

А. Морозов

НОВЫЙ КОМБАЙН

Когда вы прочтёте это название, не подумайте, что речь пойдёт о машине, которая убирает на полях хлеб. Новая машина, сконструированная советскими инженерами, убирает не хлеб, а сахарную свёклу.

Комбайн снимает урожай сразу с трёх рядков свёклы. Поэтому он называется трёхрядным.

Могучие стальные лапы, укрепленные впереди машины, подкапывают свёклу, металлические «руки» вытаскивают её из земли. Комбайн этот многорукий, его «руки» насажены на бесконечную, всё время вращающуюся цепь. Как только «рука» подойдёт к свёкле, её распоренные «пальцы» сжимаются. Ботва оказывается как бы зажатой в «кулаке». «Рука» извлекает свёклу из

земли и тащит её вверх к ножу, который срезает ботву. Специальный механизм выравнивает свёклу, чтобы вместе с ботвой нож не срезал слишком много свёклы или не оставил на корне ботву. Срезанная ботва сбрасывается в правый бункер, а свёкла попадает на транспортер, идущий в левый бункер.

Пока свёкла путешествует по машине, она успевает очиститься от земли.

Всё дальше и дальше движется комбайн, оставляя по-

зади себя аккуратные кучи свёклы и зелёные холмики ботвы.

За один сезон комбайн убирает до ста гектаров; причём работает он намного быстрее людей. Значит, можно начинать уборку недели на две позже, а за это время свёкла ещё больше вырастет, накопит сахару. Вот урожай и увеличится.

Новая машина носит название «СКЕМ-3». Первая буква означает «свеклокомбайн», цифра 3 говорит о том, что он трёхрядный, а «КЕМ» — это начальные буквы фамилий её конструкторов — Коренькова, Еремеева, Мельникова, — удостоенных за создание комбайна Сталинской премии.

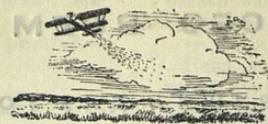
Г. Юрмин

САМОЛЁТЫ НА ПРОПОЛКЕ.

Всем вам, ребята, наверно, не раз приходилось помогать колхозникам в прополке, и вы знаете, какая это утомительная работа. А без неё никак не обойтись. Сорняки мешают расти культурным растениям, заглушают их и снижают урожай колхозных полей. Сколько сил тратится на борьбу с сорняками!

Советские учёные пришли на помощь колхозникам. Научные сотрудники Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева И. И. Гунар и М. Я. Березовский провели множество опытов и доказали, что для борьбы с сорняками можно использовать химию. Работа их удостоена Сталинской премии.

Как же бороться с сорняками? Ведь и сорняки и те растения, которые мы возделыва-

ем, как будто одинаково устроены. Оказалось, что есть химические препараты, которые убивают не все растения, а только двудольные; как раз к ним-то и относятся такие зловредные сорняки, как сурепка, лебеда, осот, василёк, вьюнок, ромашка, дикая редька. А все злаковые растения — пшеница, рожь, ячмень, овёс, рис — однодольные, и им этот препарат совсем не страшен.

На Дону и Кубани большие массивы полей были опрыснуты с самолёта новым химическим препаратом, и уже через

несколько часов сорняки погибали, скрючились и погибли.

Химическая прополка увеличивает на 3—6 центнеров урожай зерна с гектара. Испытания были проведены в самых различных климатических условиях: в Сибири, на Алтае, на Урале, на Украине, на Кавказе, в Поволжье и в других местах, — и везде они прошли успешно.

Учёные продолжают исследования, они проводят опыты с двудольными растениями, с кукурузой, просом, с овощами и различными техническими культурами.

И недалеко от времён, когда на прополку колхозных полей будут вылетать самолёты, освободив колхозников от этой работы.

ГИДРОРЕАКТИВНЫЙ КАТЕР

Великий русский учёный К. Э. Циолковский положил начало научному проектированию воздушных кораблей, движущихся без винта, при помощи струи газов, вырывающейся из машины. Наша страна уже давно располагает прекрасными реактивными самолётами.

А недавно в Москве проводились испытания гидрореактивного катера. Сконструировал его М. Д. Хренников, инженер Красноярской судостроительной фабрики. У этого катера нет гребного винта и руля, погружённых в воду под кормой корпуса. От носа до кормы в подводной части катера проходит канал, заполняемый водой, которую во время хода с боль-

шой силой гонит насос, приводимый в движение мотором. Сила отдачи выбрасываемой воды заставляет катер двигаться вперёд.

У этого нового катера есть много преимуществ. Он свободно передвигается по мелководью, осадка его всего лишь 35 сантиметров, значит, он может пройти по речке глубиной в 40—50 сантиметров. Катеру не страшны такие пловучие преграды, как брёвна и рыболовные сети, он может плавать в местах, сильно заросших водяной растительностью.

Вместо руля на катере есть специальное устройство — дефлектор, — отклоняющее в разные стороны выбрасываемую

струю воды и тем самым меняющее направление судна. Это же устройство может заставить катер двигаться в обратную сторону.

Гидрореактивный катер можно использовать и как спасательное судно. Он близко подходит к пароходу, севшему на мель, струей выбрасываемой воды размывает мель и выводит судно на глубокое место.

М. Д. Хренников уже давно работает над конструкцией своего катера. Теперь уже налажено серийное производство таких катеров. Их уже немало плавают по рекам, которые всегда считались непригодными для судоходства.

А. Морозов

В МИРЕ КНИГ

Вступлени е в ж и з н ь

Н. Галина

Осенним утром пятнадцатилетний паренёк Дима Ракитин впервые покинул родную деревню, родной дом и, простясь с сестрёнкой и матерью, пустился в дальний путь. Он хорошо помнил, что говорил ему, умирая, отец: «Жизнь большая, дел в ней хватит, только не ленись».

Это были годы первых сталинских пятилеток. Советские люди самоотверженно, не щадя сил, строили новую жизнь.

Дима Ракитин поступил в школу ФЗУ при большом заводе на берегу Волги. Здесь нашлись у него и друзья, и недруги, и старшие товарищи, умные, зоркие и чуткие учителя.

О том, как росли и учились Дима Ракитин и его товарищи, как крепла их дружба, складывались и выковывались их характеры, как раскрылась перед ними большая и радостная жизнь, — рассказал писатель Александр Андреев в своей повести «Ясные дали».

Как в любой школе, в любом классе или пионерском отряде, в ФЗУ, где учится Дима Ракитин, все ребята очень разные. Мы вскоре узнаём друзей Димы: талантливого музыканта, застенчивого и мечтательного Саньку Кочегова, прямую, смелую и весёлую Лену Стогову, твёрдого, справедливого юношу, настоящего комсомольского вожака Никиту Доброва. Вместе с Димой мы возмущаемся легкомыслием Болотина, грубостью и заносчивостью Фургонова.

Герой повести Дима Ракитин, от лица которого ведётся

рассказ, растёт и меняется у нас на глазах.

Дима хорошо учится, прекрасно работает, мечтает стать комсомольцем. Но совершенно неожиданно для Димы комсомольское собрание «временно воздержалось» принять его в комсомол. Саню приняли, а его нет.

Почему же это произошло? Почему Дима, хороший ученик, не заслужил доверия коллектива? Вместе с Димой мы задумываемся над этим, вместе с ним вспоминаем, как он жил до сих пор, как относился к товарищам. И убеждаемся, что комсомольцы правы.

Наказ отца «быть во всём первым» Дима понял слишком упрощённо и прямолинейно: старался сохранить за собой первенство во всём, даже в мелочах. Дима, например, никого не пропускал впереди себя в дверь, всех отталкивал и входил первым.

Успехи и неудачи товарищей не волновали его, он думал лишь о себе. Дима ждал каких-то подвигов, а в обычной, повседневной жизни он был эгоистом: плохой товарищ, он не умел подчинить свои личные интересы общим, не понимал великой силы коллектива...

Нередко бывает так: прочтёте вы книгу и ребят, героев её, полюбите, запомните, а взрослых почти и не заметите: они кажутся неинтересными, их трудно отличить друг от друга. А писатель Андреев взрослых изобразил так же ярко, как и ребят:

перед вами живые люди, их хорошо представляешь себе.

Все они, каждый по-своему, помогают ребятам, учат их хорошо работать, готовят их к большой, славной и честной трудовой жизни.

Оплошал Дима, и старый кадровый рабочий, отец Никиты, простыми словами помогает ему понять ошибку,

понять то большое и важное, без чего нельзя жить: самое страшное — оторваться от товарищей, противопоставить себя коллективу. Коллектив ошибается редко, если он тебя осудил, проверь себя, пересмотри свои поступки, поищи, в чём ты не прав. Человеческая гордость идёт от знания дела: если хорошо знаешь своё дело, если работаешь со всеми сообща и для всех, а не для себя одного, тогда и товарищи будут гордиться тобой.

Неизменно внимателен к ребятам парт-орг Сергей Петрович: ребята ему близки и дороги, его волнуют их успехи и неудачи. Ему всё важно: целы ли у них башмаки, почему печален Саня Кочевой и как дать ему возможность учиться музыке, почему не приняли Ракитина в комсомол и как сделать, чтобы настоящими советскими людьми стали и Ракитин, и Фургонов, и другие ребята. От Сергея Петровича Ракитин впервые с удивлением слышит,

что можно с человеком бороться за него самого — бороться за хорошее в нём, против плохого. Не всегда хорошее легко побеждает, но сразу это даётся, но тем дороже и радостней победа.

Должно быть, многие из вас почувствуют, что эту борьбу за Фургонова писатель показал не так ясно и убедительно, как мог бы: слишком внезапно, без перехода, без подготовки меняется этот грубоватый парень. И всё же нельзя не поверить: Фургонова, как и всех, захватило и преобразило большое общее дело, которому с жаром, с увлечением отдают ребята свои помыслы, свои силы и уменье.

Перед ребятами прекрасное, светлое будущее. И они с волнением, с любовью готовят коллективный подарок товарищу Сталину, тому, кто дал им это будущее!

Труд объединил и сплотил всех их: и столяров, и слесарей, и электриков. Подарок вождю — лучшее создание их рук, ума и сердца. И недаром говорят им старик-инструктор: «Теперь вы сами мастера... А отметку вам поставит уж народ, товарищ Сталин».

И мы знаем, что их отметка в жизни будет высокой, потому что они стали не только хорошими столярами, слесарями, электриками, но и научились жить и бороться, научились любить друзей и ненавидеть врагов.

У НАС В БИБЛИОТЕКЕ

В нижнем этаже нашей школы есть две комнаты, которые мы все очень любим. Это наша библиотека и читальня.

Школа у нас большая, и у библиотекаря Зои Андреевны Кузнецовой очень много работы, и вот мы, члены библиотечного кружка, стараемся помочь ей: приводим в порядок книги, производим «техническую обработку», то есть пишем карточки для каталога, приклеиваем к внутренней стороне переплёта кармашки, пишем ярлычки возврата. Пятиклассники Лерик Григорьев, Эдик Кузнецов, Слава Моцкевич, вошедшие недавно в наш кружок, поднимают газеты, следят, чтобы читатели не задерживали газеты, долги книги. А мы, старшие, дежури́м в библиотеке и читальне, следим за порядком, помогаем при выдаче книг, а иногда читаем вслух малышам.

Дежури́т каждый из нас примерно раз в неделю, до или после уроков. Это очень интересный день. Начинается он с того, что Зоя Андреевна отбирает книги, нужные для ребят, которые придут сегодня. Ведь у каждого класса свой библиотечный день.

Книги стопками лежат на столе. В дни малышей это тонкие цветистые книжки: сказки,

сборники весёлых стихов, крохотные рассказы с картинками. А когда мы ждём старшеклассников, то подбираем книги толще, внушительней. Тут и «Молодая гвардия», и «Васёк Трубачёв и его товарищи», и Гайдар, и классики. Для каждого можно подобрать интересную книгу: ведь в нашей библиотеке десять тысяч книг!

Особенно интересно дежури́т в дни малышей. Мы расспрашиваем маленьких читателей, понравилась ли им книга, просим рассказать, о чём в ней говорится. Так всегда делает и Зоя Андреевна. И иной раз при такой беседе обнаруживается, что девочка или мальчик вовсе не читали или не дочитали книжки... Выясняешь, почему. Если книга оказалась трудной, даёшь другую, полегче. А если попросту поленились, возвращаешь ту же книгу.

— А кто написал эту книжку? — спрашивает дежурная.

На этот вопрос ребята из второго и даже из третьего класса часто не могут ответить. Ведь когда ещё только начинаешь читать, автором как-то не интересуешься. А спросят тебя раз, другой, и привыкнешь смотреть, какая фамилия стоит на обложке. К этому нас самих когда-то

приучала Зоя Андреевна. Она научила нас бегать книгу, аккуратно обертывать её бумагой, не пачкать, не загибать страниц... А теперь мы сами учим этому малышей.

В дни старшекласников в библиотеке, конечно, другие разговоры. Вот приходит мальчик из восьмого класса — Володя Горovenko. Мы уже знаем: сейчас будет просить что-нибудь по технике — этим он интересуется больше всего. А другой мальчик увлекается астрономией — он перечитал все книги о звёздах и строении вселенной, какие были у нас. Теперь Зоя Андреевна связала его с республиканской библиотекой. Она всегда готова помочь ребятам, интересующимся техникой, достаёт им специальные книги, но при этом непременно даёт и художественную литературу: нужно, чтобы у человека был широкий кругозор...

В дни, когда приходит старшие, у Зои Андреевны особенно много дела. Вот девочка готовит доклад о Гайдаре — надо помочь ей подобрать литературу. Пионеры 6-го «А» просят указать, что читать о Советской Армии: у них будет сбор на эту тему. Приходит ребята из географического, из математического кружков — у каждого свои интересы, свои запросы. На всё это отвечают книги, а книгу помогает разыскать библиотека.

— Что ещё можно прочитать о великих естествоиспытателях? — спрашивает одна девочка.

Зоя Андреевна рекомендует книгу В. Сафонова «Земля в цвету».

— А мне не понравилась эта книга: там всё про ботанику, — заявляет другая девочка, помешнее.

— Просто ты не поняла! — сердито говорит третья.

Завязывается спор. Такие споры у нас бывают довольно часто. Они немного мешают выданию, но как же удержаться и не поспорить? Один раз мы все отчаянно спорили с одной девочкой, которая, видите ли, объявила, что «Война и мир» — сухая книга... Потом только, с помощью Зои Андреевны, мы разобрались, в чём тут дело. Просто она взялась за «Войну и мир» слишком рано, и все главы о войне показались ей сухими и скучными. Видно, правда, книги надо читать по возрасту, а то от прочитанного мело проку.

Вот уже три года работаем мы в нашем кружке и всё больше любим нашу библиотеку, всё больше любим книги.

*Рая Молоatkova, Валя Лукьянова,
Зоя Родина, ученицы
44-й средней школы, г. Уфа.*

А Л Е Н У Ш К И Н Ы С К А З К И

И. Халтурин

«Баю-баю-баю...»

Один глазок у Алёнушки спит, — другой смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица; а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая мышка-норушка, и сверчок за печкой, и пёстрый скворец в клетке, и забияка-петух. Спи, Алёнушка, спи, отецка дощ, — сейчас сказка начинается.

Так начинается книга, которую мы все знаем с детства, — знаменитые «Алёнушкины сказки» Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

Самое удивительное в этой присказке, что всё это настоящая правда.

В самом деле жила-была девочка Алёнушка, и был у неё папа, и он рассказывал ей сказки. Было это давным-давно — родилась девочка Алёнушка в 1892 году. Мать её вскоре умерла, и осталась девочка сиротой — «отецкой дочерью». Алёнушка была ребёнком болезненным, и постоянно надо было бороться за её жизнь, за её здоровье.

— Я не видел ни одной матери, которая бы относилась к своему ребёнку с такой любовью, с таким благоволением и заботой, с какими относился Дмитрий Наркисович к своей Алёнушке, — вспоминает один знакомый Мамина-Сибиряка.

В. Серов. Иллюстрация к «Сказке про Воронушку-чёрную головушку и жёлтую птичку Канарейку».

Своей дочке Алёнушке и рассказывал Мамин-Сибиряк свои сказки, а потом напечатал их от-

дельной книжкой. С тех пор пятьдесят пять лет живёт эта книга среди детей. Давно умер старый писатель, не надолго пережила его и Алёнушка, а «Алёнушкины сказки» живут и не стареют. Советские дети читают эти сказки с таким же интересом, как читали их бабушки и дедушки, когда были маленькими.

Рассказывая свои сказки, Мамин-Сибиряк хотел не только развлечь и позабавить свою дочку. Будь это просто забавные истории, они не прожили бы столько лет. В своих сказках Мамин-Сибиряк не только занимательный рассказчик, но и мудрый учитель и чуткий воспитатель.

Каждая настоящая сказка учит жить.

Однажды, когда Мамин-Сибиряк читал своей Алёнушке сказку Пушкина «О рыбаке и рыбке», Алёнушка сказала:

— Я старуху-то палкой прибью, зачем она старика обижает!

Как и сказки Пушкина, сказки Мамин-Сибиряка были написаны, чтобы пробудить в людях добрые чувства и мысли.

— Сказываются сказки старикам и старушкам на утешенье, молодым людям на поученье, а малым деткам на послушанье, — говорил Мамин-Сибиряк.

Герои его сказок не просто животные и звери. В них олицетворены народные идеалы справедливости, честности, смелости и трудолюбия, в них осмеиваются трусость, жадность, лень.

«Храбрый заяц», который хвалился волка съесть, водится не только в дремучем лесу, но и в классе и в пионерском отряде. И, наверное, вы знаете товарищей по школе, которые похожи на Воробья Воробейча и Ерша Ершовича.

В сказках всегда есть доброму молодцу урок: они рассказывают о правде жизни, учат добру.

Кроме «Алёнушкиных сказок», Д. Н. Мамин-Сибиряк написал много других не только для малых ребят, но и для людей всех возрастов.

В одних он рассказывает о мире природы.

Одна из лучших его сказок, «Серая шейка», знакома всем со школьной скамьи.

В других сказках Мамин-Сибиряк смеётся над старым временем и старыми порядками, как, например, в «Сказке про славного царя

Дочка Д. Н. Мамин-Сибиряка Алёнушка.

Гороха и его прекрасных дочерей — царевну Кутафью и царевну Горошинку».

У этого «славного» царя Гороха на правой руке было шесть пальцев, и из-за этого шестого пальца царю Гороху всего было мало. Царь был жаден, скуп и завистлив; он часто воевал, чтобы грабить чужие земли. Ничем не брезговал царь Горох, даже лыком, даже венником брал он дань.

Сказка эта, осмеивавшая царей вообще, была напечатана в 1904 году, когда Россией правил царь Николай II, и читатель невольно сравнивал этого царя со сказочным царём Горохом. Второе издание этой сатирической сказки вышло только в 1918 году.

Сказки Мамин-Сибиряка живы сейчас так же, как живы его правдивые рассказы о детях, о смелых охотниках, об уральских лесах и уральских заводах.

Иллюстрации к произведениям Д. Н. Мамина-Сибиряка

Современники оценили Мамина-Сибиряка как классического детского писателя. Его книги много раз издавались, лучшие художники иллюстрировали его произведения.

Аполлинерий Васнецов любил Урал, писал его пейзажи и сделал рисунки к двум рассказам Мамина-Сибиряка; Валентин Серов, крупнейший русский художник, — к одной из «Алёнушкиных сказок» — к «Сказке про Воронушку-чёрную головушку и жёлтую птичку Канарейку».

Художник-передвижник Константин Савицкий иллюстрировал первую книжку Мамина-Сибиряка для детей — рассказ «Емеля-охотник», который вышел в 1884 году.

Особенно много книг Мамина-Сибиряка выходит в советское время. Многие советские художники иллюстрируют их. Здесь мы помещаем некоторые рисунки старых и современных художников к произведениям Мамина-Сибиряка.

Е. Рачев. Рисунок к «Сказке про Комара Комаровича — длинный нос и про Мохнатого Мишку — короткий хвост».

А. Лаптев. Рисунок к сказке «Серая шейка».

К. Савицкий. Рисунок к рассказу «Емеля-охотник».

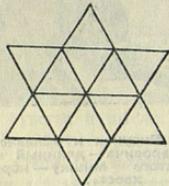

Г. Никольский. Рисунок к рассказу «Емеля-охотник».

НЕ СПЕШИТЕ С ОТВЕТОМ

Сколько треугольников различной величины видите вы на этом рисунке?

КАК НИ КИНЬ, ВСЕ 20

Начертите квадрат со стороной, равной 8 см, и разделите его на шестнадцать одинаковых клеток.

Из картона нарежьте шестнадцать квадратных фишек размером немного меньше клетки в квадрате. Напишите на фишках числа: 2, 4, 6, 8, каждое по четыре раза.

В клетках квадрата расположите фишки с таким расчётом, чтобы написанные на них числа давали в сумме 20 по всем горизонтальным и вертикальным рядам квадрата, а также по его диагоналям.

КАКИЕ СЛОВА?

На обороте тех же фишек напишите буквы: а, а, а, а, б, з, к, к, о, о, р, р, р, у, у.

Эти буквы разместите в квадрате так, чтобы из них составились четыре слова, которые можно было бы читать слева направо и сверху вниз.

БУДИЛЬНИК

Будильник испорчен, он отстаёт на 4 минуты в час. Три с половиной часа назад он был поставлен правильно. Теперь на верных часах ровно 12. Через сколько минут будильник покажет тоже 12 часов?

Вы показываете ребятам девять небольших карточек из картона. Крупными цифрами они пронумерованы по порядку: № 1, № 2, № 3, № 4 и т. д.

«На оборотной стороне карточек,— говорите вы,— написаны девять чисел. Они обладают замечательным свойством: пользуясь ими, можно получить любое целое число от одного до трёхсот. Это число найдётся на одной из карточек или оно получится в результате сложения чисел, написанных на нескольких карточках».

Желая проверить, так ли это на самом деле, ребята по очереди называют различные целые числа. Каждый, кто скажет число, получает от вас одну или несколько карточек. Всякий раз проверка подтверждает замечательное свойство девяти чисел, выбранных вами для этого математического опыта.

На карточках написаны числа: 1 (№ 1), 2 (№ 2), 4 (№ 3), 8 (№ 4), 16 (№ 5), 32 (№ 6), 64 (№ 7), 128 (№ 8), 45 (№ 9).

Вам нужно запомнить эти числа, что не представляет

труда, так как каждое из них, кроме первого и последнего, в два раза больше предыдущего.

Вы должны знать наизусть, какому числу соответствует каждый номер карточки.

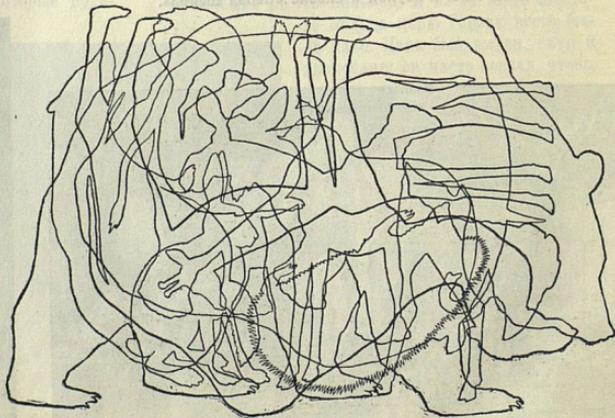
Начиная опыт, положите перед собой на стол все карточки в один ряд, повернув вверх той стороной, на которой поставлены номера.

Если кто-нибудь назовёт одно из девяти написанных чисел, то вам достаточно отыскать по номеру соответствующую карточку. Если же сказанное числа нет на карточках, то вы должны быстро представить его как сумму нескольких чисел, выбранных для опыта. Карточки с нужными числами вы сейчас же находите, взглянув на номера.

Допустим, один из ребят сказал число «189». Его можно представить как сумму следующих: 128, 45, 16. Вы берёте со стола карточки: восьмую, девятую и пятую.

Передавая их тому, кто назвал число, вы говорите: «Сложи три числа, написанные на этих карточках,— у тебя получится 189».

ЗАТЕЙНЫЙ ЗВЕРИНОЦ

Назовите десять животных, контуры которых вы сможете различить на этом рисунке, если внимательно его рассмотрите.

ПОСЛОВИЦЫ

У дверей зала стоят дежурные. Каждому из ребят, пришедших на школьный вечер, дежурный даёт маленькую карточку. На ней чётко написано лишь одно слово, например, «рыбка», «платье», «капля».

Так начинается игра «Пословицы». Платок, висящий на видном месте, знакомит участников игры с её условиями. Вот этот платок.

ИГРА «ПОСЛОВИЦЫ»

На карточке, полученной при входе, ты прочитал слово. Оно встречается в широко известной пословице или поговорке.

Ещё одно слово из той же пословицы написано на другой карточке, которая находится у кого-нибудь из ребят. Отыщи того, кто получил эту карточку. С ним вместе подойдите к дежурному, который принимает ответы. Потихоньку скажите ему пословицу и объясните её смысл.

Дежурный сидит за столом, над которым висит табличка: «Здесь принимаются ответы от участников игры «Пословицы».

Через несколько минут двое ребят подходят к столу. Они показывают дежурному карточки, на одной написано слово «пруд», на другой — «рыбка».

«Без труда не вынешь и рыбку из пруда», — говорит играющий, а его партнёр примерно так объясняет смысл этой пословицы: «Чтобы хорошо выполнить даже несложное дело, надо потрудиться, приложить старание». Ответ верный. Играющие отдают дежурному карточки.

Вторая пара уже стоит у стола. По словам «капля» и «камень» ребята вспомнили: «Капля по капле и камень долбит», — но смысла пословицы они не понимают. Дежурный оставляет карточки играющим и предлагает им посоветоваться с товарищами, которые помогут им правильно объяснить пословицу.

Готовясь к этой игре, надо выбрать пословицы и поговорки, известные ребятам. Необходимо, чтобы в каждой пословице встречалось не менее двух имён существительных, например:

«Береги платье снову, а честь смолоду», «Что написано пером, того не вырубишь топором», «Готовь телегу зимой, а сани летом», «Молодец на овец, а на молодца сам овец», «У страха глаза велики», «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь», «Не сиди сложа руки, не будет и скуки».

Выбрав из пословиц по два имени существительных, пишут каждое из них в именительном падеже на пяти карточках. Рассчитайте, сколько взять пословиц, чтобы карточек хватило на всех ребят.

Перед началом игры все карточки складываются в таком порядке, чтобы одно слово из пословицы было отделено от другого несколькими карточками.

Дежурный, который принимает ответы, должен быть хорошо подготовлен к игре. Ему надо не только знать выбранные пословицы, но и уметь правильно оценить объяснения, которые будут давать играющие.

Желательно, чтобы ответы принимал учитель, вожатый пионерского отряда или ученик старшего класса.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 10

СКОЛЬКО СТРАНИЦ

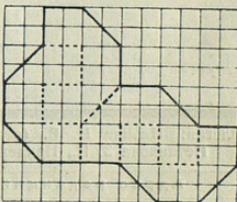
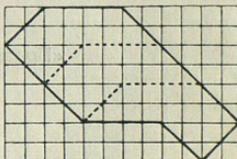
Каждая из первых девяти страниц нумеруется одной цифрой. Нумерация следующих 90 страниц требует 180 цифр, по две цифры на каждую страницу. Чтобы пронумеровать дальше 900 страниц, надо 2 700 цифр. Значит, если бы книга содержала 999 страниц, то для её нумерации потребовалось бы 2 889 цифр (9+180+2 700). На самом деле употребили 2 775 цифр. Отсюда можно сделать вывод, что в книге больше 100 страниц, но меньше 999. Вычти из 2 775 то количество цифр, которое потребовалось для нумерации первых 99 страниц, то есть 189, получим 2 586. Такое число цифр оказалось необходимым, чтобы пронумеровать страницы книги, начиная от 100. Разделив 2 586 на 3, узнаем, что таких страниц было 862. Значит, книга содержит $862 + 99 = 961$ страницу.

ЛАБИРИНТ

Фаза — фанза (н). Блок — белок (е). Вена — весна (с). Скука — скупка (п). Бурак — буерак (е). Утка — шутка (ш). Парк — парик (п). Роль — роля (я). Грудь — груздь (з). Вход — выход (ы). Пряжа — пражка (к). Пушка — опушка (о). Ария — армия (м). Косяк — косяк (т). Дляна — долина (о). Камин — кармин (р). Трюм — триумо (о). Луг — плуг (п). Псарь — писарь (н). Колос — колосс (с). Галка — галька (ь). Горец — гордец (д). Тир — тире (е). Кочан — колчан (л). Трава — отрава (о). Сума — сумма (м).

Пословица: «Не спеши языком, торопись делом».

ДВЕ ГОЛОВЛОМКИ

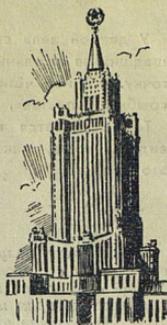

На рисунках этих показано, как разделить эти фигуры на равные части.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Партия.— Стихи Д. Гулина. Рисунки В. Константинова	II пол. обл.
Партия ведёт наш народ к коммунизму	2
Черты великого нового.— И. Котенко. Фотографии из журнала «Советский Союз»	4
Первое имя.— Повесть И. Линкстанова. Продолжение. Рисунки Ф. Лемкула	13
Операция.— Рассказ М. Жестева. Рисунки Б. Винокурова	33
Д. Н. Мамин-Сибиряк.	40
Господин Снорохов.— Рассказ Д. Н. Мамин-Сибиряка. Рисунки Г. Филипповского	41
Москва будущего.— Г. Остроумов	52
Под счастливою звездою мы живём в краю родном!— Стихи, заметки и рисунки ребят	59
Верный.— Рассказ В. Антохиной. Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова	65
Рисунки на льду.— Г. К. Фелицын, тренер спортивного общества «Спартак»	77
Снежинки.— Стихи Е. Трутневой	81
Армянские сказки.— Рисунки В. Федяевской	82
Отовсюду и обо всём	87
В мире книг	89
В часы досуга.— И. Чкаников	94

На вклейке:

- «Октябрь в Смольном» — картина Н. Осенева.
- «Власть Советам — мир народам» — фрагмент картины Д. Налбандиана, В. Басова, Н. Мещанинова, В. Прибыловского, М. Суздальцева.

На обложке:

рисунок А. Катковского
«Праздничный вечер на Цимлянской ГЭС».

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д-3-30-73.

А 06039. Подп. к печ. 29/X 1952 г. Форм. б. 82×110¹/₄. Бум. листов 3.06. Печ. листов 10,05. Тираж 140 000 экз. Изд. № 849. Зак. 2424.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ГЛАВОБУВЬСБЫТ

ТЩАТЕЛЬНЫЙ УХОД

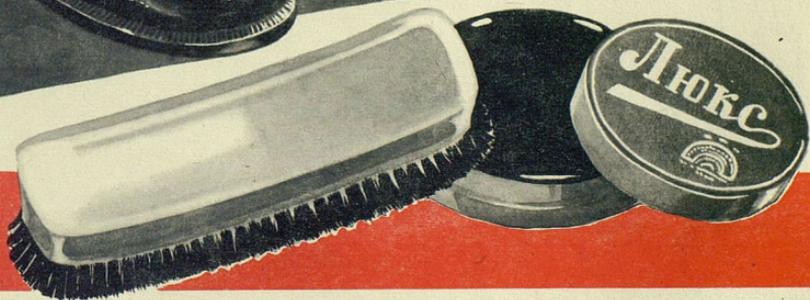
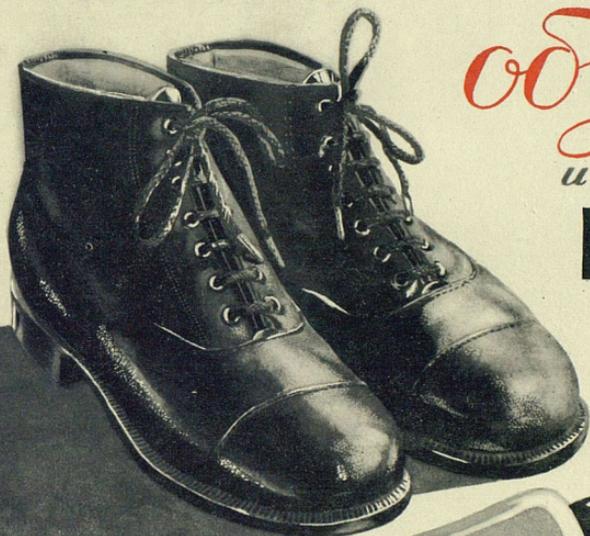
ЗА

обувью

и чистка

КРЕМОМ

СОХРАНЯЮТ
ВНЕШНИЙ ВИД
ОБУВИ И
УВЕЛИЧИВАЮТ
СРОК НОСКИ

нп.

ЗИМНИЕ ИГРЫ

На школьном стадионе, в своём дворе, на пустыре, на речке или на пруду устройте зимнюю спортивную площадку. На ней можно организовать весёлые игры и состязания, которые показаны на этом рисунке: 1. Эстафета лыжников. 2. Слалом на санках. 3. Снежное строительство. 4. Состязание троек. 5. Весёлый ком. 6. Скользящие мишени. 7. Гордки на льду. 8. Маленький хоккей. 9. Эстафета конькобежцев.